ИСТОРІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шипова.

1802—1862.

Печатая на страницахъ «Русской Старины» Исторію моей жизни, я надѣюсь, что встрѣчу искреннее сочувствіе у всякаго человѣка, кому только на пути его жизни досталось испытать какія либо превратности и треволненія. Въ продолженіе моей многострадальной и скитальческой жизни я претерпѣлъ много несчастій, но всегда переносилъ ихъ благодушно и хладнокровно,—никогда не терялъ присутствія духа, даже въ самыхъ тяжкихъ и горестныхъ обстоятельствахъ. Событія моей жизни, отъ самаго младенчества, я передаю въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ сохранила ихъ моя память. Отдавая на судъ читателямъ повѣсть о моихъ похожденіяхъ, я всецѣло ввѣряюсь ихъ благосклонной снисходительности.

Николай Шиповъ.

1802—1813 гг.

Родился я въ 1802 г., въ слободѣ Выѣздной, близь города Арзамаса *), Нижегородской губерніи. Отецъ мой былъ помѣщичій крестьянинъ; имѣлъ хорошее состояніе; занимался торговлею скотомъ, для чего ежегодно ѣздилъ въ Симбирскую и Оренбургскую губерніи за баранами. Онъ былъ человѣкъ грамотный, начитанный; пользовался почетомъ и уваженіемъ.

На шестомъ году отъ рожденія меня отдали въ ученье грамотѣ мѣстному священнику. Какъ могу теперь припомнить, бабушка повела меня въ церковь; отслужили молебенъ пророку Науму. Такъ обыкновенно дѣлалось въ старину. Читать я выучился скоро, и въ какой нибудь годъ или два «мы прошли» уже псалтирь; но письмо мнѣ не давалось: какъ ни бились, я все-таки писалъ старинным почеркомъ, сходственно съ родительскимъ.

Такъ прошло года четыре. Наступилъ достопамятный 1812-й годъ. Тутъ пошли разные толки о войнѣ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ распространилась молва, что французы идутъ въ Москву. Хоть и при глупомъ, дѣтскомъ разумѣніи, во я понималъ, что намъ грозитъ какая-то бѣда. Въ послѣднихъ

*) Арзамасъ—слово мордовское и означаетъ: „красная цѣвушка". Н. Ш.

числахъ августа тронулась наша матушка-бѣлокаменная; день и ночь не умолкала большая дорога: ѣхали жители изъ Москвы. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ дошла до нашей слободы вѣсть, что Москва занята французами. Народъ упалъ духомъ; торговля прекратилась, а въ томъ числѣ и моего отца. Наступили большіе холода. Приходило много войска; солдаты размѣщались по избамъ жителей, человѣкъ по 20-ти и болѣе въ каждой, отчего происходила тѣснота ужасная. Гнали плѣнныхъ французовъ, которые были въ странныхъ смѣшныхъ костюмахъ: смѣсь русской одежды съ французской, и при томъ въ изорванномъ, очень неприглядномъ видѣ. Мы, дѣти, не мало смѣялись надъ такимъ потѣшнымъ одѣяніемъ несчастныхъ галловъ. За плѣнными французами шли обозы раненыхъ; везли полуживыхъ, даже мертвыхъ, которыхъ хоронили человѣкъ по 50-ти вмѣстѣ.—Зима была ужасно холодная; морозы стояли жестокіе. Я очень хорошо помню, что когда мы съ товарищами дѣлали снѣговую гору, то трудно было поливать ее водой — тотчасъ замерзала; бывало бросишь изъ ковша вверхъ воду; она падаетъ въ видѣ града. Поневолѣ приходилось сидѣть въ избѣ, а здѣсь были солдаты съ плѣнными французами.—Скажу о своемъ домѣ: онъ былъ о двухъ жильяхъ съ пристроенною съ боку маленькою горенкою. Весь домъ занимали солдаты и два офицера; семейство же наше, состоящее изъ 4-хъ душъ—отца, матери, меня и 15-ти-лѣтней сестры моей,—тѣснилось въ горенкѣ. О какихъ либо удобствахъ, разумѣется, тутъ не могло быть и рѣчи; особенно доставалось бѣдной моей сестрѣ. Дѣло въ томъ, что тогда существовалъ въ крестьянскомъ быту старинный обычай, сходный съ татарскимъ: дѣвушка на возрастѣ, особенно невѣста, не могла въ родительскомъ домѣ видѣть лицомъ къ лицу чужаго мужчину, а была обязана, какъ скоро завидитъ гостя, идущаго къ нимъ во дворъ, или закрыться платкомъ и выбѣжать въ другую избу или къ сосѣду, или же, въ случаѣ невозможности бѣжать, скрыться подъ кровать, или даже запрятаться подъ перину. Моего отца посѣщали разныя лица, и сестра каждый разъ убѣгала къ сосѣду, у котораго не было постоя, потому что онъ былъ въ ратникахъ,—простудилась, получила чахотку и скоро умерла. — Впрочемъ, и безъ того въ слободѣ за это время смертность была большая; умирали отъ 5 до 10 человѣкъ въ день. Да, тяжелое было тогда житье для насъ, а въ другихъ мѣстахъ и того хуже.

Но вотъ прошла жестокая зима; наступилъ май мѣсяцъ 1813 г. Въ слободѣ стало тихо,—войска не было; только вновь сформированные ратники проходили. Отецъ мой началъ производить прежнюю торговлю. Онъ отправился въ степи Симбирской и Оренбургской губерній для покупки скота. Взялъ и меня съ собою. Это была моя первая поѣздка въ степи нашихъ сѣверо-восточныхъ губерній. Потомъ онъ часто возилъ меня въ Оренбургскій край, пріучая мало по малу къ производимому имъ промыслу. Считаю, по этому случаю, не лишнимъ разсказать здѣсь мною слышанное, видѣнное и испытанное.

1814—1819 гг.

Поѣздки наши въ уральскія степи производились въ разное время года, но обыкновенно мы отправлялись изъ дому въ мартѣ мѣсяцѣ, или въ первыхъ числахъ апрѣля. Это для того, чтобы заблаговременно купить скотъ, и потомъ удобнѣе было гнать его лѣтомъ.—Почти отъ города Симбирска, по ту сторону Волги, начинались степи и тянулись до города Уральска и далѣе, а отсюда—къ Каспійскому морю. Степи обширныя, раздольныя. По нимъ протекаютъ небольшія рѣчки, изобилующія всякаго рода рыбой. Разной дичи пернатой водилось здѣсь весьма довольно, и мы съ отцемъ никогда не пропускали случая поохотиться. Къ сѣверу, по отраслямъ Уральскихъ горъ было множество дикихъ козъ; но охота на нихъ трудна и небезопасна.—Въ степяхъ, на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, находились небольшія селенія уральскихъ казаковъ; по р. Уралу, на такъ называемой «линіи», построены были казачьи форпосты, въ родѣ маленькихъ земляныхъ крѣпостей, для защиты отъ набѣговъ немирныхъ киргизовъ. (Эти киргизы причиняли не мало вреда: угоняли скотъ, иногда и людей, которыхъ обыкновенно продавали въ Хиву). Казаки занимались преимущественно скотоводствомъ и рыбною ловлею; сѣяли дыни, арбузы и разныя овощи, но въ незначительномъ количествѣ. Они были грубы, однако довольно гостепріимны; русскаго православнаго крѣпко не долюбливали, съ ними вмѣстѣ изъ одной посуды не ѣли, а всегда давали особую; впрочемъ вино и водку пили изъ одной рюмки. Казачки — добры, милостивы и богомольны. На огромномъ пространствѣ отъ Уральска до Юрьева Городка всѣ жители отъ мала до велика говорили по киргизски; это происходило отъ близкаго сосѣдства и частыхъ сношеній съ киргизами.

Городъ Уральскъ стоитъ на рѣкѣ Уралѣ и притокѣ его Чаганѣ. Въ то время онъ былъ необширенъ, съ тремя храмами и одной старообрядческой часовней; населяли его преимущественно казаки и находился онъ подъ управленіемъ войсковаго атамана. Уралъ—рѣка быстрая, многоводная и обильная рыбою, которой здѣсь, близь Уральска, бывало особенно много. Объяснить это можно такимъ образомъ: весной, во время разлива Урала, рыба, большими партіями, шла съ низовьевъ рѣки, отъ Каспійскаго моря, вверхъ по теченію. Къ этому времени, по издавна заведенному обычаю, казаки забивали, близь города, поперегъ рѣки, большія бревна на подобіе свай; эти бревна тѣсно приходились одно къ другому и такимъ образомъ представляли родъ прочнаго забора (по мѣстному названію «учугъ)». При такой преградѣ рыба ужъ не могла идти далѣе вверхъ по рѣкѣ, развѣ разливъ рѣки былъ необыкновенно великъ. Прибавлю къ сему, что когда происходила постройка описаннаго забора, то собирались всѣ городскіе казаки, присутствовалъ самъ

атаманъ и войсковые чиновники. По окончаніи постройки бывала закуска, такъ что день этотъ почитался веселымъ, праздничнымъ.—Рыба въ Уральскѣ была очень дешева, напримѣръ, въ 1817 г. осетрина стоила 15 и 12 к. асс. за фунтъ; свѣжая икра—25 и 30 коп.

Теперь скажу о покупкѣ скота и о пригонѣ его къ мѣсту назначенія—въ слободу Выѣздную. Скотъ мы покупали обыкновенно у разныхъ лицъ: у казаковъ, у кочующихъ киргизовъ и у русскихъ купцовъ, занимающихся, подобно намъ, этимъ промысломъ. Въ Оренбургѣ или чаще въ Уральскѣ покупали лошадей, повозки и провизію; нанимали человѣкъ 18—20 работниковъ изъ крестьянъ Нижегородской или Симбирской губерніи, приходящихъ сюда весною на заработки,—и отправлялись въ степи. Скотъ покупался въ различныхъ мѣстахъ, на дальномъ между собою разстояніи, не большими сравнительно партіями или гуртами, которые рабочими и сгонялись къ опредѣленному мѣсту въ степи.

Цѣны на скотъ существовали неодинаковыя. Отецъ мнѣ говорилъ, что въ началѣ нывѣшняго столѣтія баранъ стоилъ 1 руб. 70 коп. асс., а вскорѣ послѣ 1812 г. платили уже по 3 руб. 50 коп. асс. за штуку, и даже по 5 руб. Случалось и такъ, что въ одинъ годъ скотъ покупали дороже, а въ другой дешевле. Это происходило отъ многихъ причинъ; бывало, какъ наѣдетъ въ степи много русскихъ купцовъ,—ну, и набьются цѣны. Если стояла слишкомъ суровая зима, то скотъ непремѣнно дорожалъ, такъ какъ его много погибало отъ морозовъ. Но главное, при покупкѣ скота обращалось вниманіе на то: такъ называемый за-уральскій это скотъ, или букеевскій; первый былъ мельче, особенно бараны,—а послѣдній крупнѣе и жирнѣе. Поэтому, мы покупали въ разные года неодинаковое количество скота,—обыкновенно нѣсколько тысячъ головъ, приблизительно пять, восемь, десять тысячъ и болѣе.

Купленные въ разныхъ мѣстахъ гурты барановъ сгонялись, главнымъ образомъ, къ Общему Сырту,—на рѣчки Чуганъ, Деркулъ и Ембулатовку; это съ форпоста Сорочинка. [1]) Тутъ за прогонъ скота по степи никому ничего не платили. Зато нерѣдки бывали случаи, когда казаки или башкиры нападали на приказчиковъ и рабочихъ при гуртахъ, били ихъ нагайками и силою вымогали дань за то будто бы, что при прогонѣ скота испорчены луга, которыхъ казаки никогда не косили. Если рабочіе останавливали стада для пастьбы по хребтамъ горъ, то казаки и башкиры на то не сѣтовали. Одному приказчику давалось обыкновенно два гурта, каждый по 900 бара-

[1]) На этомъ мѣстѣ существовалъ нѣкогда хивинскій городокъ, развалины котораго видны и понынѣ. Здѣсь отыскиваютъ хивинскія монеты и разныя другія древнія вещи. Говорятъ, городокъ тотъ разоренъ былъ разбойниками Нечаева. Н. Ш.

новъ,—и при нихъ 6 человѣкъ рабочихъ: два передовыхъ или гуртоправовъ и четверо, такъ называемыхъ, заднихъ; былъ еще кашеваръ. Давалось имъ три повозки съ тремя упряжными лошадьми для клади и провизіи, да сверхъ того 4-я лошадь—верховая. Бывало, раннимъ утромъ, когда солнце только что обогрѣетъ степи, барановъ поднимутъ и погонятъ со стану. Гуртовой, идя впереди барановъ, помаленьку начинаетъ разгонять ихъ, чтобы они шли рѣже, не скучиваясь; задніе рабочіе подгоняютъ отставшихъ отъ гурта, но дѣлаютъ это осторожно, съ извѣстной снаровкой, чтобы не испугать весь гуртъ, который расходится иногда, особенно по хорошей травѣ, въ ширину болѣе полверсты. При этомъ гуртоправъ старался пріучить барановъ идти рядами, стройно, въ порядкѣ. Опытные гуртоправы весьма скоро достигали того, что бараны слушались ихъ, какъ солдаты своихъ командировъ. Въ теченіи дня нѣсколько разъ давался скоту отдыхъ. Въ это время гуртоправъ быстро осматривалъ барановъ, отыскивая, нѣтъ ли между ними больныхъ; если таковой находился, его тотчасъ отдѣляли отъ гурта, чтобы другіе не заразились, и лечили. Пастбища выбирались, понятно, съ хорошей, сочной травой. Вообще, въ продолженіе всего пути приказчикъ, гуртоправъ и рабочіе заботились всѣми мѣрами о хорошемъ продовольствіи скота, чтобы бараны были жирные, шерсть на нихъ чистая и мягкая. Вечеромъ, съ закатомъ солнца, гурты останавливались на ночлегъ; для этого мѣсто избиралось такое, чтобы и пастбище было тучное, и водопой обильный. Въ этихъ именно видахъ заблаговременно нанимались нѣкоторыя степи, съ платою по уговору. Такъ шло дѣло до города Бугуруслана, куда приходили гурты никакъ не позднѣе второй половины іюля мѣсяца. Здѣсь стригли съ барановъ шерсть и отправляли ее въ Выѣздную слободу. Отъ Бугуруслана гурты прогонялись или на Симбирскъ, или къ Бугульмѣ и Казани. Здѣсь также случалось не безъ препятствій и задержекъ отъ чувашъ и калмыковъ. Чуваши народъ зловредный. Зная, что въ извѣстное время, по ихъ дачамъ и лѣсамъ прогоняются гурты барановъ, они вырываютъ въ лѣсу ямы и ставятъ въ нихъ петли; проходящій скотъ падаетъ въ эти ямы и такимъ образомъ дѣлается добычею чувашъ. Если же такая уловка имъ почему либо не удавалась, то они прибѣгали къ другому средству. Со мной былъ такой случай. Прогнали мы свои гурты близь одной чувашской деревни (Имуткиной), по проселочному пути, минуя чувашскія степи верстъ 5. Желая попользоваться отъ насъ за проходъ какой нибудь добычей, чуваши, болѣе ста человѣкъ, догнали насъ и остановили, говоря, что скотъ нашъ потопталъ ихъ луга. Я понялъ, что, при сопротивленіи, могутъ быть для насъ худыя послѣдствія и поэтому, приказавъ своимъ приказчикамъ гнать гурты далѣе – на дачу Обошную, самъ поѣхалъ съ чувашами въ ихъ деревню, на отличной верховой лошади. Дорогою, какъ ни зорко наблюдали за мною чуваши, какъ ни стерегли, но я перехитрилъ ихъ и прискакалъ на

моемъ рѣзвомъ конѣ къ своимъ гуртамъ, которые я догналъ близь Шалашниковой степи, у мельницы, на рѣчкѣ Сохѣ.—Отсюда шли мы на Сергѣевское, Орлянку, Хилково, Тростянку, Хорошеньку, Килянку, на Новый Буянъ и Узуково. Далѣе пролегали, верстъ на 50, калмыцкія степи, которыя примыкали къ Волгѣ, и я почелъ за нужное спросить позволенія у калмыцкаго начальника, проживающаго въ Ягодномъ улусѣ, пройти по этимъ степямъ. Послалъ къ нему съ этою цѣлію одного изъ приказчиковъ; чрезъ нѣсколько времени явился ко мнѣ самъ начальникъ, изъ калмыковъ, съ двумя драбантами. Я его почтительно принялъ, достодолжно угостилъ и на дорогу снабдилъ бараниной; за это онъ позволилъ мнѣ свободно прогонять гурты по степи и безпрепятственно пользоваться пастбищемъ. Придя къ Волгѣ, я договорилъ климовскихъ крестьянъ перевезти на другой берегъ барановъ, по 5 коп. за штуку. Переправа эта очень хлопотлива. Отсюда мы погнали гурты обыкновеннымъ путемъ—на Буинскъ, Курмышъ и домой, въ слободу, куда скотъ обыкновенно приходилъ около 20-го сентября, или къ половинѣ октября мѣсяца, и тутъ же, немедленно принимались его рѣзать въ особо устроенныхъ при домѣ бойняхъ и салотопняхъ.

Кромѣ указанныхъ мною неудобствъ, встрѣчающихся при прогонѣ скота, приходилось еще вѣдаться съ разбойниками, которые властвовали въ тѣхъ мѣстахъ поистинѣ безпрепятственно. Напримѣръ, по эту сторону Волги, близъ села Собакина (Симбирской губерніи), грабилъ и разбойничалъ отставной солдатъ Безрукій съ своими удалыми товарищами. Въ 1816-мъ году, отецъ отправилъ домой нашего приказчика Баранина, вѣрнаго и надежнаго человѣка, съ двумя гуртами и 7-ю рабочими. Гурты остановились на ночлегъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Собакина, близъ лѣса. Рано утромъ выѣзжаетъ изъ лѣсу этотъ Безрукій съ своими молодцами и требуетъ отъ Баранина денегъ. Рабочіе оробѣли, приказчикъ на колѣняхъ передъ разбойникомъ говорилъ, что у него нѣтъ денегъ болѣе 10-ти руб. Получивъ десятка два ударовъ нагайкой, Баранинъ отдалъ всѣ имѣющіяся при немъ деньги и лучшую лошадь. Разбойники удалились въ лѣсъ, а вѣрный приказчикъ, приказавъ рабочимъ гнать гурты далѣе, самъ тотчасъ-же отправился верхомъ въ село Собакино и заявилъ о случившемся съ нимъ происшествіи сельскимъ властямъ. И что же услышалъ? «Эхъ, любезный,—сказали ему,—эти разбойники ограбили не тебя одного, а многихъ лицъ, и не настолько. Мы тебѣ не можетъ оказать никакой помощи: вѣдь они теперь, можетъ быть, гуляютъ ужъ по пензенской столбовой дорогѣ. Ступай себѣ съ Богомъ». Такъ Баранинъ и ушелъ.

На той сторонѣ Волги, по Общему Сырту, гдѣ пролегаютъ дороги въ Оренбургъ и Уральскъ, разбойничалъ борской казакъ Иванъ Григорьевъ Мельниковъ, съ товарищами. Этотъ разбойникъ былъ страшенъ для всѣхъ проѣзжающихъ; о немъ и его подвигахъ ходили въ народѣ разные

разсказы, въ которыхъ быль перемѣшивалась съ небылицею. Напримѣръ, говорили, что онъ имѣлъ заговоръ отъ ружья, т. е. что его нельзя было ни убить, ни ранить пулей. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ земская полиція не могла поймать его; а если это случалось и Мельникова сажали въ острогъ, то онъ уходилъ отсюда, какъ бы ни была бдительна стража и крѣпки запоры. Мельниковъ никого не убивалъ, развѣ только въ какомъ нибудь рѣдкомъ и исключительномъ случаѣ; любилъ послушаніе и покорность; ослушниковъ же его приказаній и требованій строго наказывалъ нагайкой и бралъ больше дани. Однажды, крестьяне нашей слободы, въ количествѣ болѣе 20-ти человѣкъ, на десяти повозкахъ, отправились въ Оренбургъ за баранами. Подъѣзжая къ Общему Сырту, они условились между собою, что, въ случаѣ нападенія, разбойникамъ не поддаваться. Чрезъ нѣсколько времени крестьяне замѣтили шибко ѣдущихъ имъ навстрѣчу вооруженныхъ людей: то былъ атаманъ Мельниковъ съ своими товарищами. Поровнявшись съ обозомъ, атаманъ закричалъ передовому крестьянину: «оставовись»; но этотъ не послушался и продолжалъ ѣхать. Тогда атаманъ приказалъ одному изъ своихъ товарищей бить непослушнаго по спинѣ нагайкой. Крестьяне перепугались, забыли о своемъ уговорѣ—не поддаваться разбойникамъ. Послѣ того Мельниковъ приказалъ подать для себя кошму; когда разослали ее, онъ сѣлъ.—Крестьяне же, молча, стали передъ нимъ; ихъ окружили разбойники. Атаманъ обратился къ перепуганнымъ крестьянамъ съ такою рѣчью: «я знаю, вы ѣдете въ Оренбургъ за покупкой скота и у каждаго изъ васъ есть деньги; я могъ бы васъ совсѣмъ обобрать. Но такъ какъ вы оказали мнѣ послушаніе, то я беру только по 5 рублей асс. съ повозки. Когда будете ѣхать обратно, я съ васъ не спрошу тогда ничего, развѣ дадите баранины на кишицу». Одинъ изъ крестьянъ тотчасъ же вынулъ свой бумажникъ и отдалъ атаману деньги.—«Какъ тебя зовутъ?» спросилъ Мельниковъ.—«Иванъ Григорьевъ Миневъ»,—отвѣчалъ тотъ.—«Ты, братецъ, мнѣ теска», сказалъ разбойникъ. Сними съ себя крестъ и дай мнѣ, а мой возьми себѣ,—и мы будемъ крестовые братья». Помѣнялись крестами. Послѣ этого, Мельниковъ, возвращая деньги Миневу, сказалъ: «возьми, братъ, свои деньги назадъ: мы съ тобой породнились. А вы, ребята, раскошеливайтесь». Получивъ со всѣхъ деньги, атаманъ потребовалъ вина и закуску,—велѣлъ пить всѣмъ. Заплативъ за угощеніе 2 рубля, Мельниковъ уѣхалъ Крестьяне были очень довольны, что такъ дешево отдѣлались.

Миневъ разсказывалъ, что послѣ того, прогоняя гурты изъ Оренбурга, онъ встрѣчался съ Мельниковымъ, который никогда денегъ съ него не бралъ; вмѣстѣ угощались и бражничали, а однажды Мельниковъ, пригласивъ Минева къ себѣ въ станъ, подарилъ ему лошадь и 25 рублей мѣдными деньгами.

Пріобщу къ сему, что Мельниковъ былъ пойманъ исправникомъ верстъ

за 50 отъ города Самары, куда повезли его заключеннаго по рукамъ и ногамъ въ деревянныя колодки. На шею также надѣли колодку, которая въ дорогѣ и задушила его. Такъ память о немъ погибла съ шумомъ!

Производя торговлю скотомъ, мой отецъ торговалъ также саломъ, мѣхами, кожами и вообще пушнымъ товаромъ. Этотъ товаръ продавали мы въ разныхъ городахъ, но главнымъ образомъ въ Ростовѣ на Макарьевской ярмаркѣ и въ Москвѣ. Моя первая поѣздка по этимъ торговымъ дѣламъ была въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1816 года, когда отецъ отправилъ меня съ однимъ изъ старыхъ и опытныхъ нашихъ приказчиковъ. Передъ отъѣздомъ, отецъ и бабушка (въ это время мать моя была уже умершею) приказали списать мнѣ изъ псалтири псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго», выучить его наизусть и каждый день читать. Мнѣ внушили, что при чтеніи этого псалма можно миновать нападенія разбойниковъ и всякаго лихаго человѣка. Ѣхали мы на города Муромъ и Суздаль, гдѣ ходили чуть ли не по всѣмъ церквамъ и прикладывались къ св. мощамъ. Въ Ростовѣ, распродавъ весьма выгодно товаръ, мы пошли помолиться великому русскому чудотворцу—Димитрію Ростовскому, и попросили отслужить святителю молебенъ. Потомъ, всходили на колокольню, и слушали звонъ по нотамъ. Скоро мы оставили Ростовъ и отправились въ первопрестольный славный градъ Москву.

Какъ я ни былъ малъ и несвѣдущъ, но, уже за три года передъ симъ, довольно наслышался о матушкѣ-бѣлокаменной. Двѣнадцатый годъ крѣпко запечатлѣлся въ моей памяти. По пріѣздѣ въ Москву, я купилъ, по совѣту приказчика, новомодный картузъ и красивый шёлковый кушакъ. Пошли осматривать Москву и ея достопримѣчательности. Здѣсь все меня поражало и удивляло: длинныя, извилистыя улицы, наполненныя идущимъ и ѣдущимъ народомъ; большіе высокіе дома, изъ которыхъ иные были обгорѣлые, неотстроенные—печальный слѣдъ пребыванія въ Москвѣ французовъ; множество церквей; златоглавый кремль съ его соборами, дворцами и палатами; высочайшая ивановская колокольня, при которой лежалъ огромный колоколъ. Въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ меня очень удивляли печи, въ которыхъ французы пекли для себя хлѣбъ. Такъ какъ мы пробыли въ Москвѣ около трехъ недѣль, то я довольно хорошо познакомился съ нею. Расхаживая по городу, я былъ очень доволенъ и думалъ: «вотъ и я побывалъ въ Москвѣ; все видѣлъ и о всемъ разскажу, какъ пріѣду домой». Дѣйствительно, разсказамъ не было конца.

Въ маѣ мѣсяцѣ этого года мой отецъ неожиданно женился во второй разъ; взялъ нашу сосѣдку, дѣвушку лѣтъ 14, съ которою до сего времени я занимался дѣтскими играми. Послѣ свадьбы отецъ приказалъ мнѣ, чтобы я не называлъ его молодой жены матерью. Такъ и было.

1820—1823 гг.

Черезъ четыре годъ послѣ женитьбы отца, когда мнѣ минуло 18 лѣтъ, отецъ задумалъ и меня женить. Изъ арзамасскихъ купцовъ каждый охотно отдалъ бы за меня свою дочь съ большимъ приданымъ и деньгами; но помѣщикъ позволялъ намъ жениться только на крѣпостныхъ. У насъ, въ слободѣ, было три невѣсты, дочери зажиточныхъ крестьянъ. По заведенному обычаю, отецъ мой созвалъ на семейный совѣтъ близкихъ родственниковъ; призвали меня и спросили: «которую невѣсту сватать?» Я отвѣчалъ, что какъ ни одной изъ нихъ не знаю, то и сказать ничего не могу. Рѣшили сватать дочь довольно богатаго крестьянина Ланина. 2-го ноября, по утру, дядя мой, купецъ Феоктистовъ, отправленъ былъ въ домъ Ланина для переговоровъ. Выслушавъ предложеніе Феоктистова, Ланинъ сказалъ, что онъ теперь не можетъ дать никакого положительнаго отвѣта, потому что предварительно долженъ сходить въ церковь и отслужить молебенъ,—потомъ созвать всѣхъ родственниковъ на совѣтъ, и просилъ Феоктистова пожаловать черезъ день, вечеромъ. Дядя передалъ это нашему собранію; рѣшили ждать. На совѣтѣ у Ланина, какъ мнѣ потомъ разсказали, происходило слѣдующее: нѣкоторые изъ родственниковъ были противъ того, чтобы выдать за меня дочь Ланина; порочили мое поведеніе и указывали на то, что у меня молодая мачиха, съ которою женѣ моей худо будетъ жить. Большая же часть Ланиной родни была того мнѣнія, что дочь Ланина выдать за меня слѣдуетъ, потому что домъ нашъ богатый, одинъ изъ первыхъ въ слободѣ. 4-го ноября родственники наши снова собрались у насъ въ домѣ и того же дядю Феоктистова вновь послали къ Ланину. Здѣсь приняли дядю съ уваженіемъ и посадили на почетное мѣсто. Священникъ прочиталъ молитву. Потомъ, какъ бы въ видѣ задатка, вынесли дядѣ 5 платковъ и полотенце съ богатымъ кружевомъ, да кромѣ того, дали хорошій платокъ для самаго дяди, и начали угощать его какъ почетнаго гостя. Мой же отецъ и родственники ожидали его возвращенія. Дядя пришелъ съ платками и навеселѣ. Призвали меня, начали поздравлять и показывать платки, въ числѣ которыхъ былъ одинъ и для меня, т. е. я долженъ былъ носить его въ своей шапкѣ; потомъ приказали мнѣ поклониться отцу и дядѣ въ ноги; я это исполнилъ. Затѣмъ, началось веселье и продолжалось до глубокой ночи.

На другой день, 5 ноября, мы ожидали къ себѣ рубашечницу, т. е. женщину изъ дома отца невѣсты, за моей рубашкой, по образцу которой у невѣсты должны были нашиваться для меня рубашки. Этою женщиною бывала обыкновенно одна изъ близкихъ родственницъ невѣсты; она почиталась гостьею почетною; ее должны встрѣтить ближайшіе родные жениха и угостить какъ можно лучше. Въ 3 часа по полудни пріѣхала рубашечница,

которая оказалась женой брата моего будущаго тестя, т. е. родная тетка невѣсты. Тотчасъ мои родные вышли къ ней навстрѣчу, привели въ горницу и начали усердно угощать. Она пробыла у насъ до 6 часовъ вечера. Условились когда должно быть смотрѣнью, запою, дѣвишнику и свадьбѣ. Положили смотрѣнью быть сегодня. Послѣ того, эта новая сваха взяла мою рубашку и поѣхала въ домъ Ланина. Дорогою она непремѣнно должна пѣть пѣсни. Невѣста встрѣчаетъ ее на дворѣ и приглашаетъ войти въ комнату.

По отъѣздѣ рубашечницы, мы собрались къ невѣстѣ на смотрѣнье. Со мной поѣхали дяди Феоктистовъ, называющійся съ этого времени дружкой, и его жена. Мы взяли съ собой фунтовъ 20 гостинцевъ, каждый фунтъ въ особомъ свертцѣ; кромѣ того, отецъ далъ мнѣ два полуимперіала, завернутые въ бумажку, 5 руб. сер. въ свертцѣ и 5 руб. по одному рублю—въ бумажкахъ. Эти деньги предназначались для того, что когда невѣста станетъ меня дарить, то я долженъ полагать ихъ на подносъ и цѣловать невѣсту три раза.— Пріѣхали мы во дворъ къ Ланину. Навстрѣчу къ намъ вышли: нареченный мой тесть, его жена, сынъ и близкіе родственники. Сначала они цѣловались съ моимъ дядею и теткою, а потомъ со мной. Поцѣловавшись, всѣ вошли въ горницу, гдѣ уже находился священникъ. Меня посадили за столъ, впереди; рядомъ со мною, по правую руку, сѣлъ священникъ и дядя, а по лѣвую—тетка; далѣе, помѣстились за столомъ родственники Ланина. На столѣ поставленъ былъ сладкій пирогъ съ разными украшеніями. Нѣсколько минутъ посидѣли молча; потомъ тетка моя начала: «время намъ посмотрѣть и пирожницу, которая для стола пирогъ готовила»; т. е. невѣсту. При этихъ словахъ я будто оробѣлъ. Тотчасъ же родственница Ланина вывела изъ другой комнаты нареченную мою невѣсту. Она была въ шелковомъ, вышитомъ золотомъ, сарафанѣ и въ бѣлой, какъ снѣгъ, рубашкѣ; на шеѣ было нитокъ 40 разной величины жемчуга, въ ушахъ жемчужныя серги, на головѣ жемчужная повязка и въ косѣ цѣлый пучекъ алыхъ лентъ. При входѣ женщины съ невѣстой, всѣ встали. Онѣ помолились Богу, приняли благословеніе отъ священника и поцѣловались съ моимъ дядею и теткой. Послѣ сего невѣста взяла подносъ, на которомъ лежалъ для меня подарокъ—жилетъ, подошла ко мнѣ и вполпояса поклонилась. Я принялъ подарокъ, положилъ, въ замѣнъ его, на подносъ два полуимперіала и также поклонился вполпояса; затѣмъ, три раза поцѣловались и вновь поклонились другъ другу. Тогда священникъ спросилъ меня и невѣсту: «желаете ли сочетаться бракомъ?» Мы отвѣчали, что желаемъ съ охотою. Священникъ благословилъ насъ и прочиталъ молитву. Послѣ этого меня посадили съ невѣстою рядомъ и началось угощеніе всѣхъ гостей, кромѣ насъ; мы только сидѣли. Чай же подавали и намъ. Въ особой комнатѣ дѣвушки—подружки невѣсты пѣли свадебныя пѣсни и съ разными веселыми прибаутками выговаривали дружкѣ, что онъ скупъ для нихъ на гостинцы. Послѣ

чаю невѣста начала дарить меня платками, а я дарилъ ей деньги,—и при этомъ каждый разъ мы троекратно цѣловались. Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Уже за полночь подали ужинъ, послѣ котораго гости поразъѣхались, а я остался съ невѣстою и дѣвушками; занимались разными играми, пѣли веселыя пѣсни. Я просидѣлъ до свѣта.

7-го ноября положено быть запою. Къ этому дню отецъ мой пригласилъ къ себѣ близкихъ сродниковъ, нѣсколько почетныхъ гостей и священника съ супругой. Всѣхъ съѣхалось человѣкъ 15. Напитки и закуски должны быть привезены отъ жениха. Отецъ на это не поскупился, далъ мнѣ 10 рублей, завернувъ каждый въ бумажку, и одинъ полуимперіалъ. Поѣхали мы вечеромъ на семи саняхъ, изъ коихъ одни были съ разной провизіей. У будущаго тестя моего, Ланина, кромѣ родственниковъ, знакомыхъ и дѣвушекъ, собралось множество народа, изъ любопытства. Пріѣхавши во дворъ, всѣ вышли изъ саней. Впереди шелъ священникъ, за нимъ—отецъ мой съ мачихой и я, потомъ родственники и почетные гости. Насъ встрѣтилъ тоже священникъ, за нимъ невѣстинъ отецъ съ матерью и т. д. Всѣ мы пріѣхавшіе цѣловались съ хозяевами и ихъ гостями; послѣ сего насъ пригласили къ горницу и сажали за столъ по извѣстному порядку. Столъ былъ накрытъ человѣкъ на 40. На столѣ стояли четыре окорока и бѣлый большой, круглый, сладкій пирогъ съ разными украшеніями и фигурами. Въ комнатѣ стало тихо; за столомъ сидѣли безмолвно минутъ 5. Послѣ этого моя мачиха, обращаясь къ Ланину и его женѣ, сказала: «а что, сватушка и свашинька, гдѣ у васъ пирожница, которая готовила такой прекрасный пирогъ?» Ланинъ отвѣчалъ, что если угодно, то можно позвать ее сюда. Въ это время вышла изъ другой комнаты моя невѣста, разряженная и богато украшенная; ее сопровождала ея родная тетка—прежняя рубашечница. Помолились онѣ Богу, всѣмъ низко поклонились, подошли подъ благословеніе къ священникамъ и начали цѣловаться, сперва съ моимъ отцомъ, мачихой и далѣе, по порядку. Когда цѣлованье кончилось, невѣстѣ дали въ руки подносъ, на которомъ лежалъ красивый шейный платокъ; она подошла ко мнѣ и поклонилась въ поясъ. Я взялъ платокъ съ такимъ же ей поклономъ, положилъ на подносъ полуимперіалъ и, поддерживая одной рукой подбородокъ невѣсты, поцѣловалъ ее 3 раза изъ стороны въ сторону, послѣ чего опять поклонились другъ другу. Потомъ, невѣста начала дарить всѣхъ моихъ сродниковъ разными подарками, а ей отвѣчали въ благодарность деньгами. Послѣ этого невѣсту посадили со мной рядомъ. Пришло время прощенья. По первой рюмкѣ всѣмъ гостямъ поднесъ отецъ невѣсты, а затѣмъ угощеніемъ распоряжались уже наши сродники. Въ это время мы съ невѣстой очень часто цѣловались по требованію гостей: одинъ говорилъ: «не видалъ, какъ наши молодые цѣлуются»; другой: «вино очень горько, надо подсластить», третій еще что нибудь придумывалъ. Такъ прошло не менѣе часа. Затѣмъ, начали

подавать чай; дѣвушки запѣли веселыя пѣсни и—пошолъ пиръ горой. Около полуночи начался ужинъ и продолжался часа четыре. Въ половинѣ ужина меня съ невѣстой вывели изъ за стола къ дѣвушкамъ поиграть, попѣть и повеселиться. Въ 6 часовъ утра веселье кончилось; гости разъѣхались по домамъ. Съ разсвѣтомъ и я пошелъ домой; невѣста и дѣвушки провожали меня за ворота, съ пѣснями.

Начали приготовляться къ свадьбѣ, которая должна была совершиться 10-го ноября. За день до этого, отъ невѣсты пришли къ намъ вечеромъ дѣвушки за брагой, которою станутъ поддавать въ банѣ на каменку, когда онѣ, послѣдній разъ, будутъ парить невѣсту съ прощальными пѣснями. Потомъ пріѣхали къ намъ изъ дома невѣсты коробейники и постельницы—четыре мужчины и двѣ женщины съ родственникомъ моего будущаго тестя. На трехъ парахъ лошадей они привезли имѣніе и постель невѣсты. Сундуки поставили въ особо приготовленную въ сѣняхъ палатку, а постель внесли въ спальную, гдѣ постельницы и принялись убирать ее. Этихъ лицъ мы хорошо угостили. Въ этотъ же день отецъ мой разослалъ гонцовъ къ своимъ родственникамъ, друзьямъ и пріятелямъ съ приглашеніемъ ихъ пожаловать къ свадебному столу, который приготовлялся на 80 человѣкъ. Отецъ мой почитался настоящимъ русскимъ хлѣбосоломъ, а потому распорядился, чтобы всего было въ изобиліи. Наканунѣ свадьбы, около полуночи, поѣхалъ я на кладбище проститься съ усопшими сродниками и испросить у покойной родительницы благословенія. Это я исполнилъ съ пролитіемъ слезъ на могилѣ. 10-го числа, къ вечеру, собрались къ намъ всѣ наши родственники и знакомые; священникъ съ діакономъ и дьячками тоже пришелъ. Въ это время, по обычаю, двое нашихъ холостыхъ сродниковъ посланы были къ невѣстѣ съ башмаками, чулками, мыломъ, духами, гребешкомъ и проч. Посланныхъ у невѣсты приняли, одарили платками и угостили. Между тѣмъ, отецъ началъ меня обувать и въ правый сапогъ положилъ 3 рубля, для того, что когда моя молодая жена станетъ разувать меня, то возьметъ эти деньги себѣ. Когда я былъ одѣтъ, отецъ взялъ образъ Божіей Матери, въ серебряномъ окладѣ, благословилъ меня имъ и залился слезами; я тоже прослезился: не даромъ старики говорили, что свадьба есть послѣднее счастіе человѣка. Потомъ благословили меня своими иконами отецъ крестный, мать крестная и посадили меня въ переднемъ углу, къ образамъ. Всѣ, начиная съ отца, со мною прощались, послѣ чего, помолившись Богу, священникъ повелъ меня въ церковь; за нами слѣдовало нѣсколько человѣкъ, называющіеся провожатыми. Въ церкви народу было множество. Между тѣмъ, сваха и дружка, съ хлѣбомъ-солью, поѣхали за невѣстой. Здѣсь, на столѣ находился также хлѣбъ и соль. Сваха взяла эту соль и высыпала себѣ, а свою отдала; хлѣбами же помѣнялись. Потомъ, невѣсту, покрытую платкомъ, посадили за столъ. Послѣ благословенія невѣсты отъ родителей иконами, всѣ съ невѣс-

тою прощались и дарили ее, по возможности, деньгами. Затѣмъ, священникъ вывелъ невѣсту изъ комнаты и поѣхали въ церковь съ свахой, дружкою и свѣтчимъ, который несъ образа невѣстины и восковыя свѣчи. За нами ѣхали, на нѣсколькихъ повозкахъ, мужчины и женщины, называющіеся поѣзжанами. По окончаніи таинства брака, мы, новобрачные, по обычаю, несли образъ Божіей Матери изъ церкви въ домъ моего отца. На улицѣ было совершенно темно; шолъ большой снѣгъ. Народъ пророкалъ, что новобрачные будутъ счастливы. (Увы! пророчество это не вполнѣ исполнилось). Въ домѣ встрѣтилъ насъ отецъ съ иконою и хлѣбомъ-солью; мы приложились къ образу и поцѣловались съ отцомъ. Послѣ этого начался Божіей Матери молебенъ. По окончаніи молебна, сваха насъ, молодыхъ, привела въ спальню, посадила рядомъ и дала намъ просфору. Такъ какъ въ настоящій день я и новобрачная постились, то, послѣ чаю, намъ дали немного закусить. Потомъ сваха убрала голову молодой такъ, какъ это бываетъ у замужнихъ. Послѣ этого мы вышли къ гостямъ, и вскорѣ начался столъ или брачный пиръ. Кушаньевъ было перемѣнъ десять; всѣ въ чисто русскомъ вкусѣ, безъ всякихъ суповъ и соусовъ. Къ концу стола подали сладкій пирогъ, который должны были подносить гостямъ мы, молодые. Передъ этимъ, надѣли на мою молодую жемчужный кокошникъ и я съ нею и съ свахою разносили пирогъ, — а каждый изъ гостей поздравлялъ насъ съ законнымъ бракомъ. Столъ окончился далеко за полночь. Послѣ того, сваха съ дружкою повели насъ въ спальню, убрали постель и заставили мою молодую жену меня разувать; уложили въ постель и, пожелавъ намъ доброй ночи, удалились. На другой день всталъ я рано; дверь оказалась запертою снаружи. Дѣлать нечего, приходилось ждать. Наконецъ сваха отперла спальню и вмѣстѣ съ дружкою повели насъ въ баню; дверь за собою опять заперли. Изъ бани привела насъ сваха въ спальню, гдѣ уже приготовленъ былъ чай. Чрезъ нѣсколько времени пришла къ намъ отъ моего тестя женщина, называемая блинницею, принесла горячіе блины и разное пирожное. Мы покушали. Послѣ блинницы явилась къ намъ родственница моей жены съ подарками, которыми моя жена должна была дарить моего отца и мачиху. Отецъ и мачиха, получивъ эти подарки, отблагодарили ее деньгами. Въ этотъ день отецъ мой пригласилъ родныхъ и знакомыхъ къ себѣ на вечеръ; а я съ молодою, свахой и дружкою отправился въ гости къ тестю. Потомъ попеременно бывали то Лапины у насъ, то мы у нихъ. И тѣмъ вся церемонія нашей свадьбы кончилась.

Я упоминалъ, что мы были помѣщичьи крестьяне и платили барину оброкъ. Самъ помѣщикъ, по фамиліи Салтыковъ, въ нашей слободѣ не жилъ; зимой проживалъ онъ въ Петербургѣ, а лѣтомъ въ подмосковномъ своемъ имѣніи—Сергѣевскомъ; къ намъ пріѣзжалъ рѣдко. У насъ, въ слободѣ, былъ управляющій и бурмистръ, которые творили расправу съ

крестьянами и заботились о взысканіи съ нихъ помѣщику оброка. Мой отецъ, какъ человѣкъ богатый и уважаемый, неоднократно бывалъ буристромъ. Эта должность, завидная для другихъ, ни мнѣ, ни отцу моему не нравилась: во 1-хъ, потому, что наши торговыя дѣла требовали частыхъ отлучекъ отца изъ дому, а тутъ надо было постоянно находиться въ слободѣ; во 2-хъ, потому, что, при взысканіи оброка, невольно приходилось входить въ непріятныя столкновенія съ крестьянами и наживать себѣ враговъ. Къ тому же отецъ постоянно опасался, какъ бы не подпасть подъ гнѣвъ помѣщика и не подвергнуться какому наказанію. При нашемъ помѣщикѣ, человѣкѣ довольно взбалмошномъ, это случалось не рѣдко. Напримѣръ, однажды, въ 1820-мъ году,—не припомню, по какому случаю,—помѣщикъ прислалъ къ моему отцу изъ другой вотчины крестьянина, съ приказаніемъ посадить его на цѣпь и кормить однажды въ сутки по фунту чернаго хлѣба, впредь до новаго распоряженія; при этомъ было объявлено отцу, что если узникъ убѣжитъ или его будутъ лучше кормить, то съ отца строго взыщется. Приковали мужичка цѣпью къ стѣнѣ въ нашемъ старомъ домѣ и одного человѣка приставили его караулить; ѣсть же, изъ человѣколюбія, отецъ приказалъ давать узнику довольно. Прошло съ полгода. Отецъ отлучился не надолго изъ дому по торговымъ дѣламъ. Въ это время узникъ бѣжалъ. Донесли помѣщику, который немедленно и приказалъ взять съ отца 7,000 руб. штрафу. Чрезъ нѣсколько времени бѣжавшій крестьянинъ былъ пойманъ; но деньги остались, разумѣется, у помѣщика.

А то, бывало, неожиданно шлетъ баринъ строгій приказъ, чтобы отецъ явился къ нему и представилъ оброкъ, примѣрно тысячъ тридцать или сорокъ. Съ крестьянъ деньги еще не собраны; а не исполнить приказанія помѣщика—опасно. Въ этихъ случаяхъ отецъ поступалъ такъ: если у него были подъ руками свои деньги, то онъ прилагалъ недостающее количество; если же такихъ денегъ не было, то занималъ ихъ у арзамасскихъ купцовъ, уплачивая проценты собственными деньгами. Такимъ образомъ, дѣло сходило съ рукъ, хотя и не безъ ущерба для отцовскаго кармана. Но, однажды, именно въ самый годъ моей свадьбы (1820), отецъ не могъ представить помѣщику всего оброка, указывая, въ свое оправданіе, на то, что всѣ торговцы и ремесленники понесли въ этотъ годъ большіе убытки и потому платить оброкъ затруднялись. Помѣщикъ и слышать этого не хотѣлъ; грозилъ посадить отца въ смирительный домъ или сослать въ Сибирь на поселеніе. Однако дѣло кончилось тѣмъ, что помѣщикъ приказалъ смѣнить отца съ должности буриистра. Мы были весьма этому рады, тѣмъ болѣе, что количество оброка, зависѣвшее отъ произвола барина, годъ отъ году не только не уменьшалось, а напротивъ—увеличивалось.

Странныя бывали у нашего помѣщика причины для того, чтобы увеличивать оброкъ. Однажды помѣщикъ, и съ супругою, пріѣхалъ въ нашу сло-

году. По обыкновенію, богатые крестьяне, одѣтые по праздничному, явились къ нему съ поклономъ и различными дарами; тутъ же были женщины и дѣвицы, всѣ разряженныя и украшенныя жемчугомъ. Барыня съ любопытствомъ все разсматривала и потомъ, обратясь къ своему мужу, сказала: «у нашихъ крестьянъ такія нарядныя платья и украшенія; должно быть они очень богаты и имъ ничего не стоитъ платить намъ оброкъ». Не долго думая, помѣщикъ тутъ же увеличилъ сумму оброка. Потомъ, дошло до того, что на каждую ревизскую душу падало, вмѣстѣ съ мірскими расходами, свыше 110 рублей асс. оброка. Помѣщикъ назначалъ, сколько слѣдовало оброчныхъ денегъ со всей вотчины; нашей слободѣ приходилось платить 105,000 руб. асс. въ годъ. У насъ въ слободѣ числилось до 1840 ревизскихъ душъ. Но не всѣ одинаково были способны къ платежу, напр., крестьянинъ богатый, но ему приходилось платить за одву или двѣ души; а другой бѣдный, и у него 5 или 6 ревизскихъ душъ; были престарѣлые и увѣчные, отданные въ рекруты и бѣглые, которыхъ на лицо не состояло, но за которыхъ слѣдовало платить оброкъ. Помѣщикъ всего этого не хотѣлъ знать и требовалъ, чтобы назначенный имъ оброкъ былъ ему представленъ сполна. Тогда дѣлали раскладку оброка на богатыхъ и зажиточныхъ плательщиковъ. Такимъ образомъ выходило, что, напримѣръ, мы съ отцемъ платили помѣщику оброка свыше 5000 руб. асс. въ годъ; а одинъ крестьянинъ уплачивалъ до 10,000 рублей.

Казалось бы, при такихъ распорядкахъ, состоятельнымъ крестьянамъ слѣдовало бы откупиться отъ помѣщика на волю. Дѣйствительно, нѣкоторые и попытались это сдѣлать; но безъ всякаго успѣха. Одинъ крестьянинъ нашей слободы, очень богатый, у котораго было семь сыновей, предлагалъ помѣщику 160,000 рублей, чтобы онъ отпустилъ его съ семействомъ на волю. Помѣщикъ не согласился. Когда черезъ годъ у меня родилась дочь, то отецъ мой вздумалъ выкупить ее за 10,000 рублей. Помѣщикъ отказалъ. Какая же могла быть этому причина? Разсказывали такъ: одинъ изъ крестьянъ нашего господина, подмосковной вотчины, нѣкто Прохоровъ имѣлъ въ деревнѣ небольшой домъ и на незначительную сумму торговалъ въ Москвѣ краснымъ товаромъ. Торговля его была не завидна. Онъ ходилъ въ овчинномъ тулупѣ и вообще казался человѣкомъ небогатымъ. Въ 1815 г. Прохоровъ предложилъ своему господину отпустить его на волю за небольшую сумму, съ тѣмъ, что эти деньги будутъ вносить за него, будто бы, московскіе купцы. Баринъ изъявилъ на то согласіе. Послѣ того, Прохоровъ купилъ въ Москвѣ большой каменный домъ; отдѣлалъ его богато и тутъ же построилъ обширную фабрику. Разъ, какъ-то, этотъ Прохоровъ встрѣтился въ Москвѣ съ своимъ бывшимъ господиномъ и пригласилъ его въ себѣ въ гости. Баринъ пришелъ и немало дивился, смотря на прекрасный домъ и фабрику Прохорова; очень сожалѣлъ, что отпустилъ отъ себя такого чело-

вѣка и далъ себѣ слово впредь никого изъ своихъ крестьянъ не отпускать на свободу. Такъ и дѣлалъ.

Въ концѣ 1823 года отецъ мой вновь былъ назначенъ бурмистромъ; при этомъ помѣщикъ приказалъ брать съ нашей слободы, вмѣсто 105,000, 61,000 руб. асс. оброка. Въ то время я находился въ Оренбургскомъ краѣ и объ этомъ ничего не зналъ. Когда я пріѣхалъ и отецъ разсказалъ мнѣ о случившемся, мы стали совѣтываться, какимъ бы образомъ увольтться отцу отъ ненавистной для насъ должности бурмистра? Въ слободѣ временно находился тогда камердинеръ нашего господина, его любимецъ, который иногда устраивалъ крестьянскія дѣла къ обоюдному для насъ и помѣщика удовольствію. Отецъ и обратился къ этому камердинеру съ просьбой—походатайствовать передъ господиномъ объ увольненіи его отъ бурмистерской должности, за что и далъ ему 1000 рублей. Камердинеръ написалъ барину, отъ котораго полученъ былъ слѣдующій отвѣтъ: «если Шиповъ станетъ даже помышлять объ увольненіи, то я сдѣлаю съ нимъ то, чего онъ никогда не ожидалъ: его самаго сошлю въ Сибирь на поселеніе, а сына его отдамъ въ солдаты». Прискорбно было намъ слышать это извѣстіе и въ порывѣ горести я сказалъ отцу, что лучше мнѣ идти въ солдаты: за государемъ служба не пропадаетъ.—«Нѣтъ,—съ грустію возразилъ мнѣ отецъ; такой разлуки съ тобой я не перенесу. Будемъ жить вмѣстѣ. Какое бы горе и страданіе не случилось съ нами, будемъ терпѣть и творить волю господскую. Хорошо бы было,—продолжалъ отецъ,—если бы новое положеніе господина на счетъ 61,000 оброку было навсегда; но я знаю хорошо нашего барина: онъ будетъ недоволенъ и скоро снова увеличитъ оброкъ. Боюсь, чтобы, противъ моей совѣсти, я не сдѣлался крестьянамъ ненавистенъ». Потомъ, послѣ нѣкотораго раздумья, отецъ сказалъ: «да, я буду править дѣла крестьянскія; а ты занимайся торговлею и распоряжайся, какъ знаешь. Ты теперь уже можешь». Скрѣпя сердце, я выслушалъ это рѣшеніе отца и ничего не возражалъ, зная, что ужъ если что рѣшилъ онъ, то такъ тому и быть.

Н. Шиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шипова.

1824—1827 гг. [1])

Съ 1824 года я очень часто началъ отлучаться изъ дому по торговымъ дѣламъ. Торговля была, попрежнему, уральскимъ скотомъ и пушнымъ товаромъ. Послѣ 1822 года, когда въ Оренбургскомъ краѣ стояла жестокая зима, барановъ тамъ много поубавилось, и цѣны на нихъ были не совсѣмъ подходящія. И вотъ, я задумалъ отправиться для покупки скота къ букеевскимъ киргизамъ въ барханы [2]). Хотя во время прежнихъ моихъ поѣздокъ я неоднократно имѣлъ дѣло съ киргизами и могъ немного говорить по киргизски, но счелъ за нужное нанять толмача. Таковой скоро нашелся, одинъ изъ уральскихъ казаковъ, и я подрядилъ его за 100 руб. асс. ѣхать со мной. Мы съ этимъ толмачомъ и нѣсколькими моими работниками отправились, на повозкахъ, въ киргизскіе аулы, верстъ за 40 отъ линіи, гдѣ киргизы кочевали въ своихъ кошомныхъ кибиткахъ. Пріѣхали въ аулъ, къ старшинѣ, который назывался Бекъ-Мухамедомъ-Утемисомъ. Онъ насъ принялъ. Я подарилъ ему чаю и сахару; Мухамедъ же далъ намъ особую палатку, угостилъ меня аряномъ (кислымъ молокомъ) и вареной ягнятиной. Арянъ мнѣ не понравился, вѣроятно потому, что онъ содержится киргизами обыкновенно въ сырыхъ кожаныхъ мѣшкахъ. Скоро мы съ Мухамедомъ сдѣлались хорошими знакомыми. Онъ пригласилъ меня съ толмачомъ въ гости къ своему двоюродному брату, Ковдобаю, который находился въ другомъ аулѣ, верстъ за 5 отъ нашего. Я, разумѣется, не отказался. Хозяинъ

---

[1]) См. „Русс. Старина“ 1881 г. т. XXXI, май, стр. 133—148

[2]) Барханами называются пески съ небольшими неровными возвышенностями: они простираются верстъ на 10, а далѣе носятъ названіе „рынъ-пески“. Въ нашихъ обыкновенныхъ повозкахъ ѣздить по барханамъ весьма затруднительно. Н. Ш.

насъ встрѣтилъ радушно; мы посидѣли, покуда не было все прибрано въ кибиткѣ для пріема гостей. Потомъ, насъ пригласили въ кибитку. Въ ней были развѣшаны ковры: разноцвѣтные сундуки стояли открытыми; на полу тоже разосланы ковры и положены подушки, на которыя мы и сѣли. Хозяинъ спросилъ, что мы будемъ ѣсть: стараго барана, или ягненка? Мы согласились на послѣднее. Жена хозяина была въ шелковыхъ штанахъ и рубахѣ; голова покрыта платкомъ, на ногахъ надѣты красные киргизскіе, съ большими каблуками, сапоги: это для удобства при верховой ѣздѣ. Она начала раскладывать изъ тезека [1]) огонь посреди самой кибитки; потомъ, поставила на 4-хъ ножкахъ таганъ, а на него большой котелъ съ водою. Принесли кожаный мѣшокъ, изъ котораго хозяйка вытаскивала говядину или кобылятину и клала въ котелъ. Когда говядина сварилась, она вынимала ее изъ котла вилкой и накладывала въ красную деревянную чашку; хозяинъ же мелко разрѣзывалъ ее ножомъ. Послѣ того хозяйка варила ягненка; хозяинъ и его разрѣзалъ на мелкіе кусочки. Съ нами обѣдали 6 человѣкъ киргизовъ. Хозяинъ бралъ всѣми 5-ю пальцами кусочки говядины и угощалъ ими прямо въ ротъ; гости подползали къ нему на колѣняхъ, при чемъ старались, чтобы кусокъ не выпалъ изо рта, такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ было-бы стыдно. Для меня хозяинъ положилъ говядины и ягнятины въ чашку. Затѣмъ, хозяйка изготовила еще два кушанья: жидкую молочную кашу съ сорочинскимъ просомъ и жареную въ маслѣ сметану, что по киргизски называется «ремчукъ». Обѣдъ продолжался довольно долго. Разговаривали о баранахъ, о лошадяхъ. Хозяинъ предложилъ мнѣ свои услуги: завтра онъ объѣдетъ свой родъ и объявитъ, чтобы киргизы приходили ко мнѣ для продажи барановъ; при этомъ будетъ стараться о выгодной для меня покупкѣ,—только я долженъ ему что нибудь подарить. Поблагодаривши хозяина, я въ свою очередь пригласилъ его къ себѣ на чай. Онъ не отказался. Пріѣхали въ мою палатку; пили чай. У меня были мягкія булки и пшеничные сухари; я далъ ихъ моему новому знакомцу. Онъ положилъ ихъ въ свою кожаную сумку. Такія сумки киргизы всегда носятъ при себѣ на ремнѣ, а русскій гостинецъ роздаютъ понемногу своимъ женамъ, дѣтямъ и пріятелямъ. Насталъ вечеръ, и мы отправились къ старшинѣ ужинать. На другой день я всталъ утромъ рано. Начали собираться киргизы; одни на лошадяхъ, другіе на верблюдахъ, а иные на быкахъ. Богатые киргизы были въ шелковыхъ бухарскихъ халатахъ, лисьихъ шубахъ, въ синемъ или красномъ чекменѣ, въ лисьихъ бархатныхъ шапкахъ. У нѣкоторыхъ лошади были въ серебряныхъ уборахъ. Черезъ толмача я сталъ торговать у киргизовъ барановъ; но они объявили дорогую цѣну и, не сторговавшись, разъѣхались

[1]) Тезекъ, или коровій кирпичъ служитъ обыкновеннымъ топливомъ у киргизовъ.

по своимъ ауламъ. Вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ мой новый знакомецъ изъ киргизовъ, Ковдобай, и, узнавъ, что мы не сторговались съ его единоплеменниками, обѣщался завтра уговорить ихъ быть уступчивѣе. Мы разстались. На слѣдующій день киргизовъ собралось въ мой таборъ множество; иные пріѣзжали просто посмотрѣть на русскихъ людей. Прибылъ и Ковдобай. Онъ просилъ меня нѣкоторыхъ почетныхъ киргизовъ напоить чаемъ и дать имъ сухарей. Это я исполнилъ. Послѣ того, при киргизахъ, Ковдобай спросилъ меня: «почемъ даешь купецъ за дюнана, кунана, буйдака?» Дюнанъ—это самый старый баранъ, кунанъ—средній, а буйдакъ—молодой. Черезъ толмача я отвѣтилъ, что за перваго—9 руб. 25 коп., за средняго—8 руб. и за буйдака 6 руб. 25 коп. Тогда мой знакомецъ закричалъ: «я согласенъ на эту цѣну и завтра же пригоню своихъ барановъ; а другіе какъ хотятъ». Это подѣйствовало на киргизовъ, и они разъѣхались съ обѣщаніемъ пригнать барановъ. Въ продолженіе двухъ дней я купилъ около 3,000 штукъ, расплатился серебряными деньгами; славно угостилъ старшину Бекъ-Мухамеда съ Ковдобаемъ, простился съ ними и отправился въ Уральскъ. Здѣсь я купилъ еще до 7,000 барановъ, поручилъ ихъ прикащикамъ и рабочимъ, а самъ отправился домой, гдѣ мой отецъ встрѣтилъ меня съ моею новорожденною дочерью. Сердце мое забилось радостно.

Впослѣдствіи, мнѣ каждый годъ приходилось имѣть дѣло съ киргизами по покупкѣ барановъ на всемъ пространствѣ ихъ кочевья до Новаго-Узеня и далѣе. Я даже завелъ особую торговлю съ киргизами краснымъ товаромъ, который покупалъ въ Москвѣ и въ первыхъ мѣсяцахъ каждаго года отправлялъ его съ прикащиками къ Уральску, а потомъ въ барханы. По киргизски я научился говорить не дурно. Поэтому, мнѣ представлялось возможнымъ довольно хорошо познакомиться съ жизнью киргизовъ.

Киргизы—народъ очень любопытный; обыкновенно разспрашиваютъ: кто ѣдетъ, куда и зачѣмъ? Разъѣзжая по барханамъ, мы обыкновенно останавливались ночевать близь ауловъ; это—для безопасности, потому что у киргизовъ существуетъ обычай оберегать своихъ гостей. На степи рѣкъ почти совсѣмъ нѣтъ; во многихъ мѣстахъ вырыты колодцы, къ которымъ пригоняется скотъ для водопоя; ведра вездѣ кожаныя, а корыта сдѣланы изъ досокъ. У нѣкоторыхъ киргизовъ были большія стада барановъ, лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ. Я зналъ одного киргиза, Таинскаго рода: у него было болѣе 7,000 лошадей. Киргизы питаются, главнымъ образомъ, овечьимъ и коровьимъ молокомъ; употребляютъ и верблюжье. Лѣтомъ они приготовляютъ молоко для зимы: сушатъ его на солнцѣ до того, что оно дѣлается твердымъ, и хранятъ въ кожаныхъ мѣшкахъ [1]). Такое молоко назы-

[1]) Киргизы вырываютъ не очень глубокія ямы, въ которыхъ коптятъ сырыя лошадиныя кожи; изъ этихъ кожъ и дѣлаютъ мѣшки какъ для твердаго, такъ и для жидкаго молока. Н. Ш.

вается по киргизски «крутъ»; его растворяютъ въ водѣ и ѣдятъ. Если въ дорогѣ киргизу путь лежитъ аулами, то онъ ничего не беретъ съ собою съѣстнаго, потому что киргизы имѣютъ обычай путешествующаго родича накормить и напоить безмездно.—Киргизы никогда долго не остаются на одномъ мѣстѣ; какъ только скотъ поѣстъ траву, они перекочевываютъ на другое мѣсто, отыскивая тучныя и привольныя пастбища. Зиму они проводятъ обыкновенно близь Каспійскаго моря, къ западу, съ мелкимъ скотомъ; лошадей же пасутъ на степи, подъ надзоромъ стараго опытнаго киргиза. Случается, что во время бурана скотъ замерзнетъ, но это бѣда не большая: киргизецъ, у котораго это случилось, отправляется въ отдаленные аулы, гдѣ бурана не было; здѣсь родичи дадутъ ему вдоволь скота, съ тѣмъ, что если и у нихъ случится такое же несчастіе, то онъ долженъ помочь имъ.—Киргизскія свадьбы совершаются такимъ образомъ: невѣстъ засватываютъ въ маломъ возрастѣ, лѣтъ 10-ти; при этомъ отецъ жениха даетъ родителямъ невѣсты «калымъ», т. е. будущее приданое скотомъ; количество калыма зависитъ отъ богатства или состоянія дающаго. Когда придетъ время отдавать невѣсту жениху, то приданое возвращается, и съ приплодомъ; кромѣ того, отецъ невѣсты даетъ близкимъ родственникамъ своего зятя разные подарки. Въ извѣстное время женихи на хорошихъ рѣзвыхъ лошадяхъ и невѣсты на иноходцахъ скачутъ по степи. Каждый изъ женіховъ старается догнать свою невѣсту и схватить ее за грудь. Впрочемъ, только та невѣста позволяетъ жениху брать себя за грудь, которая жениха любитъ; въ противномъ же случаѣ бьетъ его плетью.—Когда для женщины-киргизски наступаетъ время разрѣшиться отъ бремени, то всѣ ея домашніе принимаются отыскивать христіанскіе волосы. На вопросъ мой—для чего эти волосы?—мнѣ отвѣчали, что ихъ должно сжигать во время родовъ, въ кибиткѣ роженицы, отъ чего облегчаются и ускоряются роды. Вскорѣ послѣ родовъ, мужъ рѣжетъ барановъ, созываетъ гостей и происходитъ пиршество.

1828—1831 гг.

Въ 1828-мъ году, вскорѣ послѣ пасхи, я отправился, по обыкновенію, въ Уральскій край, на рѣку Узень, гдѣ съ моимъ прикащикомъ находились гурты барановъ. Здѣсь я получилъ извѣстіе, что отъ жестокой зимы погибло до 1,000 штукъ. Два табуна я отправилъ къ Уральску, приказавъ купить тамъ еще барановъ; а самъ вознамѣрился отправиться степями въ Астрахань съ красною юфтью, которой у меня было болѣе 100 пудовъ. Хотя меня и отговаривали ѣхать степною дорогою, гдѣ кочуютъ киргизы, калмыки, и трухменцы, но мнѣ непремѣнно хотѣлось узнать эту дорогу. Я взялъ двѣ повозки, 7 лошадей и 5 верблюдовъ; при мнѣ находились

два прикащика, два работника и одинъ киргизецъ—опытный по этой дорогѣ вожакъ. 17-го мая мы выѣхали. Дорога была жесткая. На третій день встрѣтили ужасные пески, называемые рынами, гдѣ кочевали киргизы. Этими мѣстами мы ѣхали нѣсколько дней, совершая не болѣе 15-ти верстъ въ день. Жара была нестерпима; лошади уморились и не могли поспѣвать за верблюдами. Въ седьмой день нашего путешествія мы получили извѣстіе, что не вдалекѣ отъ насъ стоитъ лагеремъ букеевскій ханъ и покупаетъ верблюдовъ по случаю войны съ турками. Изъ любопытства, я съ вожакомъ отправился туда. Хавъ сидѣлъ въ палаткѣ съ киргизскими старшинами и казачьимъ маіоромъ; конвой его составляли 60 донскихъ казаковъ. Отдавъ хану надлежащее почтеніе, я объявилъ ему, кто я. Онъ нѣсколько времени разговаривалъ со мною по русски о нашей торговлѣ и предложилъ мнѣ купить у него барановъ. Распростившись съ ханомъ, пріѣхали къ своему каравану. На девятой день нашей ѣзды песку стало меньше, дорога становилась легче и удобнѣе, но трава повсюду совершенно засохла, воды нигдѣ не было. Ѣхали еще два дня, и вожакъ сказалъ намъ, что скоро будетъ колодезь. Мы съ усиліемъ и нетерпѣніемъ подвигались въ этому колодцу; однако воды въ немъ не оказалось. Съ досады, я началъ выговаривать вожаку, что онъ повелъ насъ такой скверной дорогой, гдѣ нѣтъ вовсе воды; вожакъ увѣрялъ, что въ прошломъ году здѣсь воды было достаточно, а нынѣ она отъ необыкновенной жары высохла. Нечего дѣлать: двинулись далѣе. Мы и лошади выбивались изъ силъ, да и верблюды изнурились. Наконецъ я послалъ вожака отыскивать воду, а сами медленно подвигались впередъ. Скоро, бывшія при насъ собаки, должно быть, почуяли воду и побѣжали; мы за ними. Спустя немного времени, мы дѣйствительно увидѣли воду. Но что это была за вода?—темно-бѣлаго цвѣта, густая, негодная въ употребленію не только для людей, но и для животныхъ. Я велѣлъ вскипятить эту воду къ чаю; но, устоявшись въ чаѣ, она превратилась въ тѣсто и чай нельзя было пить. Тогда я приказалъ налить воды въ котлы и насыпать туда соли; вода приняла обыкновенный цвѣтъ и хотя стала соленою, но годною для питья. Мы утолили жажду и отправились далѣе по назначенной вожатымъ дорогѣ. Отъѣхавши верстъ 10, мы встрѣтили нашего вожака, который объявилъ, что въ недалекомъ разстояніи находится колодезь съ хорошей водой. При нашей усталости и истощеніи лошадей, мы едва достигли до этого колодезя. Здѣсь мы отдохнули съ истиннымъ удовольствіемъ, давъ волю и скоту насытиться кормомъ и водою. Вода намъ показалась особенно вкусною и прекрасною, хотя на самомъ дѣлѣ она, быть можетъ, вовсе не была такою. При дальнѣйшемъ отсюда путешествіи, въ водѣ мы не нуждались; но у насъ истощались съѣстные припасы. Дорога стала твердая, жесткая и мы ѣхали скорѣе. Чрезъ нѣсколько времени мы увидѣли калмыцкіе аулы. Я послалъ

вожака купить въ этихъ аулахъ муки и крупы; сами же расположились на удобномъ мѣстѣ отдыхать. Это былъ 14-й день нашего странствованія. Солнце склонялось къ западу; наступилъ и вечеръ, а вожакъ не возвращался. Я подумалъ, что одно изъ двухъ: или калмыки взяли его въ плѣнъ, или же онъ измѣнилъ намъ и рѣшился предать насъ въ руки калмыковъ. Поэтому, на ночь я приказалъ рабочимъ взять ружья и пистолеты, и не спать. Около полуночи послышался топотъ лошадей и голосъ какихъ-то пѣсень. То были калмыки, которые скоро прискакали къ нашему табору. Я спросилъ по киргизски: «кто ѣдетъ?» Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «калмыкъ, толмачъ барма», т. е. калмыки, есть ли переводчикъ? Я сказалъ, что нѣтъ, и просилъ ихъ не подъѣзжать къ нашему табору близко, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы будемъ стрѣлять изъ ружей и пистолетовъ; если же что имъ нужно, то они могутъ переговорить съ нами завтра днемъ, а не ночью, когда ѣздятъ одни разбойники. Моя-ли угроза подѣйствовала, или что другое; только калмыки, поговоривъ о чемъ-то между собою, удалились, не причинивъ намъ никакого вреда. Спустя немного времени возвратился вожакъ. Я ему разсказалъ о случившемся; онъ замѣтилъ, что еслибы мы пустили калмыковъ въ таборъ, они непремѣнно разграбили-бы насъ. Въ эту ночь спать мы не ложились. Вожатый увѣрялъ, что до Сентовской пристани осталось не болѣе 35-ти верстъ, что скоро калмыцкіе аулы кончатся и начнутся кочевья трухменцевъ или волжскихъ ногайцевъ. Это народъ смирный и безопасный. Дѣйствительно, верстъ черезъ 15, мы увидѣли ногайскіе аулы; они очень отличаются отъ киргизскихъ. Почти при каждомъ изъ нихъ стоятъ для перевозки небольшихъ тяжестей арбы, или телѣги на двухъ колесахъ. Убранство въ кибиткахъ мнѣ не понравилось. У молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ ноздряхъ повѣшены серьги. Оставивъ караванъ съ рабочими и вожакомъ, самъ я отправился впередъ; доѣхалъ до рѣки Бузана. Отсюда оставалось до Астрахани 60 верстъ водянаго пути. Плаваніе по рр. Бузану и Волгѣ на лодкѣ было непродолжительно и я прибылъ благополучно въ Астрахань. Черезъ два дня пришли сюда съ товаромъ и прикащики, которыхъ я оставилъ въ ногайскихъ степяхъ. Юфть я размѣнялъ на бухарскіе товары—бумажные и шелковые халаты и кумачи.

Изъ Астрахани я опять отправился въ Уральскъ, но не степной дорогой, а другой, гораздо лучшей и удобной. Отсюда поѣхалъ въ Оренбургъ. Здѣсь, однако, не пришлось мнѣ купить барановъ по случаю дорогой цѣны. Такъ какъ наступило время Макарьевской ярмарки, то я черезъ Казань отправился въ Нижній-Новгородъ. Проживъ три дня и оставивъ въ лавкѣ съ пушнымъ товаромъ прикащика, самъ поѣхалъ домой.

Здѣсь я услышалъ отъ отца, что къ нему въ помощники по управленію слободой назначенъ помѣщикомъ дворовый человѣкъ Тарховъ. Это извѣ-

стіе было для меня крайне непріятно, потому что Тарховъ, по какой-то злобѣ къ отцу, а также въ видахъ, можетъ быть, занять его мѣсто бурмистра, старался всѣми мѣрами навредить отцу и всему нашему семейству. Въ настоящее время онъ распустилъ слухъ, что на моемъ отцѣ состоитъ большой начетъ по управленію вотчиною и что, поэтому, нашъ скотъ и всѣ товары будутъ арестованы. Слухъ совершенно ложный; но онъ дошолъ до купцовъ, съ которыми мы имѣли торговыя дѣла, какъ правдоподобный. На Макарьевской ярмаркѣ, куда я вскорѣ пріѣхалъ изъ дому, купцы мнѣ въ долгъ не довѣряли, во вниманіе именно къ этому нелѣпому слуху. Мнѣ стоило большихъ хлопотъ и усилій, чтобы поддержать нашъ кредитъ. Хотя мнѣ и удалось этого достигнуть, но мы въ 1828-й годъ понесли убытку около 18,000 руб. асс.

Въ слѣдующемъ году Тарховъ продолжалъ свои коварные происки противъ моего отца; нѣкоторыхъ изъ крестьянъ онъ подговаривалъ подавать управляющему Рагузину на отца разныя жалобы. Былъ у насъ родной племянникъ отца и его крестный сынъ Раевъ, котораго отецъ очень любилъ, чуть ли ни больше меня. По наущенію и подговорамъ Тархова, этотъ Раевъ подалъ прошеніе Рагузину о томъ, будто бы мой отецъ не выдалъ ему всѣхъ денегъ, оставшихся послѣ смерти его матери. Эта непріятность такъ подѣйствовала на отца, что онъ сдѣлался нездоровъ.—Торговля наша пошла плохо. Мы получили опять значительный убытокъ. Оброкъ съ насъ не умаляли. За право торговли платили по прежнему 800 руб. асс. въ годъ. Я видѣлъ, что если и впредь такъ пойдетъ дѣло, то мы совершенно разоримся. Надо было что нибудь придумать къ улучшенію своего положенія. Но что именно? Мы попробовали обратиться съ просьбой къ управляющему Рагузину, чтобы онъ исходатайствовалъ у помѣщика мнѣ свободу за 50,000 руб. асс., съ тѣмъ, что отецъ мой останется крѣпостнымъ. (Моей мачихи въ это время уже не было въ живыхъ). Но управляющій наотрѣзъ отказался даже докладывать объ этомъ господину. Тогда я задумалъ бѣжать изъ дому и болѣе не возвращаться къ отцу. Хотѣлось попытать счастія на чужой сторонѣ. Это было въ концѣ 1830-го года.

Не говоря ни отцу, ни женѣ о своемъ намѣреніи, я собрался въ дорогу. Взялъ съ собою 13,000 руб. денегъ. Отцу сказалъ, что ѣду въ Уральскъ купить сала и рыбы. Когда я разставался съ отцомъ, сердце мое сильно тосковало; на глаза навертывались слезы, какъ я ни старался удержать ихъ. Прощаясь, отецъ твердилъ мнѣ: «пріѣзжай скорѣе». Жена проводила меня до Арзамаса. При прощаньи, я взялъ у ней ея обручальное кольцо, а свое отдалъ ей. Мнѣ было грустно. Я поѣхалъ въ Уральскъ, а отсюда на Узень, чтобы устроить нѣкоторыя дѣло по торговлѣ. 10-го января 1831-го года я прибылъ въ Самару. Здѣсь встрѣтилъ одного изъ нашихъ приказчиковъ, отъ котораго узналъ, что отецъ мой очень боленъ и его ле-

читъ докторъ. Это извѣстіе меня поразило. Разныя мысли кружились въ моей головѣ. «Если я не пріѣду скоро домой,—думалъ я,—и обо мнѣ не будетъ никакого слуху, отецъ непремѣнно пошлетъ отыскивать меня въ Уральскъ; здѣсь меня не найдутъ, отцу скажутъ, что я пропалъ безъ вѣсти. Онъ—больной—не перенесетъ такого удара и умретъ; тогда я долженъ считаться его убійцей». При этой мысли сердце мое обливалось кровью. Жаль было моего добраго отца, не говоря объ оставленной женѣ и шестилѣтней дочери. Выѣхалъ я изъ Самары съ помянутымъ прикащикомъ. Въ дорогѣ я долго боролся съ своими мыслями и заливался горькими слезами. Я снова спрашивалъ прикащика: «въ какомъ положеніи остался отецъ?» Онъ твердилъ одно и то же, что отецъ очень слабъ. На третьей станціи находился поворотъ дороги: одна была на Сызрань, а другая въ Симбирскъ. Тутъ я приказалъ ямщику остановиться. Сердце мое сильно билось; во мнѣ не было рѣшимости: ѣхать ли на право, по дорогѣ въ домъ родительскій, или на лѣво—почти не извѣстно куда?—Наконецъ, я сказалъ самому себѣ: «Твори Господи волю свою! Я не оставлю отца въ его тяжкой болѣзни. Богъ дастъ, онъ выздоровѣетъ, и тогда свершу задуманное мною дѣло». Я велѣлъ ямщику ѣхать на право по симбирской дорогѣ.

Дома я засталъ отца лежащимъ въ постели. У него была водянка. Онъ сердечно обрадовался моему пріѣзду. Въ первые дни послѣ этого болѣзнь стала легче; отецъ началъ поправляться. Но тутъ неожиданно пріѣхалъ къ намъ управляющій Рагузинъ, по поводу новыхъ жалобъ на отца, которыя были поданы нѣкоторыми крестьянами, по наущенію Тархова. Это сильно подѣйствовало на отца: съ нимъ приключилась горячка, а черезъ 9 дней моего незабвеннаго родителя не стало.

Я не буду описывать горести, обуявшей мое сердце. У меня была одна только мысль, что болѣе нѣтъ моего дорогаго отца — руководителя и совѣтника въ моей жизни. Теперь живи, какъ знаешь; поступай, какъ умѣешь. Въ то же время я предчувствовалъ, что враги покойнаго отца, во главѣ съ Тарховымъ, не оставятъ меня въ покоѣ и будутъ вредить мнѣ. Предчувствіе не обмануло меня.

Отдавая послѣдній долгъ покойному, я устроилъ пышные и богатые похороны: пригласилъ архимандрита арзамасскаго Спасскаго монастыря, настоятеля Высокогорской пустыни Антонія [1]) и 16 священниковъ съ причтами. Народу собралось множество. Во время литургіи и панихиды пѣли пѣвчіе; священники говорили проповѣди и надгробныя рѣчи. На обѣдѣ, послѣ погребенія, присутствовало болѣе 100 человѣкъ родственниковъ и друзей покойнаго. На могилѣ былъ поставленъ гранитный памятникъ, подъ балда-

---

[1]) Нынѣ намѣстникъ Московской Сергіевской лавры.

Н. Ш.

хиномъ съ крестомъ, вызолоченнымъ червоннымъ золотомъ. Нѣкоторымъ бѣднымъ должникамъ я простилъ ихъ долги; роздалъ нищимъ и убогимъ болѣе 100 руб.; выкупилъ на волю двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Потомъ я отправился къ управляющему Рагузину и донесъ, что за покойнымъ отцомъ не осталось никакого начета по управленію имъ вотчиной въ должности бурмистра. Вскорѣ Тарховъ назначенъ былъ преемникомъ моего отца.

Еще за нѣсколько дней до смерти родителя я, въ видахъ предосторожности, отдалъ арзамасскому купцу Подсосову 15,000 рублей подъ векселя, а движимое имущество, наиболѣе цѣнное, отправилъ въ 14-ти сундукахъ, къ своимъ родственникамъ—дядѣ Феоктистову и Потѣхину. Теперь я разсудилъ не торговать болѣе скотомъ и саломъ. Поэтому 13 котловъ изъ своей салотопни я продалъ помянутому купцу Подсосову на заводъ и велѣлъ своему прикащику туда ихъ перевезти. Это было 1-го марта. Въ тотъ же день я пріѣхалъ къ Подсосову. Черезъ нѣсколько времени пришолъ во мнѣ прикащикъ и разсказалъ, что когда онъ съ рабочими повезъ котлы, то на дорогѣ нѣсколько человѣкъ крестьянъ, по распоряженію Тархова, ихъ остановили и возвратили ко мнѣ въ домъ. Я не мало этому подивился. Вслѣдъ за тѣмъ пришолъ сельскій староста, пріятель мнѣ и кумъ, Павельевъ, съ требованіемъ, чтобы я сейчасъ же явился въ контору къ Тархову. Контора помѣщалась у меня въ домѣ, занимая одну изъ угловыхъ комнатъ. Я пріѣхалъ домой, но въ контору не пошолъ, хотя присылали за мной неоднократно.

Къ вечеру этого дня послѣдовало такое распоряженіе: прикащиковъ и рабочихъ согнали со двора моего вонъ; дверь у одного крыльца заперли замкомъ, а къ другому крыльцу приставили караулъ, такъ что я не могъ выдти. На ночь около дома находились тоже караульщики. На другой день Тарховъ потребовалъ отъ меня паспортъ; я отдалъ. Родственниковъ и знакомыхъ ко мнѣ не допускали. Прошло недѣли двѣ. О такомъ несправедливомъ заключеніи меня я писалъ помѣщику и управляющему Рагузину; но никакого отвѣта или распоряженія отъ нихъ не послѣдовало. Наступилъ 40-й день послѣ смерти отца; я хотѣлъ помолиться на его могилѣ. Но мнѣ не позволили исполнить и это. Въ грусти и унынiи проходили для меня дни и ночи.

Ровно черезъ мѣсяцъ, именно 29-го марта, утромъ, я увидѣлъ въ окно, что караула у моего дома нѣтъ. Это было для меня непонятно. Но скоро все объяснилось. Въ комнату вошелъ сельскій староста Павельевъ, отдалъ мнѣ паспортъ и письмо отъ управляющаго Рагузина на мое имя. Рагузинъ писалъ: «Слободское начальство замѣтило за вами какое-то сумнѣніе, по которому сдѣлали надъ вами арестъ. Я предписалъ Тархову снять оный и куда вамъ угодно отлучаться. Распоряжайтесь своею торговлею, какъ и прежде». Я сейчасъ же пошелъ осмотрѣть дворъ, кладовыя, амбары; вездѣ

замки были сбиты и много товару расхищено. Написалъ объ этомъ объявленіе и послалъ его въ Земскій Судъ, а самъ отправился въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ Рагузинымъ и помѣщикомъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я остановился въ господскомъ собственномъ домѣ; здѣсь жилъ и Рагузанъ. Онъ принялъ меня ласково; сожалѣлъ о моемъ отцѣ и о случившемся со мною происшествіи; обѣщался взыскать съ виновныхъ причиненные мнѣ убытки и возстановить мой кредитъ. Я плохо вѣрилъ въ обѣщанія Рагузина; но приходилось ждать и надѣяться. Притомъ же, еще разъ я рѣшился попробовать откупиться у помѣщика на волю. Какъ-то за чаемъ, я началъ говорить объ этомъ Рагузину, указывая на то, что если теперь господинъ не сдѣлаетъ меня свободнымъ, то жить въ Выѣздной мнѣ будетъ невозможно. За свое освобожденіе я предложилъ 25,000 руб. асс. Рагузинъ съ недовольнымъ видомъ сказалъ мнѣ, что надобно повременить докладывать объ этомъ помѣщику; потомъ прибавилъ, что я, по прежнему, прекрасно могу жить въ нашей слободѣ и, можетъ быть, буду на отцовскомъ мѣстѣ бурмистромъ. Я рѣшительно возразилъ Рагузину, что отъ должности бурмистра навсегда отказываюсь: чрезъ то и отецъ мой умеръ, не получивъ отъ господина за свою службу никакой милости. Тѣмъ разговоръ нашъ и кончился. Идти къ помѣщику для личнаго объясненія по моему дѣлу я не посмѣлъ, такъ какъ это было совершенно противъ желаній Рагузина. Въ Петербургѣ я пробылъ дней пять. Ходилъ въ Казанскій соборъ, Александро-Невскій монастырь и въ Петропавловскій соборъ, гдѣ поклонился всѣмъ въ Бозѣ почившимъ императорамъ и императрицамъ. Я уже собирался ѣхать обратно на родину, какъ прошолъ слухъ, что 15-го мая долженъ быть на Царицыномъ лугу смотръ войскамъ, на которомъ будутъ присутствовать Государь Императоръ, Наслѣдникъ и только что пріѣхавшій изъ Тифлиса графъ Паскевичъ-Эриванскій. Я дождался 15-го мая и утромъ отправился къ павловскимъ казармамъ. Войска на плацу было множество, а народу смотрѣть собралось еще больше. Около полудня пріѣхалъ Государь съ Паскевичемъ верхами и начался смотръ. Наслѣдникъ въ парадной гусарской формѣ командовалъ взводомъ. По окончаніи смотра народъ побѣжалъ на плацъ, гдѣ находился Государь съ Наслѣдникомъ и Паскевичемъ. Мнѣ удалось попасть впередъ толпы и довольно насмотрѣться какъ на Государя съ Паскевичемъ, такъ и на Наслѣдника. У Государя взоръ былъ строгій, повелительный. Мнѣ показалось, что видѣвшій разъ эти взоры не могъ забыть ихъ во всю свою жизнь. На Наслѣдника я долго и пристально смотрѣлъ, и не могъ вдоволь насмотрѣться. Какъ сейчасъ вижу: премилый—бѣленькій, круглолицый, румяный, какъ наливное красное яблочко; улыбка добрая и невыразимо пріятная, на лицѣ выражалось что-то важное, царственное. Предчувствіе у меня тогда было, что этотъ царь будетъ великій и покровитель всѣмъ угнетеннымъ.— На другой день я отправился домой.

Въ это время мои торговыя дѣла шли плохо; но прекратить торговлю мнѣ было нельзя. Поэтому, пріѣхавъ изъ Петербурга домой, я отправилъ оставшійся у меня пушной товаръ на Коренную ярмарку (Курской губ.) съ прикащикомъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней и самъ уѣхалъ туда же, какъ будто для продажи этого товара. На самомъ же дѣлѣ цѣль моего отъѣзда была та, чтобы розыскать шурина моего Степана Ланина. Этотъ Ланинъ, лѣтъ пять тому назадъ, бѣжалъ изъ дому въ Бессарабію; потомъ находился въ Валахіи, состоялъ во время похода русской арміи маркитантомъ. Шурина мнѣ надо было отыскать потому, что онъ своими указаніями и содѣйствіемъ могъ помочь мнѣ въ осуществленіи моего намѣренія—скрыться изъ дому, такъ какъ это дѣло ему было хорошо извѣстно по опыту. Гдѣ находился мой шуринъ, я не зналъ; но мнѣ былъ извѣстенъ адресъ одного купца въ Одессѣ, черезъ котораго Ланинъ получалъ письма отъ родныхъ и знакомыхъ. Такъ какъ, по случаю холеры, торговля на Коренной ярмаркѣ была очень плохая, то я съ товаромъ и прикащикомъ поѣхалъ на Ильинскую ярмарку въ Ромны (Полтавской губ.). Здѣсь продалъ товару тысячъ на 8; оставшійся товаръ препроводилъ съ прикащикомъ въ Харьковъ на Успенскую ярмарку. Самъ я отправился въ Одессу, гдѣ чрезъ извѣстнаго купца скоро отыскалъ моего шурина Ланина: онъ недавно прибылъ сюда съ виномъ изъ Константинополя и торговалъ въ погребѣ на Рыбномъ базарѣ. Я объяснилъ шурину свои обстоятельства и просилъ его помочь мнѣ бѣжать изъ дому. Онъ согласился съ радостію. Тогда я далъ ему 2,000 руб. асс. на расходы; онъ обѣщался приписать меня съ женою въ Кишиневѣ, или гдѣ окажется болѣе удобнымъ, и пачпорты лично мнѣ доставить въ Харьковъ на Крещенскую ярмарку слѣдующаго 1832 года. Разумѣется, все это должно было оставаться въ секретѣ.

Изъ Одессы я поѣхалъ въ Харьковъ, а отсюда домой, куда и прибылъ въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца. Свое продолжительное отсутствіе я объяснялъ роднымъ и знакомымъ тѣмъ, что по дорогѣ изъ Роменъ, въ Полтавѣ, заболѣлъ холерою и долго лечился.—На другой день послѣ моего пріѣзда ко мнѣ пришли за оброкомъ на послѣднюю треть года и требовали 1150 руб. асс. Тогда я послалъ къ управляющему Рагузину слезное письмо, въ коемъ просилъ его сбавить съ меня хотя сколько нибудь оброка, по той именно причинѣ, что въ настоящій годъ я понесъ большіе убытки и разореніе. На это письмо мною полученъ былъ отъ Рагузина отвѣтъ, чтобы требуемый оброкъ я заплатилъ безпрекословно; а когда онъ самъ пріѣдетъ въ слободу, то дѣло разберетъ и оброкъ сбавитъ. Нечего дѣлать, отдалъ оброкъ. Послѣ этого, чего я могъ ожидать отъ Рагузина по тѣмъ обѣщаніямъ, которыя онъ далъ мнѣ въ Петербургѣ относительно взысканія убытковъ съ виновниковъ моего ареста и разоренія и относительно возстановленія моего кредита? Разумѣется, ничего. Мало того. Стороною, до меня начали доходить

слухи, будто бы все мое имѣніе скоро будетъ арестовано, а меня самаго если не отдадутъ въ солдаты, то навѣрное сошлютъ въ дальнюю вотчину Быть можетъ, эти слухи были преувеличены, не вѣрны. Но, вѣдь, кто знаетъ? Все можетъ случиться съ крѣпостнымъ рабомъ. Такъ мнѣ въ то время думалось.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ я началъ приготовляться къ побѣгу и сдѣлалъ послѣднія распоряженія. Рѣшено было ѣхать мнѣ съ женой; семилѣтнюю же дочь нашу оставить до поры, до времени на попеченіи ея бабушки Ланиной. Наступилъ новый 1832-й годъ. Не радостно привелось мнѣ встрѣтить его....

1832—1835 гг.

1-го января, ночью, выѣхалъ я съ женою на почтовыхъ въ Харьковъ. Здѣсь встрѣтился съ шуриномъ моимъ Ланинымъ, который привезъ мнѣ и женѣ годовые пачпорты подъ именемъ кишиневскихъ жителей Григорья и Елизаветы Кисловыхъ. Отсюда втроемъ отправились въ Могилевъ, что на Днѣстрѣ. Тутъ съ шуриномъ мы условились, что онъ немедленно поѣдетъ въ Кишиневъ, выхлопочетъ тамъ мнѣ съ женой заграничные пачпорты и отправитъ ихъ въ мѣстечко Бричани Бессарабской области, гдѣ мы должны уже быть и дожидаться. Сказано—сдѣлано. Шуринъ уѣхалъ. На другой день я подрядилъ одного жида везти насъ до мѣстечка Бричани. Санная дорога уже рушилась, а на колесахъ ѣхать было еще нельзя; словомъ, стояла распутица,—такъ, что мы съ трудомъ добрались до Бричани. Въ этомъ мѣстечкѣ не оказалось ни одного русскаго, все евреи. Нечего дѣлать: наняли квартиру у еврея. Комната оказалась весьма непригляднною, съ какимъ-то особеннымъ тяжолымъ запахомъ. Жена моя не видала такихъ сиверныхъ покоевъ; ей и было противно. Прожили мы тутъ болѣе недѣли. Скука была непереносная. Наступила масляница. Жена какимъ-то манеромъ ухитрялась печь блины—и это составляло для насъ большое удовольствіе. Въ субботу на масляницѣ полученъ былъ отъ шурина заграничный пачпортъ и на другой день мы отправились на молдавскую границу. По переѣздѣ границы, ночевали у одного молдавана. Потомъ наняли у него двѣ повозки, уложили на нихъ свое имущество и двинулись въ путь по невѣдомой для насъ странѣ въ главный городъ ея—Яссы. Ѣхали то горами, то долинами, останавливаясь въ корчмахъ, гдѣ ничего нельзя было найти, кромѣ вина и водки. Молдованскаго языка я не зналъ, да и въ деньгахъ не понималъ счету; денегъ тогда находилось при мнѣ около 14,000 рублей. Впрочемъ, кое-какъ я изворачивался и понемногу привыкалъ. Наконецъ, мы прибыли въ первый молдавскій городъ—Баташаны; остановились на постояломъ дворѣ въ жидовской корчмѣ. Изъ повозокъ мы перенесли свое имущество въ большую комнату и сложили въ углу. Въ этой комнатѣ находилось множество жи-

довъ и молдаванъ полупьяныхъ; тутъ же продавали водку и вино. Я оставилъ жену при имѣніи, а самъ пошолъ на базаръ. Въ нѣкоторыхъ лавкахъ торговали чисто русскіе мужички, съ бородами. Я обрадовался; вступилъ съ ними въ разговоры. Оказалось, что они—закоренѣлые старообрядцы, давнишніе молдавскіе подданные: отцы и дѣды ихъ пришли сюда изъ Россіи еще во времена Петра I-го. По ихъ словамъ, въ Молдавіи много русскихъ; живутъ своими селеніями, занимаются хлѣбопашествомъ и садоводствомъ, особенно же торговлею. Жить имъ очень привольно, податей платятъ мало; въ рекруты ихъ не берутъ. Старообрядцы, въ свою очередь, распрашивали меня про Россію. Я имъ разсказывалъ, что для свободныхъ у насъ житье хорошее; но господскимъ крестьянамъ жить очень худо: бѣдность, барщина да оброки совсѣмъ ихъ измучили. Старообрядцы объ этомъ ни мало жалѣли.

Въ Баташанахъ мы пробыли менѣе сутокъ. Отсюда я нанялъ большой фургонъ на четверкѣ лошадей до Яссъ, куда пріѣхали 1-го марта. Остановились на постояломъ дворѣ, въ отдѣльной отъ другихъ комнатѣ. Нашъ хозяинъ умѣлъ говорить нѣсколько порусски. Это мнѣ пригодилось. Я послалъ о своемъ мѣстопребываніи письма въ Москву, Кишиневъ—къ шурину и въ Арзамасъ къ родственникамъ. Потомъ объявилъ свой пачпортъ русскому консулу.

Яссы—городъ обширный и многолюдный, улицы кривыя, узкія и грязныя. Окруженъ фруктовыми и виноградными садами. Въ городѣ много церквей; есть митрополія, въ которой живетъ митрополитъ. Въ церкви Іоанна Предтечи почиваютъ мощи св. Парасковіи. Старообрядцевъ, вышедшихъ изъ Россіи, здѣсь было довольно. Жили и скопцы. Молдаване употребляли больше хлѣбъ, подъ названіемъ мамалыга [1]). Чай, сахаръ, хлѣбъ, особенно фрукты и вино были дешевы. Напримѣръ, фунтъ обыкновеннаго чаю стоилъ 50 коп., а цвѣточный рубль сереб. Достоинствомъ этотъ чай хуже кяхтинскаго; жиды въ большомъ количествѣ тайно провозили его въ Россію.

Передъ Пасхою, я получилъ отъ одного арзамасскаго родственника письмо, съ извѣстіемъ, что гонитель мой—бурмистръ Тарховъ—наконецъ понялъ, что я бѣжалъ, о чемъ и подано объявленіе; мой домъ со всѣмъ находящимся въ немъ описали. Моему тестю и тещѣ начали дѣлать относительно меня строгіе допросы, съ разными угрозами, и при домѣ ихъ поставили караулъ, чтобы я не увезъ какъ нибудь своей дочери. Это извѣстіе сердечно насъ опечалило. Наступила Пасха. Въ Свѣтлое Воскресеніе ходили къ заутрени въ русскую церковь, а къ обѣднѣ—въ митрополію, гдѣ еван-

---

[1]) Это хлѣбъ, приготовляемый изъ кукурузы; на вкусъ довольно непріятный. Н. Ш.

геліе читали на 12-ти языкахъ. Скучно и грустно проводили мы этотъ великій праздникъ. Молдаване находились болѣе въ корчмахъ, пили вино, плясали, а цыгане играли на какихъ-то инструментахъ: музыка выходила странная. При корчмахъ были качели, гдѣ жиды продавали разные фрукты. Но все это не веселило насъ. Къ довершенію горя, я получилъ изъ Арзамаса извѣстіе, что слободское начальство послало троихъ крестьянъ насъ розыскивать. Тогда мы отправились въ городъ Галацъ, стоящій на берегу р. Дуная, гдѣ находится пристань морскихъ судовъ, приходящихъ изъ Греціи и Турціи. Здѣсь мы встрѣтились съ шуриномъ Ланинымъ, который задумалъ ѣхать въ Константинополь для покупки товаровъ. Я хотѣлъ послѣдовать его примѣру; но моя жена боялась морскаго плаванія, а оставить ее было не съ кѣмъ. Поэтому мнѣ не пришлось ѣхать. Тогда мы условились съ шуриномъ такимъ образомъ: я далъ ему собственныхъ денегъ 6,000 рублей, подъ росписку, (которую не нашли нужнымъ засвидѣтельствовать у русскаго консула), и онъ купленный въ Константинополѣ товаръ пришлетъ въ Одессу; а я отправлюсь въ Ромны на ярмарку, чтобы получить, по довѣренности отъ шурина, съ нѣкоторыхъ купцовъ деньги около 4,000 руб. При этомъ я надѣялся развѣдать: дѣйствительно ли посланы изъ Выѣздной слободы за мной сыщики, и буде посланы, то кто именно? Послѣ этого, мы возвратились съ женой въ Яссы. Здѣсь я оставилъ жену у одного знакомаго скопца—Дубровина; купилъ 6 фунтовъ розоваго масла, по 100 руб. за фунтъ, надѣясь выгодно продать его въ Россіи, и отправился черезъ австрійскую границу въ городъ Черновицъ. Я думалъ провезти масло тайно, не платя никакихъ пошлинъ; но это мнѣ не удалось. масло мое таможенные чиновники открыли, арестовали, и вмѣстѣ со мною препроводили въ Черновицъ. Я смекнулъ, что дѣло можетъ быть худо, и потому, черезъ переводчика Ламиковскаго, показалъ комиссару всю правду. Масло свѣсили, выдали мнѣ въ принятіи его росписку и отпустили меня съ миромъ. Такъ какъ Ламиковскій увѣрилъ меня, что масло будетъ мнѣ возвращено, только не скоро, то я выдалъ ему довѣренность хлопотать по этому дѣлу, а самъ поѣхалъ черезъ Каменецъ-Подольскъ въ Ромны. Здѣсь денегъ, по довѣренности шурина, получить мнѣ не пришлось; но я узналъ достовѣрно, что меня розыскиваютъ. За поимку меня Тарховъ обѣщалъ 1000 рублей. Я сталъ остороженъ; перемѣнилъ свой костюмъ, бороду сбрилъ, волосы остригъ понѣмецки, выходилъ только по вечерамъ. Но все-таки долго оставаться здѣсь мнѣ было не безопасно; поэтому, сдѣлавъ кое-какія распоряженія, я поспѣшилъ въ Яссы.

Чрезъ нѣсколько времени я получилъ изъ Константинополя отъ шурина письмо, въ которомъ извѣщалъ, что онъ купилъ бакалейнаго товару на 7,000 руб. и отправилъ его въ Одессу на имя одного тамошняго купца. Почти въ то же время дошло до меня извѣстіе отъ арзамасскаго родствен-

ника Потѣхина, что на остававшіяся у него мои деньги, около 5,000 руб., онъ купилъ 100 пудовъ юфти и препроводилъ ее въ Одессу къ извѣстному мнѣ купцу. Кромѣ того, Потѣхинъ увѣдомлялъ меня, что Тарховъ послалъ крестьянина нашей слободы Павельева меня розыскивать, уполномочивъ его особой довѣренностью, въ которой было сказано, что я ушелъ съ большимъ имуществомъ и деньгами; но чьи эти деньги и имущество—помѣщичьи, или мои собственныя,—того въ довѣренности не значилось. Получивши такія извѣстія, я началъ думать о моей поѣздкѣ въ Одессу, такъ какъ присутствіе мое тамъ было необходимо. Однако эту поѣздку пришлось мнѣ на время отложить.—Былъ у меня знакомый, прежде меня бѣжавшій изъ нашей слободы, крестьянинъ Кожевниковъ; онъ также скрывался, какъ и я. Время-отъ-времени мы съ нимъ видѣлись, вели между собою секретную переписку по моимъ дѣламъ; за услуги и хлопоты я платилъ Кожевникову хорошо. Въ то время онъ находился въ Одессѣ. Вотъ, отъ этого-то Кожевникова я и получилъ письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что крестьянинъ Павельевъ пріѣхалъ въ Одессу съ цѣлію непремѣнно розыскать меня, или его самаго. Я немедленно извѣстилъ Кожевникова, чтобы онъ пріѣхалъ въ пограничное мѣстечко Скуляны для личнаго со мною объясненія. Тутъ мы условились, что Кожевниковъ будетъ, въ свою очередь, слѣдить за Павельевымъ; потомъ наблюдать за моимъ товаромъ, присланнымъ изъ Арзамаса, а также и относительно дѣлъ моего шурина,—и обо всемъ увѣдомлять меня безъ замедленія. Я далъ Кожевникову 25 червонцевъ и онъ уѣхалъ въ Одессу.

Скоро я началъ получать отъ Кожевникова извѣстія, одно за другимъ, но не радостныя, а грустныя и печальныя. Такъ, я узналъ, что прикащикъ, съ которымъ прислана была моя юфть изъ Арзамаса, тайно продалъ ее и съ деньгами скрылся не извѣстно куда.—Въ одесскомъ городскомъ правленіи было получено изъ русскаго консульства въ Константинополѣ свѣдѣніе, что шуринъ мой Ланинъ померъ отъ свирѣпствовавшей тамъ чумы; а такъ какъ въ бумагахъ покойнаго не найдено никакого распоряженія объ оставшемся послѣ него имуществѣ, то положено его продать и деньги отдать въ Приказъ общественнаго призрѣнія. Это извѣстіе меня очень опечалило, потому что главная моя надежда была на шурина. Я не зналъ, что дѣлать. Думалъ немедленно отправиться въ Константинополь самъ; но многія причины тому воспрепятствовали: и дальность пути, и дороговизна, и тамошняя чума. Къ тому же жена моя ходила послѣднее время беременности. Словомъ, ѣхать въ Царь-градъ мнѣ оказалось невозможно. Наскоро выхлопоталъ я на имя извѣстнаго мнѣ одесскаго купца довѣренность, послалъ ее, вмѣстѣ съ росписью покойнаго шурина на 6,000 руб., въ Одессу къ этому купцу и просилъ его хлопотать о полученіи денегъ. Затѣмъ, все дѣло это предоставилъ волѣ Божіей.

Тяжело у меня было на душѣ..... 19-го января 1833 г. у меня родился сынъ, котораго назвали Николаемъ. Этому я очень обрадовался, но радость моя омрачилась печальными думами. Не задолго передъ этимъ, мой арзамасскій родственникъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ извѣщалъ, что, по приказанію слободскаго начальства, нашу дочь взяли отъ ея бабушки и отправили въ ту вотчину, гдѣ проживалъ управляющій Рагузинъ. Какая цѣль имѣлась въ виду при такомъ распоряженіи—мнѣ было не извѣстно; но я живо представлялъ невеселую жизнь дочери и ничего не могъ сдѣлать къ облегченію ея участи. И новорожденнаго сына моего что́ ожидало въ будущемъ? Правда, я надѣялся устроить какъ нибудь жизнь свою къ лучшему; не вѣкъ же я буду находиться въ гоненіи и преслѣдованіи отъ моихъ недруговъ. Но когда настанетъ это дорогое времячко?....

На масляницѣ я получилъ изъ Одессы отъ Кожевникова извѣстіе, что сыщика моего Павельева тамъ нѣтъ и, вѣроятно, онъ отправился въ Кишиневъ. Полагая, какъ бы не пожаловалъ этотъ непріятный гость ко мнѣ въ Яссы, я переговорилъ объ этомъ съ своимъ хозяиномъ Дубровинымъ, далъ ему 2,000 рублей денегъ и просилъ его, буде окажется нужнымъ, оградить меня отъ поисковъ Павельева. Тотъ согласился. Прошло нѣсколько дней. Однажды Дубровинъ прибѣжалъ ко мнѣ въ комнату, встревоженный, и сказалъ, что онъ видѣлъ Павельева съ какимъ-то неизвѣстнымъ ему мущиною и консульскимъ служителемъ; они идутъ, вѣроятно, сюда. Надо было куда нибудь скрыться. Тотчасъ же снарядили жену, съ ребенкомъ, посадили ее на дрожки и приказали ѣхать къ одному нашему знакомому скопцу. Затѣмъ, мы условились съ Дубровинымъ, чтобы онъ говорилъ Павельеву, что я уѣхалъ въ Константинополь, а имущество заложилъ у него за 4,000 рублей. Я заперъ комнату, отдалъ ключъ Дубровину, а самъ спрятался въ сарай на сѣно. Спустя не много, пришолъ на дворъ Павельевъ съ нѣсколькими лицами. Дубровинъ къ нимъ вышелъ навстрѣчу. (Я наблюдалъ чрезъ небольшое отверстіе въ стѣнѣ сарая).

— Гдѣ Кисловъ [1]) и его квартира?—спросилъ Павельевъ Дубровина.

— Онъ уѣхалъ въ Царь-градъ, отвѣчалъ Дубровинъ; а квартира его здѣсь. Ключъ отъ комнаты у меня. Имущество свое онъ оставилъ у меня въ залогѣ за 4,000 рублей.

— Я сегодня самъ видѣлъ Кислова,—говорилъ Павельевъ; онъ долженъ быть здѣсь.

— Если ты видѣлъ его,—сказалъ Дубровинъ, то почему же не взялъ его и не представилъ въ консульство?

---

[1]) Въ это время я жилъ подъ фамиліей Кислова.

Н. Ш.

— А гдѣ жена Кислова?

— Я почемъ знаю. Спроси у мужа.

Тутъ кто-то сказалъ Павельеву, что жену мою отвезли къ одному скопцу. Пошли искать жену, но ее, разумѣется, не нашли.—Когда Павельевъ ушолъ, я вылѣзъ изъ сарая и на своей квартирѣ не остался, а отправился къ знакомому скопцу Александровскому.—Скоро многіе изъ скопцовъ узнали объ этой нашей исторіи, приняли въ насъ участіе и всячески старались скрыть меня и жену съ ребенкомъ отъ Павельева. Такъ, у скопцовъ, у того или другаго, мы и скрывались нѣсколько времени. Но потомъ это оказалось неудобнымъ по той причинѣ, что у скопцовъ въ домахъ дѣтей нѣтъ; а у насъ былъ ребенокъ. Тогда мы рѣшились оставить Яссы. При помощи и содѣйствіи знакомыхъ скопцовъ мы скоро собрались въ дорогу: они выхлопотали у прусскаго консула паспортъ на имя прусскаго подданнаго Петра Іогана съ женою Александрою и сыномъ Николаемъ, т. е. теперь я сталъ уже прусскимъ подданнымъ; купили для насъ фургонъ и пару лошадей; снабдили провизіей и дали рекомендательное письмо къ игумену пунгарацкаго монастыря Константину; въ провожатые нанятъ былъ молдаванъ, верхомъ. 2-го марта мы распростились съ гостепріимными скопцами и отправились въ путь.

Ѣхали мы на городъ Тыргофармосъ; отсюда отъѣхали еще верстъ 50 и ночевали въ молдаванской деревушкѣ. Утромъ, мы увидѣли Карпатскія горы, вершины которыхъ покрыты снѣгомъ, а ниже клубились облака. Видъ былъ величественный и прекрасный; мы любовались довольно. Потомъ, проѣхали черезъ городъ Кятръ, и за него верстъ 20; дорога пошла въ гору; мы подвигались впередъ медленно. Наконецъ, увидѣли церковь и вокругъ ея разбросанные молдаванскіе небольшіе домики. Это—монастырь Пунгарацы.

Игуменъ монастыря, о. Константинъ, принялъ меня ласково. Я ему по молдавански объяснилъ, что со мною жена и малое дитя, что мы пріѣхали сюда говѣть и что, поэтому, намъ нужно гдѣ нибудь помѣститься. О. Константинъ приказалъ приготовить для насъ особую келью, или комнату, и мы стали жить.—Черезъ недѣлю я съ женою началъ говѣть; исповѣдались и пріобщились св. таинъ. Странно: просфоры были изъ черной муки, должно быть потому, что бѣлой муки здѣсь вовсе нѣтъ, или трудно ее достать. Наступила Пасха. Въ первый день, послѣ обѣдни, въ 10 часовъ утра о. Константинъ прислалъ къ намъ монаха просить насъ на обѣдъ. Мы пошли. Обѣдъ былъ скоромный, съ мясомъ; приготовленъ хорошо и со вкусомъ. Въ Молдавіи не такъ, какъ у насъ: монахи ѣдятъ скоромное и мясо, разумѣется, кромѣ постовъ. Праздникъ проводили довольно скучно. Впрочемъ скуку разгоняли тѣмъ, что выходили изъ монастыря на прогулки по окрестностямъ. Тогда была тамъ уже настоящая весна, съ яснымъ солнышкомъ,

теплымъ, пріятнымъ воздухомъ; цвѣты расцвѣли, деревья покрылись зеленью. Видъ окрестностей монастыря былъ прелестный; особенно мы любовались Карпатскими горами, которыя на необъятномъ пространствѣ высились къ небесамъ. Въ этихъ горахъ находится много камней, употребляемыхъ на мельницахъ. Иногда прогуливались и вмѣстѣ съ о. Константиномъ; онъ любилъ ходить на рѣку Быстрицу, которая протекаетъ въ 3-хъ верстахъ отъ монастыря; она впадаетъ въ Дунай. Вода въ этой рѣчкѣ такъ быстра, что вполнѣ оправдываетъ данное ей названіе. На берегу рѣки живетъ постоянно рыболовъ, который собственно для монастыря и ловитъ рыбу, называемую здѣсь ласташъ. Эта рыба видомъ похожа на нашу лососину; но вкусъ имѣетъ другой, особенный. Если ласташъ попадался крупный, напримѣръ, болѣе аршина, то о. Константинъ посылалъ его въ Яссы митрополиту.

На фоминой недѣлѣ встрѣтилась надобность о. Константину съѣздить въ Яссы. Я воспользовался этимъ случаемъ и извѣстилъ скопца Дубровина съ товарищами, чтобы сообщили мнѣ о Павельевѣ и выхлопотали другой паспортъ для проѣзда въ Россію черезъ австрійскія владѣнія. Спустя нѣсколько дней, о. Константинъ возвратился изъ Яссъ; привезъ мнѣ денегъ 330 червонцевъ (съ небольшимъ 4,000 рублей) и письма съ паспортомъ на проѣздъ Николаю Николаеву черезъ австрійскую границу въ предѣлы Россіи. Деньги 4,000 руб. были присланы на имя Дубровина однимъ моимъ пріятелемъ изъ Москвы, для передачи мнѣ; онѣ получены отъ купца Подсосова, у котораго я оставилъ передъ бѣгствомъ изъ дому 15,000 рублей. Дубровинъ писалъ, что Павельева въ Яссахъ нѣтъ; ему кто-то сказалъ, будто я нахожусь въ Бухарестѣ, и онъ уѣхалъ туда. Это извѣстіе для меня было какъ нельзя болѣе кстати. Немедленно мы собрались въ путь; 1-го мая распростились съ монастыремъ Пунгарацы и съ его добрымъ игуменомъ о. Константиномъ.

Переѣхавъ благополучно австрійскую границу, мы остановились въ городѣ Сычавѣ и прожили здѣсь около мѣсяца. Городъ не большой, но красивый и пріятный. Въ одной молдаванской церкви покоятся нетлѣнныя мощи Іоанна Сычавскаго. Недалеко отъ этого города находится извѣстное у нашихъ раскольниковъ селеніе Бѣлая Криница (по молдавански Фонтынъ-альба); тутъ живетъ старообрядческій митрополитъ, съ разрѣшенія австрійскаго правительства. Житье здѣсь раскольникамъ было привольное, льготное. — Изъ Сычавы мы поѣхали черезъ городъ Серетъ въ Черновицъ. Этотъ послѣдній городъ мнѣ былъ извѣстенъ по случаю моего пребыванія въ немъ въ прошломъ году. Здѣсь я узналъ отъ переводчика Ламиковскаго, что дѣло о моемъ арестованномъ розовомъ маслѣ, будто бы, поступило въ высшую инстанцію и скоро рѣшится въ мою пользу. Я былъ радъ и этому.

Изъ Черновицъ мы поѣхали Бессарабіею въ Могилевъ-на-Днѣстрѣ и черезъ Балту въ Одессу. Здѣсь я узналъ, что оставшійся послѣ шурина моего Ланина товаръ проданъ; деньги 7,100 руб. асс. положены въ Приказъ и получить ихъ можно только по истеченіи годичнаго срока публикаціи о вызовѣ кредиторовъ и наслѣдниковъ. Денегъ у меня оставалось мало, а полученіе ихъ въ скоромъ времени не предвидѣлось. Тутъ я вспомнилъ, что бѣжавшій изъ нашей Выѣздной слободы, лѣтъ 30 тому назадъ, крестьянинъ, дѣдушка жены моей, Марковъ, живетъ нынѣ въ Симферополѣ. Недолго думая, мы отправились туда. Ѣхали черезъ Николаевъ въ Херсонъ. Этотъ послѣдній городъ, по своему красивому виду и мѣстоположенію, мнѣ очень понравился; впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, онъ сдѣлался какъ бы второю моею родиной. Изъ Херсона отправились въ Бреславль, а отсюда въ Перекопъ и Симферополь. Здѣсь я скоро розыскалъ дѣдушку Маркова. Онъ былъ оченъ радъ нашему пріѣзду. Оказалось, что онъ зналъ исторію моего бѣгства изъ дому: трое крестьянъ изъ нашей слободы розыскивали меня въ Симферополѣ и распрашивали обо мнѣ самаго дѣдушку; разумѣется, онъ не могъ сообщить относительно меня никакихъ свѣдѣній. Я занялъ у дѣдушки 500 руб. асс. и выдалъ ему открытое письмо—получить эти деньги отъ моего московскаго пріятеля. Въ Симферополѣ мы прожили недѣли двѣ, и поѣхали опять въ Херсонъ. Здѣсь мы расположились перезимовать, въ виду того, что этотъ городъ стоитъ какъ будто въ сторонѣ и Павельевъ, мой неутомимый преслѣдователь, могъ сюда не заглянуть; при томъ же я ожидалъ денегъ отъ московскаго пріятеля и извѣстій изъ Яссъ отъ Дубровина. Наконецъ, изъ Херсона мнѣ удобно было слѣдить за дѣломъ моего шурина, производящимся въ Одессѣ. Въ Херсонѣ мы прожили спокойно и благополучно до весны слѣдующаго 1834-го года. Потомъ мы поѣхали въ Бессарабію, къ австрійской границѣ; но это путешествіе оказалось совершенно безполезнымъ; только въ одномъ селеніи мы чуть было не встрѣтились съ Павельевымъ, который проѣзжалъ изъ Черновца черезъ Кишиневъ въ Одессу. Изъ Бессарабіи мы отправились въ Лубны (Полтавской губерніи) на ярмарку. Тутъ я рѣшилъ ѣхать на Кавказъ. Накупилъ нѣкоторыхъ товаровъ, особенно кожевеннаго, и препроводилъ это съ прикащикомъ, при обозѣ довскихъ казаковъ, въ городъ Новочеркаскъ. Здѣсь купилъ я 1,000 бутылокъ черкасскаго вина и со всѣмъ товаромъ отправились на волахъ далѣе, до Ставрополя. Ѣхали степями; дорога была трудная; подвигались по ней медленно. Въ Ставрополѣ я выправилъ у губернатора паспортъ для проживанія на Кавказѣ. Затѣмъ, мы отправились черезъ Георгіевскъ въ Пятигорскъ, гдѣ я намѣревался пожить подольше, заняться торговлею, или вообще чѣмъ приведется. Еще далеко не доѣзжая до Георгіевска, мы увидѣли гору Биштау, а за нею—хребетъ Кавказскихъ горъ на подобіе облаковъ. Гора Биштау

была видна намъ на разстояніи слишкомъ 170-ти верстъ. Названіе ея—татарское и означаетъ пять горъ, т. е. 1) собственно Бяштау, 2) Верблюдъ, 3) Лысая, 4) Змѣева и 5) Машукъ, изъ которой вытекаютъ минеральныя горячія воды. Въ концѣ октября мѣсяца мы прибыли въ Пятигорскъ Я явился съ паспортомъ къ коменданту и полиціймейстеру, которые приняли меня вѣжливо и обласкали. Потомъ я нанялъ на базарѣ лавку съ квартирою, срокомъ на годъ. Перебрались мы въ это помѣщеніе и, съ разрѣшенія коменданта, начали помаленьку торговать.

Николай Шиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шипова.

1835—1836 гг. [1]).

Прошолъ годъ. Во все это время, ни слободское начальство, ни преслѣдователь мой Павельевъ, меня не тревожили, и я спокойно занимался торговлею: ѣздилъ въ Моздокъ и Кизляръ для покупки мѣстнаго вина, подъ именемъ чихиря, и, такъ называемой, кизлярской водки [2]), а также свѣжей рыбы шаманъ, которую солилъ и коптилъ по способу, употребляемому армянами; приготовлялъ «шишлыкъ» [3]); прочій же товаръ для лавки выписывалъ большею частію изъ Москвы. Торговля моя шла довольно успѣшно, такъ что я заявилъ уже желаніе приписаться въ пятигорскіе купцы и представилъ соотвѣтствующій капиталъ; но дѣло это почему-то затянулось въ Ставрополѣ, въ областномъ управленіи.

Благодаря моей торговлѣ, я познакомился со многими лицами и въ томъ числѣ съ сотникомъ донскаго полка Василіемъ Сухоруковымъ. Это былъ человѣкъ умный, ловкій, предпріимчивый и пользовался большимъ уваженіемъ. Онъ снималъ на Кавказѣ почтовыя станціи, бралъ казенные подряды и вообще пускался въ разныя коммерческія предпріятія. Вотъ, этотъ-то Сухоруковъ предложилъ мнѣ быть у него какъ бы коммисіонеромъ, съ жалованьемъ по 1,000 руб. асс. въ годъ, и кромѣ того, 2,000 руб. для тор-

---

[1]) См. „Русск. Ст.“ изд. 1881 г., т. XXXI, (май), стр. 133—148; (іюнь), стр. 221—240.

[2]) Чихирь, красный и бѣлый, обыкновенный, я покупалъ по 1 руб. 60 к. асс. за ведро, а водку по 5 руб. Чихирь старый, напримѣръ десятилѣтній, былъ несравненно дороже.

[3]) Это — жареная на вертелѣ баранина; „шишлыкъ изъ тюрятины“—значитъ: изъ мяса дикаго горскаго барана. Н. Ш.

говли по моей лавкѣ. Это предложеніе было какъ нельзя болѣе мнѣ по сердцу, и я согласился.—Въ это время объявлены были торги на казенные нефтяные колодцы, находящіеся въ горахъ близъ крѣпости Грозной. Сухоруковъ пожелалъ снять эти колодцы, и поручилъ мнѣ сначала съѣздить на торги въ Ставрополь, а потомъ на самые колодцы и заняться нефтянымъ дѣломъ. Это было въ началѣ 1836-го года. Для своей лавки я нанялъ прикащика и его, вмѣстѣ съ моею женою, оставилъ торговать, а самъ отправился исполнять приказанія Сухорукова.

На торгахъ, нефтяные колодцы остались за Сухоруковымъ, и я поѣхалъ въ Грозную крѣпость; здѣсь принялъ отъ полковника колодцы, распорядился съ рабочими по переливкѣ нефти изъ колодцевъ въ бочки и приказалъ отправить ее въ складъ на станцію Науръ, куда, чрезъ нѣсколько времени, прибылъ и я, для слѣдованія съ нефтью на ярмарки—въ Моздокъ, Екатериноградъ и Егорьевскъ. На этихъ трехъ ярмаркахъ мною продано было нефти довольно много и выгодно. Послѣ того я возвратился въ Пятигорскъ, съ отчетомъ Сухорукову, который остался мною доволенъ и просилъ меня найти мастера для выгонки изъ черной нефти бѣлой. Мастеръ скоро отыскался, и онъ принялся за дѣло при нефтяномъ складѣ въ станицѣ Науръ.

Спустя немного времени, именно въ маѣ мѣсяцѣ, Сухоруковъ послалъ меня въ разные южные города Россіи и на австрійскую границу для узнанія цѣнъ на бѣлую нефть, и для запродажи какъ ея, такъ и черной нефти. Ѣхалъ я на почтовыхъ черезъ знакомые мнѣ города—Ставрополь, Ростовъ-на-Дону, Таганрогъ, Херсонъ и Одессу; отсюда—на Скуляны и Каменецъ-Подольскъ, а потомъ черезъ Староконстантиновъ и Дубно въ Радзивиловъ. Здѣсь я нашолъ одного еврея-фактора и послалъ его съ пробной нефтью за австрійскую границу, въ мѣстечко Броды, развѣдать не требуется ли тамъ нефть? Между тѣмъ, я узналъ, что верстъ за 30 отсюда находится Почаевскій монастырь, съ явленною иконою Божіей Матери, извѣстной подъ именемъ почаевской. Недолго думая, поѣхалъ я въ Почаевъ. Монастырь стоитъ на горѣ, окруженъ большимъ лѣсомъ. Явленная икона Божіей Матери поставлена въ алтарѣ, за престоломъ; посреди храма находится камень, на которомъ, по преданію, Пресвятая Богородица стояла своими св. стопами. Изъ камня вытекаетъ каплями вода, которую собираютъ въ особый большой осудъ; при молебнахъ съ водосвятіемъ вливаютъ нѣсколько капель этой воды и роздаютъ богомольцамъ, чего удостоился и я.

Изъ монастыря я возвратился въ Радзивиловъ, и отъ еврея-фактора узналъ, что въ Бродахъ нефть никому не требуется. Тогда я отправился черезъ Кременчугъ въ Кіевъ, а отсюда на Роменскую ярмарку и въ Харьковъ; здѣсь продалъ нефти достаточное количество и прибылъ въ Ставрополь, гдѣ находился въ это время Сухоруковъ. Я отдалъ ему отчетъ о моей поѣздкѣ, послѣ чего онъ отправилъ меня покупать житную муку по пятигорскому округу,

для взятаго имъ казеннаго подряда. Скоро я прибылъ въ Пятигорскъ и черезъ три дня собрался ѣхать въ Кисловодскъ. Въ это время пришолъ ко мнѣ одинъ изъ хорошихъ моихъ знакомыхъ, бывшій полицейскій письмоводитель въ Пятигорскѣ, Кастыченко. Узнавъ отъ него, что онъ ѣдетъ въ Кисловодскъ, я попросилъ его купить тамъ ржаной муки, четвертей 200, такъ какъ самому мнѣ для такой малости ѣхать туда не хотѣлось: я расчитывалъ купить муку въ Егорьевскѣ и въ селеніяхъ по рѣкѣ Кумѣ. Кастыченко согласился. Я далъ ему 200 руб. на задатокъ и свою верховую лошадь черноморской породы. Послѣ этого мы разстались, и я отправился на Куму. Купивъ значительное количество муки въ селеніяхъ, я прибылъ въ Егорьевскъ, гдѣ услыхалъ, что нѣсколько дней тому назадъ (дѣло было въ половинѣ октября мѣсяца) на Кисловодскъ напали ночью черкесы, казаковъ на посту порубили, разграбили и сожгли станицу; нѣсколько человѣкъ взяли въ плѣнъ. Этотъ слухъ сильно поразилъ меня и встревожилъ: что сталось съ Кастыченкомъ? Вѣдь такъ возможно было мнѣ самому быть на его мѣстѣ!—Я немедленно поѣхалъ въ Пятигорскъ, а отсюда въ Кисловодскъ; здѣсь узналъ, что слухъ о набѣгѣ сюда черкесовъ былъ справедливъ, Кастыченку съ моею лошадью черкесы увели въ плѣнъ. И то сказать: набѣги разныхъ горскихъ хищниковъ на мирныхъ жителей въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣ годы случались нерѣдко.

Въ это время Сухоруковъ получилъ изъ Тифлиса, отъ почтъ-инспектора Клемента, письмо съ извѣстіемъ—не желаетъ ли онъ принять участія въ торгахъ на снятіе почтовыхъ станцій во всей Грузіи. Сухоруковъ призвалъ меня и сказалъ, чтобы я ѣхалъ въ Тифлисъ на торги, но не для того, чтобы дѣйствительно снять станціи, а съ тою цѣлію: не удастся ли мнѣ взять съ почтъ-содержателей сколько нибудь денегъ въ его пользу? Эта задача была для меня трудная, да и дорога предстояла неизвѣстная для меня, а главное—опасная. Однако раздумывать мнѣ было некогда: Сухоруковъ торопилъ меня отъѣздомъ. Я взялъ денегъ у Сухорукова, простился съ женою и сыномъ и 17 октября отправился въ путь по эстафету. На закатѣ солнца я пріѣхалъ въ Екатериноградъ. Такъ какъ у меня было рекомендательное письмо отъ Сухорукова къ тамошнему почтмейстеру, то онъ немедленно далъ для меня верховую лошадь и вытребовалъ въ провожатые мнѣ десять казаковъ съ урядникомъ и столько же солдатъ съ унтеръ офицеромъ,—это для безопасности отъ нападенія ночныхъ хищниковъ. Съ такимъ конвоемъ я отправился. Переѣхали рѣку Малку черезъ мостъ. Ночь была лунная, ясная; звѣзды сверкали, какъ бриллианты; тутъ и тамъ возвышались серебристыя исполинскія горы, между которыми рѣзко выдѣлялись Казбекъ и величественный Эльбрусъ. Въ лѣвой сторонѣ шумѣлъ бурливый Терекъ. Мы ѣхали тихо, молча, прислушиваясь къ каждому шороху, или малѣйшему звуку. Я невольно предался своимъ думамъ, думамъ грустнымъ. Что дѣлается на моей

дорогой родинѣ, тамъ, гдѣ протекаетъ Волга многоводная, гдѣ раскинулись уральскія степи привольныя? И гдѣ я теперь влачу жизнь мою? Въ Кавказскихъ горахъ, въ опасности отъ хищниковъ, ежеминутно ожидая смерти.... О, свобода, свобода! Гдѣ тѣ люди счастливые, подъ какою планетою родились, которые не видѣли и не видятъ никакого гоненія, никакого стѣсненія? Живутъ они по своей вольной волюшкѣ и ничего не боятся. А я?... Мнѣ постоянно, во снѣ и на яву, представляется, что меня преслѣдуютъ, — въ темницу сажаютъ, деньги мои отбираютъ, жену съ сыномъ и дочерью со мною разлучаютъ, въ домѣ моемъ повелѣваютъ и все по своему распоряжаютъ; изъ отчизны милой въ изгнаніе посылаютъ и на прахъ родителей пролить слезы не допускаютъ.... Незабвенный родитель! Встань и посмотри на сына своего, тобою столь много любимаго. Что съ нимъ?... Вотъ—вотъ набѣгъ хищниковъ,—и разрубятъ меня горцы своими острыми шашками; тогда окровавленный трупъ мой не будетъ лежать возлѣ твоего милаго праха и никто не придетъ оросить родными слезами мою одинокую дальную могилу. Развѣ только какой-нибудь проѣзжій путникъ, подобно мнѣ, увидитъ мой бугорокъ могилки и скажетъ: „вотъ здѣсь лежитъ, вѣрно, какой-нибудь несчастный, убитый хищниками“.—Тяжело и грустно мнѣ было; слезы невольно катились изъ глазъ.... Тутъ унтеръ-офицеръ прервалъ мои размышленія, начавъ разсказывать, что дня четыре назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, хищники убили одного ротнаго писаря и ямщика, ѣхавшихъ изъ Ардона въ Екатериноградъ. Я сказалъ унтеръ-офицеру:

—Можетъ быть и намъ будетъ такая же участь?

— Да,—отвѣчалъ онъ,— если набѣжитъ на насъ большая шайка горцевъ.— Я струсилъ не нашутку. Однако, чрезъ нѣсколько времени, мы прибыли благополучно въ укрѣпленіе Ардонъ. Здѣсь мнѣ тоже дали конвой изъ 12-ти казаковъ, и я поѣхалъ далѣе. На разсвѣтѣ прибыли въ укрѣпленіе Манаретъ. Тутъ я немного отдохнулъ, подкрѣпилъ себя въ духанѣ пищею и опять-таки съ казаками отправился до слѣдующей станицы. Такъ я доѣхалъ до Владикавказа. Отсюда опасности отъ горцевъ не предвидѣлось, и потому мнѣ посовѣтывали взять съ собою только одного казака. Отправились мы, переплыли шумный Терекъ на пловучемъ мостѣ и въѣхали въ самыя горы кавказскія. Дорога непримѣтно повышалась, то извиваясь узкой полосой по берегу Терека, то пролегая между страшныхъ каменистыхъ утесовъ, нависшихъ надъ головою путешественника. Съ непривычки кажется, что эти утесы вотъ—вотъ сей часъ обрушатся: страшно становится, сердце сильно бьется и творишь молитву, желая одного—какъ бы поскорѣе миновать эту скалистую дорогу. Доѣхали до селенія Казбекъ, расположеннаго близь горы этого названія, которая возвышалась надъ селеніемъ нѣсколько верстъ; на вершинахъ горы висѣли огромные сугробы снѣговъ, какъ-бы готовыхъ обрушиться и задавить это небольшое селеніе. Отсюда я поѣхалъ уже въ повозкѣ, на

тройкѣ лошадей. Тутъ дорога измѣнилась къ лучшему, только немного. Со ставціи Пасанауръ она стала замѣтно скатистою съ горъ на обширную равнину, до самаго города Тифлиса. Съ лѣвой стороны стояли высокіе утесы, а съ правой—страшные обрывы съ долинами внизу, гдѣ замѣтны были селенія, пасущійся скотъ и люди. Все это казалось столь малымъ, какъ маленькія дѣтскія игрушки. По мѣстамъ, дорога была такъ узка, что мы съ трудомъ проѣзжали по ней; я обыкновенно вылезалъ изъ повозки, такъ какъ упасть ей въ обрывъ было очень легко. Но вотъ мы спустились на станцію Ананауръ, дорога стала не такъ крута и мы поѣхали рысью до города Душетъ, а отсюда прямо въ Тифлисъ.

Нимало не медля, я отправился къ почтъ-инспектору Клементу и подалъ ему письмо отъ Сухорукова. Онъ принялъ меня радушно, видимо былъ радъ, что Сухоруковъ прислалъ меня для снятія почтовыхъ станцій въ Грузіи и, между прочимъ разговоромъ, серьозно спросилъ меня: дѣйствительно ли найдутся у Сухорукова лошади, если станціи останутся за нимъ, и можетъ ли онъ содержать ихъ? Я, помня приказъ Сухорукова, отвѣчалъ на это утвердительно. Тогда Клементъ обѣщался сдѣлать для меня все, отъ него зависѣвшее.

Между тѣмъ, съѣхались въ Тифлисъ почтъ-содержатели, повидались съ Клементомъ и узнали отъ него, что я, какъ повѣренный Сухорукова, пріѣхалъ съ непремѣннымъ намѣреніемъ снять всѣ станціи въ Грузіи. Они желали переговорить со мной и для свиданія назначили домъ одного почтъ-содержателя. Клементъ, сообщивъ мнѣ объ этомъ, выразилъ мысль, что еслибы почтъ-содержатели предложили мнѣ порядочную сумму денегъ, то можно бы торги оставить и безъ хлопотъ возвратиться къ Сухорукову. Я это замоталъ себѣ на усъ и въ назначенный день, вечеромъ, отправился на свиданіе съ почтъ-содержателями. Меня попросили въ большую залу, гдѣ были армяне, грузины, татары—человѣкъ 30. Я раскланялся и мнѣ предложили сѣсть на диванъ. Тутъ находились какіе-то князья, другіе—съ золотыми и серебряными медалями,—словомъ—все лица важныя, представительныя. Нѣкоторые изъ нихъ знали Сухорукова лично, спрашивали объ его здоровьи, дѣлахъ, и потомъ повели разговоръ на счетъ предстоящихъ торговъ. Я имъ рѣшительно заявилъ, что пріѣхалъ снять станціи, такъ какъ у Сухорукова лошадей много и онъ ни въ чемъ не нуждается. Подали чай, затѣмъ ромъ. Я сказалъ, что крѣпкихъ напитковъ не пью. Всѣ очень этому удивились и высказали: не можетъ быть, чтобы русскій ничего не пилъ. Потомъ, разными намеками стали говорить мнѣ, чтобы я не вмѣшивался въ торги, за что предлагали денежную благодарность. На это я сказалъ:—если вы хотите, чтобы я не мѣшалъ вамъ на торгахъ, то дайте мнѣ 10,000 руб. сереб. Они положительнаго ничего не говорили и стали угощать меня разными европейскими винами, закусками и наконецъ шампанскимъ. Уви-

дѣвъ, что я упорно отказываюсь отъ ихъ угощенія, перепились сами и съ тѣмъ всѣ разъѣхались.

На другой день явился я къ Клементу и разсказывалъ, что было на свиданіи съ почтъ-содержателями. Онъ похвалилъ меня и сказалъ:

— Теперь я буду дѣлать все въ пользу Сухорукова и на то употреблю всѣ свои силы. Если скоро онъ не вышлетъ тебѣ денегъ, то я могу дать тебѣ своихъ тысячъ до десяти; на нихъ ты пока будешь покупать здѣсь ячмень, сѣно и саманъ (ячменную солому). Только вотъ что: скажи мнѣ откровенно—сдержитъ ли Сухоруковъ станціи? Вѣдь къ 1-му января (1837 г.) надобно выставить на всѣ ставціи 360 троекъ лошадей и 360 русскихъ ямщиковъ. Если онъ этого не сдѣлаетъ,—что я тогда скажу барону Розену? [1]) Вѣдь я подвергнусь большой непріятности и даже могу попасть подъ судъ.

Я, видя такія добросердечныя чувствованія и расположеніе Клемента къ Сухорукову, затруднялся въ своихъ мысляхъ. Знаю, что Сухоруковъ послалъ меня только съ обманомъ; но придется ли мнѣ взять что-нибудь съ почтъ-содержателей—неизвѣстно. А завтра торги; время коротко. Я сказалъ Клементу:

— Василій Михайловичъ! Я вижу ваши добрыя намѣренія. Но если и вамъ скажу всю правду и Сухоруковъ о томъ узнаетъ, вѣдь мнѣ будетъ бѣда.

— Не безпокойся,—живо возразилъ мнѣ Клементъ; я буду защищать тебя отъ нападокъ Сухорукова.

Тогда я признался Клементу, что у Сухорукова нѣтъ ни денегъ, ни лошадей и что онъ вовсе не намѣренъ снимать станціи. Клементъ остался этимъ очень доволенъ, велѣлъ мнѣ явиться на торги только для проформы и обѣщался взять что-нибудь съ почтъ-содержателей въ мою пользу.

На другой день состоялись торги, но баронъ Розенъ ихъ не утвердилъ и отдалъ всѣ почтовыя станціи въ Грузіи своему любимцу, грузинскому купцу Зубалову, впрочемъ съ большою уступкою въ пользу казны.

Въ Тифлисѣ я прожилъ до половины ноября мѣсяца. Денегъ у меня оставалось мало, а Сухоруковъ не присылаетъ. Тогда Клементъ далъ мнѣ денегъ на путевыя издержки, и скоро я оставилъ Тифлисъ. Въ дорогѣ пришлось пробыть довольно долго, потому что близъ Екатериноограда я просидѣлъ 14 дней въ карантинѣ. По прибытіи въ Пятигорскъ, явился къ Сухорукову и отдалъ справедливый отчетъ о своей поѣздкѣ. Сухоруковъ на этотъ разъ худаго мнѣ ничего не сказалъ; но скоро обнаружились его худые противъ меня замыслы.

---

[1]) Баронъ Розенъ былъ въ это время главнокомандующимъ въ Грузіи. Н. Ш.

1837—1841 гг.

Въ январѣ мѣсяцѣ стали доходить до меня слухи, что Сухоруковъ велъ переписку съ своими тифлисскими пріятелями относительно того: не взялъ ли я сколько нибудь денегъ съ почтъ-содержателей, будучи на торгахъ въ Тифлисѣ? Пока слухи эти ничѣмъ не подтверждались. Но вотъ въ половинѣ апрѣля Сухоруковъ призвалъ меня къ себѣ на квартиру и сказалъ, что я получилъ отъ почтъ-содержателей 4,000 руб. асс. При этомъ онъ подалъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ отставнаго полковника Городинскаго. Разумѣется, я утверждалъ, что Городинскій написалъ обо мнѣ неправду. Тогда Сухоруковъ предложилъ мнѣ сдѣлать сейчасъ же слѣдующее: написать женѣ моей письмо, что, будто-бы, я уѣхалъ по дѣлу Сухорукова въ Егорьевскъ и чтобы она прислала мнѣ деньги съ подателемъ письма—нашимъ общимъ знакомымъ, прапорщикомъ Гловацкимъ. Ничего не подозрѣвая, я исполнилъ это требованіе Сухорукова, и Гловацкій отправился съ письмомъ къ женѣ. Чрезъ нѣсколько времени онъ возвратился и въ другой комнатѣ о чемъ-то переговорилъ съ Сухоруковымъ. Послѣ этого Сухоруковъ вышелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ну, Николай Николаевичъ, вѣрно правда, что Городинскій навралъ про васъ, потому что у вашей жены не оказалось никакихъ денегъ.—Я это и безъ того зналъ.

Мы съ Сухоруковымъ разстались друзьями.—Когда я пришолъ домой, то жена моя не мало дивилась происшедшему и разсказала, что такъ какъ у нея денегъ не было, то она пошла къ одному знакомому занять денегъ, а Гловацкаго просила подождать ее; но знакомаго не застала дома и вернулась ни съ чѣмъ. Послѣ того Гловацкій ушолъ. Я посмотрѣлъ въ столовый ящикъ, гдѣ обыкновенно хранились у меня разныя бумаги и документы: многихъ изъ этихъ бумагъ, особенно касающихся Сухорукова, не оказалось; пропалъ также и лежавшій тутъ же бриліантовый перстень. Тогда я понялъ продѣлку со мною Сухорукова и Гловацкаго. На другой день мною подана была объ этомъ жалоба коменданту Симборскому, съ цѣлію оградить себя отъ происковъ и притѣсненій Сухорукова. Но послѣ я каялся, что подалъ эту жалобу. Дѣло въ томъ, что Сухоруковъ, узнавъ о моей жалобѣ, сильно на меня разгнѣвался и рѣшился во чтобы-то ни стало сдѣлать мнѣ зло. Начальникъ Кисловодской линіи, баронъ Ганъ, храбрый воинъ и человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ почтенный, былъ коротко знакомъ съ Сухоруковымъ. Послѣдній упросилъ Гана послать тому же коменданту Симборскому такую бумагу, что, будто бы, пойманы двое хищниковъ, при коихъ найдено 10 фунтовъ пороху, и они показали, что порохъ этотъ куп-

ленъ имъ у меня въ лавкѣ, гдѣ его имѣется достаточное количество, и что, поэтому, слѣдуетъ сдѣлать у меня въ квартирѣ и въ лавкѣ надлежащій обыскъ, а затѣмъ—отдать меня подъ судъ. Въ одинъ несчастный день неожиданно явились ко мнѣ комендантъ, полиціймейстеръ и стряпчій съ понятыми для обыска. Однако пороху не нашли. Спросили хозяина моей квартиры и сосѣдей о продажѣ мною пороху, но тѣ сказали, что ничего подобнаго не видали и не слыхали. Тѣмъ дѣло и кончилось. Тогда Сухоруковъ воспользовался такимъ случаемъ. Мои родственники и знакомые адресовали свои письма на имя Сухорукова, съ передачею мнѣ. Сухоруковъ сталъ предварительно прочитывать присылаемыя мнѣ письма. Однажды онъ получилъ изъ Одессы письмо отъ Кожевникова, который писалъ мнѣ, что преслѣдователь его и мой—крестьянинъ Павельевъ—находится въ Одессѣ и что ему, Кожевникову, вѣрно, не укрыться отъ него и быть въ острогѣ; поэтому Кожевниковъ, просилъ меня, чтобы я выслалъ ему денегъ, за что онъ не скажетъ Павельеву о моемъ мѣстопребываніи. Сухоруковъ представилъ это письмо полиціймейстеру и меня посадили подъ арестъ при полиціи. Прошло недѣли три, и я упросилъ письмоводителя, чтобы мнѣ дозволено было хоть изрѣдка навѣщать свое семейство. Тутъ я узналъ, что Сухоруковъ подалъ на меня въ полицію заявленіе, будто я долженъ ему 500 руб. асс. и просилъ описать мое имущество. Это было исполнено, лавка запечатана; должники по лавкѣ отказались платить мнѣ. Наконецъ, Сухоруковъ добился того, что меня съ женою и сыномъ отправили по этапу изъ Пятигорска въ Ставрополь. Здѣсь препроводили меня изъ полиціи въ острогъ, а жену—въ женскую тюрьму. Это было 1-го августа.

Меня помѣстили въ казармѣ, на дверяхъ которой висѣла доска съ надписью: «за бродяжничество». Началась для меня невыразимо горькая жизнь, столь горькая, что и теперь, при воспоминаніи о ней, изъ моихъ глазъ катятся невольныя слезы..... Но буду продолжать разсказъ.

Прошолъ мѣсяцъ. Жену мою выпустили изъ тюрьмы на поручительство. Изрѣдка она съ сыномъ навѣщала меня; но мнѣ отъ этого было не легче. Она поступила работницей къ одному купцу, да притомъ же ходила послѣдніе дни беременности. Я ничего не могъ сдѣлать къ облегченію ея горькой участи. Впрочемъ, 4-хъ лѣтняго сына нашего взялъ къ себѣ въ острогъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ прошелъ слухъ, проникшій и въ нашу камеру, что проѣздомъ изъ Грузіи скоро будетъ въ Ставрополѣ Императоръ Николай Павловичъ и посѣтитъ острогъ. Всѣ арестанты пришли въ движеніе, и хотя намъ было объявлено, чтобы мы не смѣли безпокоить государя ни письменными, ни словесными просьбами; однако многіе запаслись прошеніями, надѣясь подать ихъ лично государю. Я также рѣшился сказать незабвенному монарху о злоупотребленіяхъ на Кавказской линіи, въ той увѣренности,

что онъ окажетъ мнѣ какую-либо милость. Въ день пріѣзда государя, съ ранняго утра все начальство острога было на ногахъ. Вездѣ чистили, выметали соръ, полы усыпали пескомъ. Арестантамъ выдали по новому полушубку; наварили говядины и каши, словомъ, для насъ наступилъ настоящій праздникъ. Въ 12 часовъ пріѣхалъ государь. Я всталъ у самой двери нашей казармы. Лишь только отворилась эта дверь и я увидѣлъ государя, какъ тотчасъ же палъ на колѣна и произнесъ: «ваше императорское величество!» Но въ тужъ минуту дверь затворилась; государь не вошелъ въ нашу казарму. Такъ я и остался влачить жизнь свою по прежнему.

Въ сосѣдней съ нашей казармѣ посажены были раскольники, человѣкъ 35. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я познакомился и они разсказали мнѣ про себя слѣдующую исторію. Всѣ они государственные крестьяне селенія Михайловки, отстоящей 15 верстъ отъ Ставрополя. Они были люди зажиточные, трудолюбивые. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ пришло на умъ развѣдать: какая на Руси вѣра правая, истинная? Съ этой цѣлію они отправили въ Москву, въ разные другіе города и мѣста двоихъ стариковъ. Когда старики возвратились домой, то разсказали, что лучшей вѣры, какъ старая поморская, не было и нѣтъ; такъ говорили и въ Москвѣ, и на Унжѣ, и вездѣ. Тогда михайловцы избрали себѣ наставника, по имени Гавриила, начали жить по этой старой вѣрѣ и никто ихъ не тревожилъ. Въ началѣ прошлаго (1836) года пришолъ въ Михайловку какой-то странникъ, по фамиліи Липатовъ, и попросился у одного крестьянина пожить немного времени. Тотъ согласился. Скоро старообрядцы узнали о новоприбывшемъ странникѣ, стали навѣщать его и слушать его рѣчи «отъ книжнаго писанія». Липатовъ говорилъ: въ словѣ Божіемъ сказано: «если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе свое, и роздай нищимъ, и слѣдуй за Мною» [1]). Поэтому слушатели должны были оставить дома свои съ имуществомъ и бѣжать въ горы далѣе немирныхъ черкесовъ, въ мѣста пустынныя и безлюдныя, и тамъ поселиться. На дорогу слѣдовало взять съ собою только самое необходимое. Если бы они пошли, то онъ, Липатовъ, всѣхъ ихъ перекреститъ, но именъ имъ не перемѣнитъ, и будетъ во всемъ ихъ главнымъ наставникомъ и руководителемъ; они станутъ называться братьями, а жены ихъ сестрами. Еслибы на дорогѣ, или гдѣ либо, они попались и ихъ стали бы обращать назадъ въ дома свои, то они не ходили бы и обличали антихриста. Такое ученіе Липатова прельстило михайловцевъ и они рѣшились ему послѣдовать. Исподволь, понемногу они распродали скотъ, хлѣбъ и другое имѣніе, а въ ночь на свѣтлое Христово воскресенье (1837 г.) на нѣсколькихъ повозкахъ выѣхали изъ своего селенія. Отъѣхавъ верстъ 40, остановились близь какой-то рѣчки кормить лошадей. Тутъ Липатовъ всѣхъ ихъ

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. XIX, стихъ 21; отъ Луки, гл. XVIII, ст. 22.

перекрестилъ и они стали называться «братьями», а жены ихъ «сестрами». Прибыли на Кубань, гдѣ были разставлены казачьи посты изъ линейныхъ казаковъ. Эти казаки оказались тоже какіе-то старообрядцы, и михайловцы скоро сторговались съ ними, чтобы они пропустили ихъ за Кубань, да кстати нашли имъ одного черкеса въ провожатые. Ночью наши странники переправились черезъ Кубань и вожакъ повелъ ихъ далѣе въ горы. День провели въ лѣсу, а ночью вожакъ опять повелъ ихъ; но чрезъ нѣсколько времени скрылся, и они остались одни въ совершенно незнакомой имъ мѣстности. На разсвѣтѣ, не вдалекѣ отъ себя они увидѣли черкесскую деревню. Вошли въ большой лѣсъ и расположились тутъ передневать. Изъ деревни (она оказалась мирныхъ черкесовъ) вышелъ одинъ черкесъ въ лѣсъ осмотрѣть капканы, разставленные для ловли дикихъ козъ и оленей; онъ замѣтилъ таборъ михайловцевъ и далъ знать объ этомъ начальнику своей деревни — офицеру русской службы изъ черкесовъ. Офицеръ, съ вооруженными черкесами, немедленно прибылъ къ странникамъ и началъ ихъ распрашивать: кто они, куда идутъ и проч.; но въ отвѣтъ получалъ только грубости и бранныя слова. Тогда офицеръ приказалъ гнать ихъ въ станицу, гдѣ находился полковой штабъ. Полковникъ вышелъ къ старообрядцамъ и спросилъ: «кто у васъ начальникъ?»—«Я»,—отвѣчалъ Липатовъ и началъ говорить разныя грубости. Полковникъ тутъ же приказалъ дать ему 200 ударовъ казацкой плетью. Липатовъ подъ этими жестокими ударами не стоналъ, не охалъ, а произносилъ только слова: «братцы мои! помолитесь за меня грѣшнаго». Товарищи его стояли на колѣняхъ и молились на востокъ. По окончаніи экзекуціи, Липатовъ всталъ, повернулся лицомъ къ востоку, перекрестился и сказалъ: «слава тебѣ, Господи, что снялъ съ меня всю нечисть». Полковнику не понравились эти слова и онъ приказалъ дать Липатову еще 70 ударовъ, послѣ чего онъ уже не могъ встать: его подняли товарищи. Послѣ Липатова наказанъ былъ еще Гаврило 80-ю ударами. Потомъ, на другой день всѣхъ ихъ погнали въ Ставрополь. Здѣсь имъ были разные допросы; ходили къ нимъ священники, уговаривали, увѣщевали; но толку отъ всего этого выходило мало. Впрочемъ, человѣкъ десять изъ нихъ возвратились въ свои дома, а остальные были посажены въ этотъ острогъ, гдѣ и я влачилъ съ ними свою горестную жизнь.—Наставникъ ихъ Липатовъ содержался отъ нихъ особо, на гауптвахтѣ, въ тяжелыхъ кандалахъ; онъ приходилъ только въ острожную баню, гдѣ видѣлся съ своими товарищами и говорилъ съ ними. Я видѣлъ этого наставника. Онъ былъ роста средняго, широкоплечій и, казалось мнѣ, очень не глупъ. Впослѣдствіи, нѣкоторые изъ этихъ старообрядцевъ скоро померли, другіе возвратились въ свои дома, человѣкъ 15 сослано было въ Сибирь, а иные отданы въ солдаты.

Въ концѣ этого (1837) года начали собирать обо мнѣ справки изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ я получалъ заграничные паспорты. Вѣроятно, благодаря этому

обстоятельству, сыщикъ мой Павельевъ въ Бессарабіи, въ Одессѣ, или въ какомъ другомъ мѣстѣ узналъ, что я содержусь въ ставропольскомъ острогѣ и пріѣхалъ въ Ставрополь. Свиданіе мое съ нимъ было непродолжительно, но крайне непріятно и тяжело для меня. Павельевъ говорилъ мнѣ, чтобы я возвратился домой въ Выѣздную слободу и помѣщикъ меня проститъ. Я отвѣчалъ, что такъ какъ теперь дѣло пошло по суду, то пусть судъ и разсудитъ насъ; я лучше буду жить въ Сибири, а къ помѣщику не пойду. Тѣмъ разговоръ нашъ и кончился.

Прошло болѣе года. Въ это время Губернскимъ Правленіемъ собраны были обо мнѣ справки изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и дѣло мое поступило на разсмотрѣніе Уѣзднаго Суда, а отсюда, какъ я слышалъ, скоро должно было перейти въ Уголовную Палату, и, благодаря ходатайству за меня генерала Реброва, оно должно было рѣшиться, наконецъ, въ мою пользу. Такъ я ожидалъ и надѣялся.

Но не дремали и мои недруги. Не припомню, въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ 1839 года, въ Ставрополѣ получено было изъ арзамасскаго Уѣзднаго Суда отношеніе, коимъ требовалось, чтобы я высланъ былъ въ Арзамасъ, на мою родину, для очныхъ ставокъ съ крестьяниномъ Кожевниковымъ, который содержался въ арзамасскомъ острогѣ. (Вѣроятно, все это сдѣлалось по происканіямъ и домогательствамъ Тархова съ Рагузинымъ). 19-го апрѣля меня съ женою и сыномъ отправили по этапу изъ Ставрополя на родину. Здѣсь посадили меня въ арзамасскій острогъ, обрили мнѣ половину головы и бороды и заковали въ кандалы, — а жена моя съ сыномъ, по распоряженію Тархова, была отправлена на жительство въ село Ларіоново (100 верстъ отъ Арзамаса), гдѣ жилъ управляющій Рагузинъ и гдѣ находилась моя дочь.—Скоро родные, знакомые и слободскіе крестьяне узнали о моемъ печальномъ прибытіи и положеніи; хотя всѣмъ имъ запрещено было навѣщать меня, но это не всегда соблюдалось. Поэтому жить мнѣ въ острогѣ было не особенно тяжко; я собралъ даже съ прежнихъ моихъ должниковъ порядочно денегъ, благодаря которымъ въ октябрѣ мѣсяцѣ и выпущенъ былъ изъ острога на поручительство.

Я поселился у дядя своего Феоктистова; ко мнѣ пріѣхала жена съ сыномъ [1]). Въ декабрѣ мѣсяцѣ родилась у меня еще дочь, и я, въ память освобожденія моего изъ острога на поруки, 10-го октября, назвалъ ее Евлампіей. Сынъ началъ учиться грамотѣ. Мы стали жить не совсѣмъ худо, особенно по сравненію съ только что пережитымъ временемъ.

Не прошло и полгода, какъ стали доходить до меня слухи, что Тарховъ, по приказанію Рагузина, хлопочетъ и домогается, чтобы вновь посадить меня въ острогъ. Дѣйствительно, 30-го іюля 1840 года, я призванъ былъ

---

[1]) Взять къ себѣ мою дочь Рагузинъ мнѣ не позволилъ. Н. Ш.

въ Уѣздный Судъ, гдѣ судья прочелъ мнѣ указъ изъ Нижегородской Уголовной Палаты о заключеніи меня вновь въ арзамасскій острогъ. Дѣлать нечего: пришлось покориться необходимости.

Между тѣмъ, дѣло мое разсматривалось въ Уѣздномъ Судѣ, который рѣшилъ: по наказаніи, сослать меня въ Сибирь. Уголовная Палата это рѣшеніе утвердила. Но Сенатъ, согласно ходатайству Нижегородскаго губернатора Панова, опредѣлилъ: водворить меня къ помѣщику.

5-го ноября 1841 года я былъ выпущенъ изъ острога.

1842—1844 гг.

Въ январѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ нашу слободу главноуправляющій Рагузинъ и я упросилъ его выдать мнѣ полугодовой паспортъ на случай кудабы то ни было моей поѣздки изъ дому. Я постарался собрать съ прежнихъ своихъ должниковъ кое-какія деньги, до 1000 рублей; получилъ отъ Тархова полугодовой паспортъ и 15-го мая выѣхалъ въ Москву. Здѣсь отыскалъ я жену моего покойнаго друга, у котораго нѣкогда мною оставлены были деньги и часть имущества. Эта женщина оказалась уже вышедшею за мужъ; она сказала мнѣ, что не знаетъ никакихъ денегъ и имущества, которыя я, будто бы, оставилъ у нихъ, и въ завѣщаніи покойнаго объ этомъ ничего не сказано. Я прослезился, и съ тѣмъ ушолъ отъ нея.—Въ Москвѣ нашлись нѣкоторые старые мои пріятели, сдѣлали мнѣ посильное денежное пособіе и я отправился черезъ Коренную ярмарку въ Херсонъ. Здѣсь служилъ двоюродный братъ мой военнымъ писаремъ у коменданта; онъ переведенъ былъ сюда изъ Брестъ-Литовска. Съ этимъ братомъ я не видался болѣе 11-ти лѣтъ. Какая радость у насъ была при свиданіи!... Хотя онъ былъ и солдатомъ, но дышалъ свободно; за вѣрную и добросовѣстную службу его любили начальники и давали препорученія, какія выпадаютъ на долю не всякаго. А я все еще находился подъ бременемъ своихъ гонителей и влачилъ жизнь свою, какъ въ полѣ былинка, засохшая отъ бездожія. И за что же? За то единственно, что я желалъ вольности до послѣдняго моего издыханія; искалъ не чести, славы и богатства, а только независимости себѣ и моему потомству отъ жестокосердаго помѣщика. Но мнѣ предлежало еще много перенести горя и лишеній, пока не пробилъ для меня вожделенный часъ.....

Въ Херсонѣ у брата я пробылъ недѣли двѣ; потомъ поѣхалъ на Одессу, а отсюда черезъ Тирасполь въ Кишиневъ. Тутъ я случайно узналъ, что, упоминаемый мною прежде, Годуновъ имѣлъ здѣсь собственный домъ, неправедными дѣлами воздвигнутый. Теперь мнѣ нечего было страшиться, какъ прежде, когда онъ вмѣстѣ съ Павельевымъ розыскивалъ меня въ Яс-

сахъ. Поэтому, я пошолъ къ нему. Онъ зналъ меня только по портрету, бывшему въ то время у Павельева. Придя къ Годунову, я сказалъ:

— Когда-то, вы съ Павельевымъ задорого желали посмотрѣть на Шипова. Теперь можете даромъ его видѣть и не стараться его розыскивать. Я—Шиповъ.

Годуновъ, повидимому, обрадовался мнѣ и просилъ меня остановиться у него въ домѣ. Я согласился. Въ разговорахъ мы припоминали прошлыя обстоятельства моей жизни, въ которыхъ Годуновъ принималъ столь непріятное для меня участіе. Между прочимъ, я узналъ отъ него, что покойный шуринъ мой Ланинъ оставилъ часть нашихъ денегъ и имѣнія у одного кишиневскаго купца. Эти деньги и вещи отданы были въ полицію; но мнѣ получить ихъ не привелось: сказывали, что всѣ онѣ были раскрадены.

Изъ Кишинева я отправился въ Яссы. Здѣсь я получилъ отъ кума моего, скопца Чукова, часть своихъ денегъ, золотыя вещи и жемчугъ. Вещи эти я распродалъ и думалъ было заняться въ Яссахъ какою либо торговлею. Но это показалось мнѣ неудобнымъ потому, что мое слободское начальство опять могло приняться меня розыскивать, и тогда ужъ мнѣ не сдобровать. Я распростился съ Чуковымъ и возвратился въ Кишиневъ, гдѣ случайно узналъ, что одна купчиха сдаетъ въ наемъ свой клейный заводъ съ шерстяною мойкою, стоящій на рѣкѣ Бычкѣ. Мнѣ показалось это дѣло выгоднымъ и я снялъ этотъ заводъ на три года съ тѣмъ, чтобы вступить въ него 18-го февраля слѣдующаго 1843 года. Задатокъ, матеріалъ для выгонки клею и проч.,—все это стоило мнѣ 1,200 рублей.

12-го декабря я возвратился на родину. Рагузинъ былъ въ это время въ Петербургѣ. Я пришелъ къ Тархову и объяснилъ, что выгодно снялъ въ Кишиневѣ клейный заводъ, употребивъ на то почти всѣ свои деньги, и просилъ его дать мнѣ паспортъ. Тарховъ снесся объ этомъ съ Рагузинымъ, который чрезъ нѣсколько времени писалъ ему, что помѣщикъ не приказалъ выдавать мнѣ болѣе паспорта. Тогда, жалѣя, чтобы деньги мои не пропали, я, въ началѣ 1843 года, нанялъ въ Арзамасѣ мастера, прикащика съ работникомъ и отправилъ ихъ на заводъ въ Кишиневъ. Однако, безъ меня они ничего не могли тамъ сдѣлать и возвратились ко мнѣ ни съ чѣмъ. Такъ погибло для меня это предпріятіе, а вмѣстѣ съ нимъ—и послѣдняя надежда поправить свои денежныя обстоятельства.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1843 года начали свататъ мою дочь женихи—изъ хорошихъ и богатыхъ домовъ, съ тѣмъ, чтобы отдать за нею въ приданое мой домъ, на что я былъ согласенъ; но отъ помѣщика разрѣшенія на это не послѣдовало. Видя, что зажиточные люди дочь мою не возьмутъ замужъ, я рѣшился выдать ее за одного небогатаго слободскаго крестьянина — Пу-

закова, по ремеслу сапожника [1]). Свадьба у насъ была самая бѣдная, и скоро молодые уѣхали въ Нижній-Новгородъ, на ярмарку, для занятія сапожнымъ мастерствомъ.

Въ это время я находился въ бѣдственномъ положеніи. Въ услуженіе меня никто не принималъ; меня боялись, какъ медвѣдя. Къ тому же я долженъ былъ платить 400 руб. оброку, которыхъ мнѣ рѣшительно негдѣ было взять. Въ сихъ крайнихъ обстоятельствахъ я рѣшился обратиться къ не разъ упоминаемому прежде дядѣ моему Феоктистову, у котораго все-таки оставалась часть моего имѣнія; но онъ не хотѣлъ отдать мнѣ его. Я подалъ объ этомъ прошеніе въ магистратъ, который рѣшилъ дѣло такъ, что имѣніе мое принадлежитъ Феоктистову на основаніи десятилѣтней давности владѣнія имъ. Я обратился съ жалобою въ гражданскую палату; но она разсудила, что по этому дѣлу долженъ былъ хлопотать самъ помѣщикъ, или его управляющій. Я просилъ Тархова войти въ мое положеніе; но онъ наотрѣзъ отказалъ мнѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Ходя по этому моему дѣлу, я познакомился съ однимъ столоначальникомъ, который давалъ мнѣ читать законы. Однажды онъ принесъ мнѣ IX-й томъ Свода Законовъ и я нашелъ тутъ статью, въ которой было сказано, что крѣпостные люди, бывшіе въ плѣну у горскихъ хищниковъ, по выходѣ изъ плѣна, освобождаются на волю со всѣмъ семействомъ и могутъ избрать родъ жизни, гдѣ пожелаютъ, въ теченіи девяти мѣсяцевъ. Тогда я рѣшился испробовать и это крайнее средство, лишь бы избавиться отъ власти помѣщика. Затаивъ отъ всѣхъ такое мое намѣреніе, я въ декабрѣ мѣсяцѣ выхлопоталъ кое-какъ у Рагузина полугодовой паспортъ, собралъ отъ добродушныхъ людей 25 руб. на дорогу и 3-го января 1844 года покинулъ свою родину....

Я не буду (да и не могу) описывать тѣ чувства, которыя наполняли и волновали въ это время мое бѣдное сердце. Помню, что губы мои шептали только одно: Всемогущій Боже! Вразуми меня и услышь вопль души моей, хотя не для меня, но для наслѣдника сына моего. Творецъ милосердый! Дай мнѣ крѣпость и терпѣніе перенести всѣ несчастія.... Впрочемъ, да будетъ воля Твоя!...

Съ попутчиками поѣхалъ я на Тамбовъ, а отсюда въ Воронежъ, гдѣ отыскалъ одного стариннаго пріятеля; онъ отдалъ мнѣ немного прежняго долгу и свою лошадь съ повозкой и упряжью. На этой подводѣ я отправился сначала въ Харьковъ, а отсюда въ Херсонъ—къ брату, у котораго

---

[1]) Этотъ Пузаковъ былъ младшій изъ семи братьевъ при отцѣ. Нѣкогда, домъ Пузаковыхъ былъ самый богатый во всей нашей слободѣ; но помѣщикъ совсѣмъ разорилъ это семейство, какъ случалось и со многими другими.
Н. Ш.

провелъ масляницу. Сдѣлалась распутица, дорога стала ужасно трудная, грязная. Я купилъ себѣ маленькую, легкую повозку, на двухъ колесахъ, называемую по малороссійски «бѣда» или «выгода». Въ этомъ-то экипажѣ я и поѣхалъ въ разные города, какъ-то: въ Одессу, Кишиневъ, Яссы и Черновицъ, съ тою цѣлію, не получу ли гдѣ денегъ. Деньгами хоть я и раздобылся, но очень немного—всего 250 руб. Однако и этому я былъ радъ. 3-го апрѣля возвратился въ Херсонъ, гдѣ съ братомъ думали и совѣтывались: что мнѣ слѣдовало предпринять? Въ то время генералъ Лидерсъ выступилъ изъ Херсонской губерніи съ 5-мъ корпусомъ въ походъ на Кавказъ. Я рѣшился послѣдовать туда же, съ намѣреніемъ поступить тамъ къ маркитантамъ въ работники, или не примутъ ли они меня къ себѣ товарищемъ. По пріѣздѣ въ Одессу, продалъ я свою лошадь, взялъ пассажирскій билетъ до Керчи и въ концѣ апрѣля, на пароходѣ «Наслѣдникъ», отправился на Кавказъ.

Погода была теплая, ясная; море тихо и спокойно. На поверхности его играло множество морскихъ свинокъ, которыми я любовался. Севастополь оставался у насъ въ лѣвой сторонѣ, да въ тому же мы проѣхали тутъ ночью. Но вотъ показалось издали имѣніе графа Воронцова—Алупка. Когда пароходъ поровнялся съ нею, намъ салютовали съ гавани изъ пушки, на что съ нашего парохода отвѣчали тѣмъ же. Съ моря видъ на Алупку былъ очарователенъ: строенія, причудливой архитектуры, очень красивы; кругомъ ихъ, по горѣ, прекрасные сады, которые покрыты были свѣжей весенней зеленью; извилистые, какъ змѣи, дорожки, и вездѣ цвѣли цвѣты, какъ лучшій персидскій коверъ; вѣтромъ доносило къ намъ ароматный запахъ и долетали пѣсни соловьевъ.—Мы поплыли въ Ялту, гдѣ пароходъ на два часа останавливался,—въ Ѳеодосію и Керчь, куда прибыли 1-го мая. Отсюда, проливомъ верстъ 30, я поѣхалъ въ городъ Тамань на лодкѣ. Этотъ городъ хуже деревни, но изъ него прекрасный видъ—Керчи, Киникали и Евпаторійскаго госпиталя. Изъ Тамани я нанялъ извощика до Екатеринодара, а отсюда въ Ставрополь. Здѣсь я встрѣтился съ нѣкоторыми изъ прежнихъ своихъ знакомыхъ, и они не мало дивились моему пріѣзду. Имъ было хорошо извѣстно дѣло по заключенію меня въ Ставропольскій острогъ, но они не знали—чѣмъ оно кончилось, и считали меня или сосланнымъ на край свѣта, или же умершимъ. Я разсказалъ имъ эту горестную исторію.

Между тѣмъ, срокъ моему паспорту черезъ мѣсяцъ истекалъ и я сталъ придумывать—какъ бы мнѣ получить новый паспортъ? Думалъ я, думалъ, и рѣшился написать въ Петербургъ главноуправляющему Рагузину слѣдующее: «Проѣзжая черезъ городъ Екатеринодаръ, я видѣлъ тутъ бѣжавшихъ изъ слободы Выѣздной четырехъ крестьянъ, которые годны въ солдаты. Я могу поймать этихъ крестьянъ и представить ихъ въ мѣстную полицію, для препровожденія на родину. Но безъ довѣренности этого сдѣлать нельзя. Поэтому, неугодно ли вамъ будетъ прислать мнѣ эту довѣренность, а вмѣстѣ

съ вею пришлите и паспортъ». Отправляя это письмо, я надѣялся, что Рагузинъ съ помѣщикомъ повѣрятъ моей выдумкѣ. И не ошибся: черезъ два мѣсяца я получилъ и довѣренность, и паспортъ. Но, разумѣется, для меня нуженъ былъ только послѣдній.

Изъ Ставрополя я отправился въ Пятигорскъ пѣшкомъ, такъ какъ нарочно нанимать подводу было для меня не по карману, а попутчиковъ не находилось. Шолъ я этимъ путемъ-дорогою, придерживаясь старой поговорки: «мнѣ не привыкать куликать—гдѣ пришлось, тутъ и остановился». За станціей Александровской мнѣ вновь открылись величественныя Кавказскія горы; я увидѣлъ знакомыя мѣста и дорогу. Въ одномъ мѣстѣ я присѣлъ на камень отдохнуть, прослезился и подумалъ: «Господи! Еще разъ Ты привелъ меня видѣть эти исполины. Въ виду ихъ я претерпѣлъ самое горестное событіе моей жизни... Но—гдѣ получишь несчастіе, тутъ должно ждать и радости». Я вынулъ изъ мѣшечка кусокъ хлѣба, закусилъ и пошолъ далѣе. Къ Пятигорску прибрелъ я поздно вечеромъ, и думалъ: куда мнѣ идти ночевать? Знакомые въ Пятигорскѣ у меня, конечно, были; но не забыли ли меня? Пошолъ я къ одному пріятелю-армянину, по фамиліи Аракчееву; онъ имѣлъ собственный домъ недалеко отъ базара. Аракчеевъ не узналъ меня, и сначала не хотѣлъ пускать меня ночевать; но когда узналъ, принялъ меня какъ роднаго и немало дивился моему прибытію: въ теченіи семи лѣтъ ему ничего не было обо мнѣ извѣстно. Въ это время у Аракчеева находился упомянутый мною выше бывшій полицейскій письмоводитель Кастыченко, который въ 1836-мъ году взятъ былъ въ плѣнъ хищниками. Велика и непритворна была радость при нашемъ свиданіи. Мы всю ночь провели въ разговорахъ за стаканами чихирю. На другой день я вышелъ на базаръ и скоро всѣ знакомые и пріятели узнали о моемъ прибытіи.

Въ Пятигорскѣ я прожилъ до іюня мѣсяца, а потомъ отправился черезъ Екатериноградъ въ Моздокъ. Здѣсь я пробылъ всего одни сутки и пѣшкомъ пошолъ далѣе. Солнце стало заходить за Кавказскія горы, когда я приближался къ станицѣ Науру. Но вотъ и самая станица. Я вошелъ въ одинъ духанъ и сѣлъ на лавку отдыхать. Между прочимъ, я спросилъ сидѣльца: кто у него хозяинъ? и въ отвѣтъ услышалъ, что ростовскій купецъ, еврей Осипъ Борисовичъ Фавишевичъ. Эта фамилія мнѣ показалась знакомой; я сталъ припоминать, что въ 1836-мъ году, когда я служилъ у Сухорукова, то тогда былъ у насъ прикащикомъ по продажѣ нефти еврей Оська, какъ мы его называли, по фамиліи Фавишевичъ. Я началъ подробно распрашивать сидѣльца объ его хозяинѣ и убѣдился, что нашъ бывшій Оська теперь сталъ Осипомъ Борисовичемъ. (На Кавказѣ, да въ нѣкоторыхъ и другихъ мѣстахъ, лицъ бѣдныхъ, особенно евреевъ, называютъ полуименемъ; если же кто нибудь изъ такихъ лицъ сдѣлается богатымъ и вліятельнымъ, то его уже величаютъ по имени и отчеству). Сидѣлецъ мнѣ сказалъ, что его

хозяинъ завтра долженъ быть въ Наурѣ. Тогда я подумалъ: «въ былое время я оказывалъ этому Осипу Борисовичу возможное пособіе и добро, при его бѣдности, и онъ хоть еврей, но, вѣрно, не забылъ того, что я для него сдѣлалъ»,—и рѣшился повидать Фавишевича. На другой день, около полудня, сидѣлецъ сказалъ мнѣ, что хозяинъ его пріѣхалъ съ братомъ своимъ Леономъ Борисовичемъ (прежде мы звали его Лейба). Я тотчасъ же пошолъ къ Фавишевичамъ. На дворѣ ихъ квартиры стояла коляска, запряженная тройкою отличныхъ гнѣдыхъ лошадей. «Вотъ тебѣ и Осьма!» подумалъ я. Придя въ комнату, я сдѣлалъ привѣтствіе обоимъ братьямъ и сказалъ:

— Признаете ли меня, Осипъ Борисовичъ и Леонъ Борисовичъ?

— Нѣтъ,—отвѣчали братья въ одинъ голосъ; мы васъ совсѣмъ не знаемъ.

— Вы, вѣроятно, помните, Осипъ Борисовичъ, Николая Шипова,—сказалъ я;—я рекомендовалъ васъ по торговлѣ нефтью, въ 1836-мъ году, въ бытность мою у Сухорукова комиссіонеромъ.—Тогда они бросились ко мнѣ и начали цѣловать меня, говоря:

— Ахъ, другъ нашъ любезный! Какими судьбами ты сюда попалъ?—Слухъ былъ, — продолжалъ Осипъ Борисовичъ, — что негодяй Сухоруковъ васъ обидѣлъ и довелъ до несчастія. Я жалѣлъ объ этомъ, сердечно жалѣлъ; но пособить вамъ ничѣмъ не могъ, потому что не зналъ, гдѣ вы тогда находились. Мы даже слышали, что, будто бы, вы сосланы были въ Сибирь за какое-то важное преступленіе. Садитесь, пожалуйста, любезный Николай Николаевичъ.

Я сѣлъ и разсказалъ Фавишевичамъ о постигшемъ меня, по винѣ Сухорукова, бѣдствіи. Выслушавъ меня, Осипъ Борисовичъ сказалъ:

— Душевно сожалѣю о вашемъ несчастіи и желаю помочь вамъ,—потому, помню ваши для меня благодѣянія.

Потомъ Фавишевичъ предложилъ мнѣ быть съ нимъ компаньономъ по торговлѣ, разсказавъ, что онъ съ однимъ товарищемъ, Бѣлевскимъ купцомъ Кузнецовымъ, заключилъ контрактъ съ Кабардинскимъ егерскимъ полкомъ на три года—доставлять полку жизненные припасы. Штабъ этого полка находился въ крѣпости Незапной, за Терекомъ, на рѣкѣ Акташѣ, близъ Андреева аула, а баталіоны расположены по разнымъ укрѣпленіямъ, не далеку отъ Незапной. Такъ какъ у Осипа Борисовича были еще другія дѣла, то онъ соглашался дать мнѣ довѣренность и я могъ, по усмотрѣнію, торговать или при полковомъ штабѣ, или же идти съ полкомъ въ походъ, который предполагался въ этомъ мѣсяцѣ (іюнѣ). Разумѣется, мнѣ ничего не оставалось, какъ съ радостію принять это предложеніе Фавишевича. На другой день я поѣхалъ съ нимъ въ Незапную крѣпость, и немедленно вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ этой Незапной крѣпости и объ Ан-

дреевскомъ аулѣ, такъ какъ здѣсь совершилось одно изъ самыхъ важныхъ событій моей жизни.—Крѣпость стоитъ близь лѣса, на правой гористой сторонѣ быстрой, каменистой рѣчки Акташа. Въ крѣпости находятся казармы, церковь и дома каменные; кругомъ нихъ—крѣпостной валъ, на которомъ четыре бастіона съ большими орудіями. Этотъ валъ соединяется съ форштатомъ, гдѣ живутъ въ собственныхъ домахъ женатые казаки. Здѣсь находится домъ полковаго священника, разныя казармы, маркитанскій дворъ и двѣ обвахты или заставы, изъ коихъ одна на рѣку Акташъ, по дорогѣ къ укрѣпленію Кастычамъ, а другая—въ Андреевскій аулъ, отстоящій отъ Форштата не болѣе версты. За дровами ѣздятъ изъ Незапной всегда съ конвоемъ; это называется «окказіей». Скотъ пасутъ за р. Акташемъ тоже подъ конвоемъ, такъ какъ не рѣдко случалось, что черкесы нападали на скотъ.

Андреевскій аулъ—татарскій, большой; въ немъ было болѣе 5,000 жителей. Улицы въ аулѣ очень узкія, грязныя и безтолково построенныя, такъ что въ нихъ легко заблудиться. Дома или сакли деревянныя, безъ заборовъ; крыши плоскія, земляныя; на нихъ родится крупный красный лукъ, который на вкусъ сладковатый. Печей въ сакляхъ нѣтъ; только въ одной изъ стѣнъ проведена труба, подъ которой разводятъ огонь и готовятъ кушанья. Виноградное вино татары пьютъ кипяченое или молодое; хлѣбную водку любятъ. Лошадей держатъ хорошихъ, въ полѣ работаютъ съ осторожностію и недалеко отъ своего аула, по которому ходятъ всегда вооруженными прекрасными кинжалами: Андреевскій аулъ всегда славился этимъ оружіемъ. Базаръ въ аулѣ бывалъ по пятницамъ; народу сходилось множество. Торговлею занимались татары, евреи, а частію моздокскіе и кизлярскіе армяне. Говорить покумыцки я научился довольно скоро, такъ какъ этотъ языкъ сроденъ киргизскому. Въ Андреевскомъ аулѣ мнѣ приходилось бывать часто и я хорошо познакомился тутъ съ нѣкоторыми татарами; они звали меня «Мекелей».

И такъ, съ половины іюня мѣсяца (1844 г.) я началъ въ Незапной крѣпости заниматься по торговымъ дѣламъ у Фавишевича [1]). Это занятіе

---

[1]) Иногда мнѣ приводилось ѣздить изъ Незапной въ Богоматовъ мостъ; это ничто иное, какъ мирная черкесская деревня, разстояніемъ отъ Незапной 50 верстъ, а отъ Кизляра 30. При ней было небольшое укрѣпленіе и рота солдатъ съ 50-ю казаками, для конвоированія окказій и рекрутъ, идущихъ въ Темирханъ-Шуру изъ Кизляра. Здѣсь я покупалъ сѣно, разную дичь, которой было множество по небольшимъ озерамъ и заливамъ. Въ огромныхъ камышахъ, на подобіе лѣса, водились дикія свиньи; ихъ безпощадно убивали татары. Свинья противна ихъ закону. Когда татаринъ застрѣлитъ ее, то не беретъ въ руки; заденетъ за морду свиньи веревку, привяжетъ къ лошадиному хвосту и тащитъ волокомъ. Эти свиньи продавались чрезвычайно дешево.

Н. Ш.

было не легкое. Надобно было наблюдать интересы хозяина и въ то же время ладить съ разнымъ полковымъ начальствомъ, начиная отъ ротнаго фельдфебеля.—Въ укрѣпленіи Таскичахъ, при баталіонѣ нашего полка, торговалъ у насъ прикащикъ; тамъ-же находился и Кузнецовъ. Прикащикъ что-то не поладилъ съ баталіоннымъ лекаремъ. Этотъ подалъ полковому командиру рапортъ, будто прикащикъ доставлялъ для баталіона нехорошую говядину, отчего солдаты болѣютъ. Полковникъ вспыхнулъ гнѣвомъ, призвалъ къ себѣ Кузнецова и распорядился съ нимъ такъ, что онъ прибѣжалъ ко мнѣ въ Незапную, какъ полуумный, весь въ слезахъ и просилъ меня поправить дѣло. Я пошолъ въ Таскичи; повидался съ лекаремъ, далъ ему подаяньице, достодолжно угостилъ его,—и съ тѣхъ поръ отъ него не было никакихъ подобныхъ рапортовъ.

А такихъ случаевъ—что грѣха таить?—могло быть не мало. То, вотъ, говядина нехороша, то сѣно гнилое, то водка ужъ слишкомъ разбавлена водой—да мало ли что? Бывало, полковой квартермистръ знаетъ, что такого-то предмета у насъ въ лавкѣ нѣтъ, а по контракту онъ долженъ быть. Квартермистръ прибѣжитъ въ лавку и начнетъ требовать, чего нѣтъ, къ завтрашнему дню непремѣнно; зашумитъ, раскричится,—такъ что и самъ Фавишевичъ не показывается ему на глаза. Что тутъ дѣлать? Обыкновенно, вечеромъ, незамѣтно для другихъ, я отправлялся къ разгнѣваннному квартермистру на квартиру и умѣлъ сдѣлать такъ, что онъ перемѣнялъ гнѣвъ на милость; и потомъ съ улыбкой говорилъ:

— Давно бы такъ дѣлали; а то съ вами одно только безпокойство и неудовольствіе.

На другой день квартермистръ присылалъ въ лавку своего деньщика за даровой провизіей. Плацъ-адъютанту и адъютанту полковому у насъ тоже шла дача не малая; а, напримѣръ, ротнымъ командирамъ такъ самъ Фавишевичъ приказывалъ отпускать изъ лавки безданно-безпошлинно все, что имъ заблагоразсудится...

Изъ Незапной крѣпости выходили нѣсколько разъ летучіе отряды, которые скоро опять возвращались въ Незапную. Съ этими отрядами я или отправлялъ прикащика при нагруженныхъ провизіею арбахъ, или же присутствовалъ самъ. Однажды, въ концѣ августа мѣсяца, изъ Незапной выступилъ отрядъ въ 3000 пѣхоты и артиллеріи, подъ командою полковника Козловскаго. Я снарядилъ двѣ арбы съ разными припасами. Отрядъ направился вверхъ по р. Акташу и, отойдя верстъ 6, встрѣтился съ хищниками. Завязалась перестрѣлка. На другой день черкесы завяли р. Акташъ, заградивъ намъ путь къ водѣ, засѣли за большими камнями, въ ущельяхъ, и открыли огонь. Всѣ усилія Козловскаго выбить черкесовъ изъ ущельевъ оставались тщетными, тогда какъ черкесы безпокоили насъ сильно, потому что бивакъ нашъ расположенъ былъ на открытомъ мѣстѣ. Мы даже съ тру-

домъ могли доставать изъ Акташа воду. Кончилось тѣмъ, что на 4-ю ночь Козловскій сдѣлалъ безпорядочное отступленіе обратно въ Незапную. При этой суматохѣ, у меня у одной арбы изломалась ось, и весь бывшій на ней товаръ достался въ добычу хищникамъ. До арбы ли тутъ, когда только думы и заботы: какъ бы самому остаться цѣлымъ и невредимымъ?—Охъ, ты жизнь и торговля маркитанская!..

1845 г.

Изъ Незапной крѣпости въ Андреевскій аулъ я ходилъ довольно часто, какъ для учета сидѣльцевъ въ двухъ духанахъ Фавишевича, такъ для покупки скота и разныхъ припасовъ. По пятницамъ (базарные дни) я бывалъ въ аулѣ непремѣнно. Ходить приходилось большею частію одному, иногда довольно поздно. Нѣкоторые знакомые татары предупреждали меня, чтобы я опасался ходить ночью. На такія предостереженія я мало обращалъ вниманія: я боялся только смерти; плѣна же у горцевъ хоть и страшился, но въ душѣ желалъ его. Наступило 8-е число февраля, пятница.

8 февраля.

Въ этотъ день я, по обыкновенію, былъ въ аулѣ на базарѣ, купилъ, что надобно, и къ вечеру возвратился домой въ Незапную; отдалъ отчетъ и деньги Фавишевичу. Поблагодаривъ, онъ сказалъ мнѣ:

— У насъ въ лавкѣ совсѣмъ нѣтъ коровьяго масла. Сегодня послѣднее взяли въ полковую квартиру. А завтра, утромъ, опять потребуется, какъ полковнику, такъ и офицерамъ.

— Масло я сегодня приторговалъ у одного татарина,—доложилъ я Фавишевичу,—только не далъ ему задатка.

Тогда Фавишевичъ сталъ просить меня, чтобы я шелъ въ аулъ и далъ татарину задатокъ, и чтобы масло было доставлено завтра, рано утромъ въ лавку. Хоть мнѣ и не хотѣлось идти, потому что весь день провелъ на ногахъ, бѣгая по аулу,—но я хорошо зналъ полковаго командира и просьба Фавишевича мнѣ показалась основательной. Я пошолъ въ аулъ. Солнце закатилось за горы, съ которыхъ потянулся ужасно густой туманъ. Близь обхваты попался мнѣ навстрѣчу знакомый унтеръ-офицеръ и спросилъ:

— Куда такъ поздненько идешь?

— Въ аулъ,—отвѣчалъ я.

— Смотри, Николай Николаевичъ,—сказалъ мнѣ унтеръ-офицеръ,—теперь ходить опасно: какъ бы тебя чеченцы гдѣ не схватили. Проклятые азіаты замысловаты; они знаютъ, что при тебѣ всегда есть деньги. Подкараулятъ и отправятъ въ горы, а то такъ прямо на тотъ свѣтъ.

— Вотъ, вздоръ какой,—сказалъ я; позже ходилъ, да съ рукъ сходило. Авось, и теперь ничего не случится.

Мы разстались. Когда я шолъ по улицамъ аула, было уже очень темно, и я съ трудомъ отыскалъ саклю татарина, у котораго утромъ сторговалъ масло; далъ ему задатокъ и приказалъ привести масло завтра пораньше. Отсюда я зашолъ въ нашъ духанъ, гдѣ сидѣлецъ отдавалъ мнѣ вырученныя имъ деньги 200 руб.; но денегъ этихъ я не взялъ до завтра. Посидѣвъ немного въ духанѣ, я пошолъ домой. Темнота была ужасная,—хоть глазъ выколи. При выходѣ за аульскія ворота меня окликнулъ часовой: «кто идетъ?» —«Маркитантъ» отвѣчалъ я. Отъ воротъ дорога шла подъ гору; съ лѣвой стороны былъ утесъ горы, а съ правой—къ р. Акташу—крутой яръ. Я шолъ близь самаго утеса. Какъ разъ на половинѣ дороги отъ аула и форштата меня вдругъ схватили неизвѣстные люди и потащили подъ гору къ Акташу; внизъ я скатился съ ними по снѣгу. Я вздумалъ было кричать часоваго, но хищники обнажили свои кинжалы и приставили ихъ къ моей груди. Я обмеръ. Потомъ, хищники надѣли мнѣ на голову какой-то башлыкъ,—перевязали его, такъ что я не могъ ничего ужъ видѣть; руки мои тоже связали ремнемъ и повели. Мы прошли близь какой-то водяной мельницы, гдѣ я слышалъ разговоръ на кумыцкомъ языкѣ. Перешли въ бродъ рѣку, вѣроятно Акташъ; потомъ повели меня далѣе; но куда—я не понималъ. Гдѣ-то вдали послышался лай собакъ. Тутъ спутники мои начали разговаривать между собой почеченски; этого языка я почти не понималъ. Прошли по снѣгу такъ версты 4. Лай собакъ сталъ слышнѣе. Перешли еще разъ рѣку поколѣно и я полагалъ, что это опять-таки Акташъ. Мы поднимались какъ будто на гору. Потомъ хищники остановились и начали кого-то окликать. Откуда-то, сверху, тихо отвѣчали, потомъ что-то сбросили. Хищники перевязали меня веревкой поперегъ живота, развязали руки и покумыцки сказали: «уста аркапъ» (держись за веревку). Я это сдѣлалъ. Меня потащили вверхъ, гдѣ, саженъ черезъ три, я былъ принятъ за руки двумя человѣками, которые вели меня потомъ съ четверть часа. Затѣмъ, они связали мнѣ руки назадъ, толкнули въ какой-то чуланъ, хлопнули дверью и заложили ее цѣпью. Мое новое помѣщеніе оказалось не изъ теплыхъ: въ него со свистомъ врывался холодный вѣтеръ. На мнѣ была тогда бешметъ и легкая на ватѣ шинель; промокшія ноги холодѣли, связанныя руки коченѣли. Я стоялъ на ногахъ, боясь ходить или двигаться. Такъ прошло довольно времени. Потомъ кто-то вывелъ меня въ другое помѣщеніе и развязалъ мнѣ голову. Тутъ я увидѣлъ большую саклю, которую освѣщало горящее на табуреткѣ сало. Передо мной стоялъ кумыкъ—высокій, стройный, широкоплечій, котораго я никогда не видѣлъ. Онъ спросилъ меня:

— «Танимсанъ менеке» (знаешь-ли меня?).

— «Бельмейма» (не знаю),—отвѣчалъ я. Тогда кумыкъ, указавъ мнѣ

на табуретку, сказалъ: «ултаръ» (садись). Я исполнилъ это приказаніе. Кумыкъ вынулъ изъ кармана ножъ и началъ его оттачивать на брускѣ. У меня волосы на головѣ становились дыбомъ; сердце мое такъ сильно забилось, что, полагаю, и кумыкъ могъ слышать это біеніе моего сердца. Я мысленно прощался съ своими родными и со всѣмъ свѣтомъ, полагая, что настали послѣднія минуты моей жизни... Кумыкъ кончилъ точить ножъ, подошолъ ко мнѣ, прижалъ къ себѣ мою голову и, сказавъ: «коркма» (не бойся), принялся мылить мнѣ голову. Я догадался, что онъ будетъ брить мои волосы. Сердце мое стало отходить. Кумыкъ обрилъ мои волосы, подстригъ бороду, надѣлъ на меня шапку, завязалъ тѣмъ-же башлыкомъ, отвелъ меня въ прежній чуланъ и безмолвно затворилъ за мною дверь. Эту ночь я проводилъ очень безпокойно; отъ холода не могъ сомкнуть глазъ. Пропѣли въ аулѣ пѣтухи.

9-го февраля.

Вотъ я слышу: люди загалдѣли, буйволы заревѣли, арбы заскрипѣли, залаяли собаки. Должно быть, разсвѣтало. Я то разминалъ свои коченѣвшіе члены, то сидя или стоя прислонялся къ стѣнѣ, и дремалъ. Какой-то человѣкъ отворилъ дверь и сказалъ: «аманъ, Мокелей» (здравствуй, Николай). Я очень обрадовался, что меня назвали по имени и ждалъ съ нетерпѣніемъ, что̀ пришедшій будетъ говорить мнѣ; но этого я не дождался: дверь захлопнулась. Вѣроятно, уже вечеромъ меня опять привели въ ту саклю, гдѣ вчера кумыкъ обрилъ мнѣ голову. Когда меня развязали, я увидѣлъ того же кумыка, который меня спросилъ:

— «Ахча барма сенике» (есть ли у тебя деньги?).

— «Іокъ ахча» (нѣтъ денегъ),—отвѣчалъ я.

Тогда кумыкъ всего обыскалъ меня, но денегъ не нашолъ; только вынулъ изъ кармана въ бешметѣ мою записную книжку съ карандашомъ и сказалъ:

— «Зжясъ Осипъ кагасъ» (пиши Осипу записку).

— «Не зжяздымъ» (что напишу?).

— «Мень чебердымъ саганъ, берь ахча чусъ тюмень кумышъ» (я отпущу тебя; дай десять десятковъ серебряныхъ рублей).

Я вырвалъ изъ книжки чистенькій листокъ и Фавишевичу (Осипу) написалъ:» Нахожусь въ плѣну и не знаю гдѣ; а выкупу за меня просятъ 300 рублей. Ради Бога, выручи несчастнаго Н. Шипова». Кумыкъ взялъ эту записку и снова заперъ меня въ чуланъ. Эту ночь я провелъ какъ и прошлую, съ тою лишь разницею, что мнѣ очень хотѣлось чего нибудь поѣсть.

10 февраля.

Въ этотъ день ко мнѣ никто не показывался. Уже поздно вечеромъ, когда въ аулѣ все смолкло, пришолъ татаринъ и повелъ меня изъ темницы. Чрезъ нѣсколько времени мы остановились, и близъ меня очутилось четыре человѣка; они развязали мнѣ руки, которыя обтерлись отъ ремня до крови;

перевязали вокругъ живота веревкой и, сказавъ по-русски:—держись крѣпче, столкнули меня съ крутизны, и начали спускать внизъ. «Вѣрно, въ первую ночь меня здѣсь втаскивали», подумалъ я. Внизу приняли меня два человѣка, и о чемъ-то тихо поговорили съ верхними. Потомъ, связавъ мнѣ руки ремнемъ, повели меня въ бродъ черезъ рѣчку; затѣмъ скорыми шагами пошли по снѣгу. Собачій лай оставался у насъ назади. Дулъ не очень холодный вѣтеръ. Дорога шла то подъ гору, то въ гору. Я сталъ догадываться, что теперь ведутъ меня къ немирнымъ черкесамъ въ самыя горы. Шли мы довольно долго. Вѣтеръ сталъ тише. Мы какъ будто подходили къ лѣсу. Тутъ развязали мнѣ глаза и руки. Передо мной стояли два, среднихъ лѣтъ, татарина, которые имѣли при себѣ по ружью, шашки, пистолеты и кинжалы. Они глядѣли мнѣ въ глаза, а я на нихъ смотрѣлъ; потомъ они спросили меня по кумыцки—знакома-ли мнѣ мѣстность, на что я отвѣчалъ отрицательно,—и сталъ осматривать окрестность. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулся небольшой лѣсъ; чѣмъ далѣе шли впередъ, тѣмъ дорога дѣлалась уже и уже. Ночь была пасмурная; на небѣ ни звѣздочки. Татары, насмѣхаясь надо мной, говорили мнѣ:

— «Согомъ саганъ керекъ, ахча баръ» (надо тебѣ скотины; деньги имѣешь) [1]). Я имъ сказалъ только, что теперь у меня нѣтъ денегъ.

Вѣтеръ дулъ мнѣ въ лицо; я освѣжился; мнѣ стало легче и пріятнѣе. Прошли лѣсомъ нѣсколько верстъ. Татары свистнули, на что послѣдовалъ тоже свистокъ; а спустя немного, подошолъ къ намъ молодой татаринъ, который сдѣлалъ моимъ провожатымъ привѣтствіе: «саламаликамъ», давали другъ другу руки и говорили почеченски. Пришедшій и мнѣ сказалъ: «аманъ-ма» (здорово). Я сказалъ ему то же. Потомъ всѣ мы пошли узенькою снѣговою тропинкой. Лѣсъ становился крупнѣе. Тропинка стала извилистой, подъ гору. Впереди я замѣтилъ какъ-будто татарское кладбище, на которомъ стояли разные каменные памятники. Когда мы поровнялись съ этимъ мѣстомъ, татары остановились и громогласно сказали: «саламаликамъ». Тогда я спросилъ:

— «Не бу монда» (что такое здѣсь?).

Одинъ изъ нихъ на какомъ-то странномъ кумыцко-русскомъ языкѣ отвѣчалъ: «кардашъ умритъ, копъ салдатъ убитъ, монда бардымъ аулъ» (умерли братья, много убито солдатъ, здѣсь была деревня). Тогда я понялъ, что татары здравствовались съ своими умершими родичами.

Мы пошли далѣе, и скоро послышался шумъ быстро текущей воды. Я спросилъ спутниковъ—что это за рѣка? Они сказали: «Эракѣ-су». Тутъ

---

[1]) Это горькій намекъ на мое теперешнее положеніе по сравненію съ прежнимъ, когда я покупалъ скотъ въ Андреевскомъ аулѣ для Осипа Фавишевича и при мнѣ всегда находились деньги. Татары, очевидно, знали это.

Н. Ш.

мнѣ стало ясно—гдѣ мы идемъ, и я сталъ внимательно примѣчать мѣстность. Перешли рѣку въ бродъ и стали подниматься на гору. Потомъ вышли на ровную дорогу и шли довольно долго. Далеко впереди я увидѣлъ огонь и спросилъ:

— «Кайда отъ-курнеда» (что за огонь видно?). Мнѣ отвѣчали:

— «Караулъ чечень-баръ» (чеченскій караулъ).

Подошли близко къ огню. Для меня это было интересно. Я какъ будто позабылъ, что я плѣнный и что̀ могло со мной случиться. А могло случиться, какъ я слыхалъ, вотъ что̀: у горцевъ есть, будто-бы, обыкновеніе, что когда ведутъ плѣннаго и въ это время навстрѣчу попадется кто-нибудь изъ хищниковъ же, то между ними происходитъ большой споръ и распря: встрѣчному хочется взять что-нибудь съ того, кто ведетъ плѣннаго; а тотъ ничего не даетъ, потому что встрѣчный не участвовалъ въ поимкѣ плѣннаго, всегда сопряженной съ большимъ трудомъ и опасностью. Тогда, со злобы, встрѣчный хищникъ убиваетъ плѣннаго: пускай, молъ, никому не достается. Вотъ что̀ могло со мной случиться. Но, слава Богу, намъ навстрѣчу никто изъ хищниковъ не попался.

Наконецъ, мы подошли къ плетневымъ воротамъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ были вырыты небольшія канавы, съ землянымъ валомъ, и наверху накладенъ колючій терновникъ. Мы отворили ворота; насъ окликнулъ вооруженный чеченецъ и повелъ къ плетневой караулкѣ, близъ которой ярко горѣлъ огонь. У огня спали 4 черкеса. Когда мы пришли, черкесы встали и привѣтствовали насъ. Потомъ они сѣли возлѣ огня и стали разговаривать почеченски, послѣ чего всѣ легли спать. Прикурилъ у огня и я. Скоро мои товарищи заснули; но мнѣ было не до сна. У меня въ головѣ роились разныя мысли. Богъ дастъ, думалъ я, какъ нибудь удастся мнѣ бѣжать изъ плѣна; тогда я буду вольный человѣкъ и потомство мое всегда будетъ благодарить меня. А что̀ подумаютъ гонители мои, когда узнаютъ, что я съ семействомъ свободенъ? Они будутъ очень недовольны собой, что выпустили меня изъ своихъ рукъ, и притомъ ни за копѣйку. Они никогда не простятъ за это ни себѣ, ни мнѣ. А можетъ быть, мнѣ уже болѣе никогда не придется видѣть ни родины, ни милаго семейства... Тутъ часовой разбудилъ моихъ спутниковъ, и мы пошли далѣе. Дорога шла подъ гору и опять начался крупный лѣсъ. Въ правой сторонѣ отъ насъ въ лѣсу, на возвышенномъ мѣстѣ, виднѣлся огонь и шумѣли люди. На вопросъ мой провожатые отвѣтили: «алтмишъ-кши караулъ баръ салдатъ зжяберьма» (60 человѣкъ караульныхъ солдатъ не пускаютъ). Почти тотчасъ же прибѣжалъ къ намъ съ того караула чеченецъ, поговорилъ съ моими спутниками и ушолъ обратно, а мы начали спускаться подъ гору. Свѣтало.

11 февраля.

Мы подошли къ рѣкѣ, о которой провожатые мнѣ сказали, что это—Яманъ-су. Перейдя рѣку въ бродъ, мы пошли вверхъ по ея теченію. На

косогорѣ, по мелкому лѣсу, виднѣлись разбросанныя сакли, изъ которыхъ выбѣгали къ намъ злыя собаки. Чрезъ нѣсколько времени одинъ изъ моихъ спутниковъ простился съ своими товарищами; потомъ онъ подалъ мнѣ руку и такимъ сказалъ: «саубулъ» (прощай). Стало совершенно свѣтло. По обѣимъ сторонамъ ровной дороги возвышался большой чанаровый лѣсъ, въ которомъ какая-то птица пѣла страннымъ заунывнымъ голосомъ и я думалъ: не предвѣщаетъ-ли она мнѣ смерть? Но вотъ, подъ горою, показался небольшой аулъ; изъ разбросанныхъ саклей шолъ дымъ, который, мѣшаясь съ туманомъ, разстилался по низменной равнинѣ и чанаровому лѣсу. Изъ горъ протекала въ Яманъ-су маленькая рѣчка. Когда мы спустились по извилистой дорогѣ въ аулъ, то вошли въ саклю о двухъ трубахъ. Насъ встрѣтила очень хорошенькая молодая черкешенка, съ грудным ребенкомъ на рукахъ, съ прелестнымъ видомъ смотрѣла на моихъ спутниковъ, изъ которыхъ одинъ, какъ потомъ оказалось, былъ ея мужъ; время-отъ-времени и на меня обращала она свои быстрые, огневые, черные глаза. Сѣли мы въ саклѣ на разосланныя кошмы; я—возлѣ камина, въ которомъ горѣлъ небольшой огонь. Черкешенка съ ребенкомъ вышла изъ сакли и скоро возвратилась въ шелковыхъ шаравахъ и бумажномъ бешметѣ. Чрезъ нѣсколько времени я прилегъ у камина и крѣпко заснулъ. Долго ли спалъ—не знаю. Меня разбудилъ хозяинъ, сказавъ мнѣ: «туръ» (вставай). Тутъ я увидѣлъ полную саклю черкесъ и черкешенокъ разнаго возраста. Мужчины и мальчишки были вооружены кинжалами, а нѣкоторые и пистолетами. Всѣ смотрѣли на меня своими черными глазами съ любопытствомъ и непріязненно; а я, какъ невольникъ, глядѣлъ на нихъ съ унылымъ видомъ. Они между собой говорили покумыцки, чеченски и тавлински. Черкешенка-хозяйка вынимала изъ золы въ каминѣ небольшія круглыя лепешки изъ пшеничной муки (чуреки) и, вытеревъ ихъ грязной тряпкой, подавала моимъ спутникамъ; одинъ чурекъ дала и мнѣ. Я его съ большимъ аппетитомъ съѣлъ, держа надъ горстью, какъ просфору: вѣдь трои сутокъ я не принималъ никакой пищи. Затѣмъ, хозяйка, подложивъ въ огонь дровъ, повѣсила надъ нимъ небольшой котелокъ съ водой, всыпала въ него ячменной крупы и положила немного сала. Когда это кушанье поспѣло, хозяйка разлила его въ чашки, положила въ чашки по ложкѣ и подала моимъ хозяевамъ, а также и мнѣ; при этомъ она дала мнѣ еще одинъ чурекъ. Я поѣлъ съ удовольствіемъ, отдалъ чашку хозяйкѣ и сталъ сидѣть безмолвно. Народъ то приходилъ въ саклю, то уходилъ, и дверь безпрестанно скрипѣла, какъ немазанное колесо. Часа черезъ три меня отвели въ другую саклю; здѣсь, по стѣнамъ висѣли ружья, пистолеты, шашки и сѣдла; по срединѣ стояла наковальня. Я своего провожатаго спросилъ:

— «Кѣмъ дарханъ монда баръ» (кто здѣсь кузнецъ?).

— «Кардашъ маганъ» (братъ мой).

Тутъ я понялъ, что меня вели два брата, изъ коихъ одинъ былъ холостой, а другой женатый. И сюда началъ приходить народъ. Изъ пришедшихъ одинъ кумыкъ сѣлъ со мною рядомъ и началъ порядочно говорить по-русски. Оказалось, что онъ житель Андреевскаго аула, гдѣ у него былъ домъ, жена и двое дѣтей. Имя его—Мустафа. Какъ-то разъ, онъ купилъ въ аулѣ Таскичахъ у неизвѣстнаго татарина пару лошадей. Лошади оказались крадеными, и Мустафа посаженъ былъ подъ арестъ съ тѣмъ, что если онъ не розыщетъ татарина, у котораго купилъ лошадей, то будетъ преданъ военному суду. Найти этого татарина было невозможно, и Мустафа изъ подъ ареста бѣжалъ въ здѣшній аулъ, гдѣ и жилъ уже болѣе мѣсяца. Тайно онъ ходилъ въ Андреевскій аулъ къ своему семейству. Я былъ очень радъ, что встрѣтился съ этимъ Мустафой, и подробно разсказалъ ему о своемъ плѣнѣ. Выслушавъ меня, онъ замѣтилъ, что мнѣ едва-ли удастся отсюда вырваться скоро; вѣроятно, меня поведутъ къ Шамилю въ Красный аулъ (Дарго), который въ 40 верстахъ отъ здѣшняго аула. Тутъ вошолъ въ саклю черкесъ, пожилыхъ лѣтъ, рослый, стройный, красивый; одѣтъ онъ былъ въ желтую черкеску, убранную серебрянымъ галуномъ; на груди прекрасные патроны, на лѣвомъ боку кинжалъ съ дорогой рукояткой, сзади пистолетъ. Онъ сѣлъ возлѣ меня, бросилъ на меня свой орлиный взоръ и сказалъ:

— «Аманъ, салдатъ» (здравствуй, солдатъ).

Я отвѣтилъ: «аманъ», и потомъ спросилъ Мустафу—кто это?

— Чеченецъ, отвѣчалъ Мустафа,—этого и окрестныхъ ауловъ начальникъ. Тысячнымъ прозывается. Въ случаѣ какого приказа отъ Шамиля къ тревогѣ, онъ выгоняетъ изъ ауловъ вооруженныхъ людей и представляетъ, куда слѣдуетъ.

Послѣ этого Мустафа разговаривалъ съ тысячнымъ минутъ 10 почеченски. Потомъ тысячный черезъ Мустафу спросилъ меня—сколько у русскаго царя войска? Я отвѣчалъ, что два милліона. Мои собесѣдники очень этому удивились; тысячный полагалъ, что въ Россіи только и войска, которое дерется съ ними въ горахъ. Тысячный сказалъ еще, что у нихъ есть свой порохъ; дѣлаютъ его тавлинцы; онъ не такъ силенъ, какъ русскій. При этомъ тысячный высыпалъ изъ одного патрона порохъ и показалъ мнѣ. Порохъ похожъ на нашъ пушечный, только помельче. Русскій порохъ черкесы доставали отъ мирныхъ черкесовъ по 2 абаза (40 коп.) за фунтъ. По словамъ тысячнаго, у Шамиля пушки или бѣглые поляки.

Къ вечеру черкесы ушли изъ сакли, а въ томъ числѣ и тысячный. Остались только четыре молодыхъ черкеса и одинъ старикъ, да Мустафа, который сказалъ:

— Тебѣ скучно; я принесу карты и будемъ играть.

Онъ ушолъ; а одинъ изъ черкесовъ принесъ ножныя желѣзы и сковалъ

мнѣ ноги. Скоро Мустафа возвратился съ новенькими картами. Мы сѣли у камина, въ которомъ ярко горѣлъ огонь. Къ намъ присоединились два черкеса и мы стали играть въ дураки. Черкесы играли плохо; но я нарочно оставался дуракомъ; они были очень довольны и смѣялись надо мной, говоря: «салдатъ теньтякъ» (солдатъ дуракъ). Часа черезъ два хозяинъ принесъ мнѣ чурекъ; я бросилъ карты и началъ его ѣсть съ водою, которая была въ чугунномъ кувшинѣ. Эта вода служитъ черкесамъ для умыванья рукъ и лица, когда они идутъ въ мечеть на молитву. Поѣвши, я началъ опять играть въ карты и играли до поздняго вечера. Потомъ Мустафа сказалъ мнѣ: хочу спать, и сталъ собираться уходить. Я просилъ его придти ко мнѣ завтра, и буде услыхалъ бы въ аулѣ какую новость, то подѣлился бы ею со мной: вѣдь такъ пріятно было слышать хоть что нибудь!.. Когда Мустафа ушолъ, молодые черкесы легли спать, а старикъ предварительно осмотрѣлъ на мнѣ желѣзы, привалилъ къ двери стоящую по срединѣ сакли наковальню и потомъ уже расположился спать. Я легъ у самаго огня подъ своей шинелью, но долго не могъ заснуть отъ разныхъ невеселыхъ думъ.

12 февраля.

Проснулся я рано. Товарищи мои еще спали крѣпкимъ сномъ. Я прозябъ и сталъ разводить огонь въ каминѣ. Когда разсвѣтало, загалдѣлъ въ аулѣ народъ, замычали коровы, заблеяли бараны, закричали пѣтухи, кудахтали куры, ревѣли буйволы, въ лѣсу кричали филины. Товарищи мои встали и выходили изъ сакли. Я тоже вышелъ подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Небо было пасмурно; съ горъ разстилался по аулу густой туманъ; на высокихъ чинаровыхъ деревьяхъ висѣлъ серебристый иней; вдали шумѣла по камнямъ р. Яманъ-су. Я возвратился въ саклю и сѣлъ у огня. Чрезъ нѣсколько времени пришолъ ко мнѣ хозяинъ съ какимъ-то одѣяньемъ и пантомимно объяснилъ, чтобы я перемѣнилъ свой костюмъ; при этомъ онъ отперъ мои кандалы. Я надѣлъ рубашку столь грязную, какъ у трубочистовъ, овчинную, дырявую шубу, на ноги—худые «чевяки», а на голову—рваную шапку. Въ этомъ нарядѣ я, вѣроятно, похожъ былъ на пугало, что̀ ставятъ въ деревняхъ на огородахъ. Хозяинъ заперъ у меня кандалы, взялъ съ собой мою одежду и вышелъ изъ сакли. Спустя немного, жена хозяина принесла мнѣ кашицы съ саломъ и нѣсколько болѣе обыкновеннаго чурекъ. Лишь только окончилъ я свою трапезу, какъ пришолъ Мустафа; онъ сказалъ, что былъ у тысячнаго, который ему передалъ, будто меня скоро поведутъ къ Шамилю; только мой хозяинъ уговорилъ его повременить, обѣщаясь дать ему за это подарокъ. Тутъ мнѣ пришло на мысль: не хлопочетъ-ли Осипъ Фавишевичъ о моемъ выкупѣ. Кромѣ меня и Мустафы въ саклѣ никого не было. Я его спросилъ: нельзя-ли мнѣ какъ-нибудь бѣжать отсюда? Мустафа отвѣчалъ, что онъ душевно радъ бы мнѣ помочь въ

этомъ дѣлѣ; но одному ему тутъ ничего не подѣлать, а кому нибудь сказать объ этомъ онъ страшится. Впрочемъ, завтра ночью онъ отправится въ Андреевскій аулъ къ своему семейству и можетъ быть что-нибудь развѣдаетъ тамъ относительно моего освобожденія. Тутъ пришли мои товарищи и нѣкоторые другіе черкесы. Мы стали опять играть въ карты, и, какъ вчера, я умышленно оставался дуракомъ, чѣмъ доставлялъ видимое удовольствіе черкесамъ.

Вечеромъ мы остались съ Мустафой одни. Четверо моихъ молодыхъ товарищей не показывались. Мустафа сказалъ, что они уѣхали на воровство.

— А куда? полюбопытствовалъ я.

— Они и сами не знаютъ, когда выѣзжаютъ изъ своего аула,—отвѣчалъ Мустафа. Обыкновенно, ѣздятъ и бродятъ, какъ голодные волки, по разнымъ дорогамъ и близь мирныхъ ауловъ. Если кто встрѣтится — ограбятъ; попадется скотъ—угонятъ. Они не устрашимы. Этимъ только и живутъ. Да вотъ еще — кого въ плѣнъ возьмутъ; если не убиваютъ — продаютъ.

При этомъ Мустафа грустно взглянулъ на меня, а мнѣ было грустнѣе его.—Онъ простился со мной. Хозяйка принесла мнѣ чашку кашицы и чурекъ. Потомъ пришолъ старикъ, осмотрѣлъ на мнѣ кандалы, не забылъ привалить къ скрипучей двери наковальню и расположился спать. Въ каминѣ горѣлъ огонь. Съ тревожными мыслями заснулъ и я.

13-го февраля.

Проснулся рано. Старикъ всталъ, посмотрѣлъ мои кандалы, взялъ топоръ и ушелъ изъ сакли. Я остался одинъ и съ горечью вспомнилъ этотъ незабвенный въ моей жизни день: въ этотъ день скончался дражайшій мой родитель. Слезы ручьемъ полились изъ глазъ моихъ..... Явился хозяинъ, поздоровался со мной и ушелъ. Хозяйка принесла кашицы и чурекъ. Спустя немного, забѣжалъ ко мнѣ Мустафа,—сказалъ, что ему сегодня некогда и завтра, по возвращеніи изъ Андреевскаго аула, у меня будетъ. Я вышелъ изъ сакли и тяжелыми стопами направился въ гору. Хозяинъ прошелъ мимо меня, но не сказалъ ни слова. Сѣлъ я на приталинкѣ, какъ жаворонокъ, возлѣ огромнаго чанароваго дерева и сталъ разсматривать окрестность. Солнце ясно выкатывалось изъ-за горъ и своими лучами пригрѣвало землю. Съ горъ журчала вода; р. Яманъ-су шумѣла. Съ деревьевъ осыпался иней. Въ лѣсу черкесы рубили столѣтніе чанары, которые съ трескомъ валились на землю, и ихъ возили на буйволахъ въ аулъ. Жаворонки пѣли; филины кричали какимъ-то страннымъ голосомъ. Черкешенки гнали на водопой скотъ; нѣкоторыя носили изъ протока на плечахъ воду въ кувшинахъ. Ко мнѣ подходили ребятишки; у нихъ были кинжалы и небольшіе пистолеты. Они садились возлѣ меня и смотрѣли очень недружелюбно. Между собой говорили

по чеченски и я не понималъ. Но вотъ я остался одинъ, сталъ смотрѣть въ землю и тутъ замѣтилъ: что-то свѣтится, въ родѣ звѣздочекъ. Покопалъ щепкой немного въ землѣ—звѣздочки умножались. Мнѣ пришло на умъ, что это, должно быть, какой-нибудь горный металлъ, и подумалъ: дай Богъ нашему царю скорѣе покорить Шамиля съ его хищными народами и завоевать эту мятежную землю, въ которой можно найти не мало богатства и изобилія; Богъ дастъ, настанетъ конецъ этимъ постояннымъ бранямъ и кровопролитіямъ, и нашъ царь овладѣетъ этою прекрасною страной... Въ сихъ размышленіяхъ я замѣтилъ—вдали съ горы къ аулу спускались какіе-то два человѣка въ бѣлыхъ чалмахъ, ведя осѣдланныхъ лошадей. Хозяинъ мой, увидѣвъ этихъ людей, пошелъ къ нимъ скорыми шагами, и долго о чемъ-то съ ними разговаривалъ; при чемъ всѣ трое посматривали на меня. Когда тѣ отправились далѣе, хозяинъ подошолъ ко мнѣ и, вздохнувъ, спросилъ:

— «Сенике ватанъ баръ» (есть-ли у тебя жена?).

— «Баръ катанъ улу нике кызъ» (у меня есть жена, сынъ и двѣ дочери).

Хозяинъ опять вздохнулъ и пошолъ отъ меня въ свою саклю. Я совершенно терялся въ догадкахъ: для чего это онъ спросилъ меня о моемъ семействѣ? Я думалъ, что нѣтъ ли тутъ какой связи съ моей запиской къ Осипу Фавишевичу, у котораго я просилъ для выкупа меня 300 рублей. Мнѣ по опыту извѣстно, что худо дѣлается скоро, а добро творится медленно. И Фавишевичъ едва-ли обратитъ вниманіе на мою записку. Вотъ если бы онъ хоть догадался и написалъ женѣ моей въ Выѣздную слободу—другое дѣло: жена, можетъ быть, какъ нибудь собрала бы въ Арзамасѣ отъ сродниковъ и знакомыхъ требуемую сумму. Но это дѣло могло очень затянуться. Я заплакалъ неутѣшно... Уже вечеромъ, когда воздухъ началъ чувствительно холодѣть, я приплелся въ саклю, поужиналъ извѣстной кашицы съ чуреком и расположился у огня. Пришолъ мой неизмѣнный стражъ—старикъ, съ охапкой дровъ и, бросивъ ихъ возлѣ меня, сердито сказалъ: «ма, салдатъ, отъ—салъ» (на, солдатъ, клади на огонь). «Чтожъ,—подумалъ я: отъ бездѣлья и то рукодѣлье», и сталъ подкладывать дрова въ огонь.

14-го февраля

Рано утромъ пришолъ ко мнѣ Мустафа и сказалъ, что онъ только-что прибылъ изъ Андреевскаго аула, гдѣ видѣлся съ своей женой, которая передала ему обо мнѣ слѣдующее: на другой день моего плѣна (9-го февраля), утромъ, Фавишевичъ, будто бы, заявилъ полковому командиру Козловскому, что ночью я не пришолъ домой изъ Андреевскаго аула, куда онъ, Фавишевичъ, послалъ меня по дѣлу. Полковникъ полагалъ, что меня убили Андреевскіе татары или передали въ горы хищникамъ, и поэтому приказалъ солдатамъ искать меня по подозрительнымъ въ аулѣ саклямъ; но эти по-

всѣми, разумѣется, оказались тщетными. На другой день найдена была по дорогѣ въ аулъ та записочка, которую я писалъ Фавишевичу о своемъ выкупѣ, и теперь, будто бы, полковникъ, по просьбѣ Фавишевича, хлопочетъ выкупить меня или сдѣлать промѣнъ на хищниковъ, содержащихся на обвахтѣ. Но когда это будетъ — неизвѣстно. Разумѣется, я былъ очень радъ этимъ вѣстямъ.—Послѣ этого хозяинъ принесъ мнѣ извѣстный обѣдъ; я сталъ ѣсть, а онъ разговаривалъ съ Мустафой. По уходѣ хозяина, Мустафа передалъ мнѣ свой разговоръ съ нимъ. Хозяинъ говорилъ, что вчера мимо здѣшняго аула проѣзжали два черкеса изъ купцовъ, узнали, что у него есть плѣнный (т. е. я) и покупали меня за 100 барановъ; но хозяинъ на это не согласился и сказалъ, что онъ еще подождетъ—не будетъ ли лазутчика изъ Андреевскаго аула на счетъ выкупа меня за деньги: это для него удобнѣе, такъ какъ деньги всегда можно имѣть при себѣ, а скотъ держать опасно, даже отъ набѣговъ русскихъ. Потомъ мы цѣлый день играли въ карты. Уходя, Мустафа сказалъ мнѣ, что, кажется, его скоро простятъ, и тогда онъ будетъ въ состояніи отсюда меня украсть. Обрадовало меня и это. Я заснулъ съ пріятными мечтаніями. Сонъ мнѣ привидѣлся: будто, мой покойный родитель, пришедши ко мнѣ въ эту саклю, сказалъ: «что ты, Николай, здѣсь сидишь? Я тебя давно ищу. Пойдемъ скорѣе». И, взявъ меня за руку, повелъ изъ сакли. Мы вышли на ровную, чистую дорогу; по обѣимъ сторонамъ зеленѣлись обширные луга съ сочной высокой травой и цвѣли цвѣты. Я былъ очень радъ..... и проснулся.

15-го февраля.

Я началъ разводить въ каминѣ огонь. Старикъ проснулся, быстро всталъ, посмотрѣлъ на мнѣ кандалы и взглянулъ на дверь: она была не завалена наковальней. Старикъ покачалъ головой и чуть слышно сказалъ: «алла, алла». Чрезъ нѣсколько времени хозяйка принесла мнѣ обычную порцію кашицы и чуреку. Поѣвши, я пошолъ изъ сакли на прежнее мѣсто къ высокому чанару; сѣлъ на камень и, смотря какъ-бы на знакомую мѣстность, призадумался.—Ко мнѣ подошолъ пожилыхъ лѣтъ мужчина; въ одной рукѣ онъ держалъ деревянную необдѣланную ложку, а въ другой—родъ топорика, которымъ ложку эту обдѣлывалъ. Онъ поздоровался со мной, сѣлъ и изломаннымъ кумыцкимъ языкомъ сталъ говорить; я съ трудомъ понималъ его. Мущина объяснилъ, что онъ тавлинецъ, живетъ въ здѣшнемъ аулѣ. При этомъ онъ указалъ рукою на одну изъ саклей. Потомъ говорилъ, что у него есть много всякаго хорошаго оружія, овецъ, лошадей и рогатаго скота; имѣетъ дочь. Вслѣдъ за тѣмъ, совершенно неожиданно для меня, онъ предложилъ мнѣ, чтобы я взялъ дочь его въ замужество и остался здѣсь навсегда. Я ему отвѣчалъ, какъ умѣлъ, что у меня есть жена и дѣти, и законъ нашъ не позволяетъ жениться при живой женѣ. Тавлинецъ покачалъ

головой, вздохнулъ и задумался. Потомъ онъ сталъ обдѣлывать ложку, которую и похвалилъ. Овъ ушолъ отъ меня, не сказавъ болѣе ни слова.

День былъ ясный, теплый. Я просидѣлъ до вечера, когда стало холодать: тутъ я возвратился въ саклю; развелъ въ каминѣ огонь. Пришолъ Мустафа и сказалъ, что онъ былъ въ мечети. Вслѣдъ за нимъ хозяинъ принесъ мнѣ молочной кашицы съ сорочинскимъ просомъ и два куриныхъ яйца, промолвивъ, что сегодня у нихъ «байрамъ» (праздникъ). Потомъ онъ началъ разговаривать съ Мустафой, который разговоръ этотъ переводилъ мнѣ. Хозяинъ говорилъ, что, по случаю давнишней брани съ русскими, у нихъ въ горахъ все дорого; не будь этой брани—было бы совершенно на оборотъ: самый хлѣбъ ничего бы не стоилъ, потому что почва здѣсь плодороднѣйшая. Житье имъ стало трудное и потому, что надобно бояться и Шамиля, и русскихъ, которые всегда могутъ напасть на нихъ въ расплохъ и истребить до основанія. Поэтому, если ему, хозяину, удастся продать меня въ горы или получить выкупъ съ русскихъ, то онъ оставитъ здѣшнія мѣста и приметъ русское подданство. Мы стали играть въ дурачки. Чрезъ нѣсколько времени вошолъ въ саклю рослый, совсѣмъ вооруженный, черкесъ, котораго хозяинъ и Мустафа приняли благосклонно и съ почтеніемъ просили садиться. Этотъ черкесъ посмотрѣлъ на меня очень свирѣпо, какъ звѣрь; казалось, своими быстрыми глазами онъ хотѣлъ съѣсть меня. Такой взглядъ былъ для меня неудивителенъ, потому что рѣдкій азіатъ смотрѣлъ на меня съ улыбкой или сожалѣніемъ. Это и понятно. Всѣ горскіе народы отъ вѣка своего жили свободно и независимо ни отъ кого. Только съ русскими они вели давнишнюю безпрерывную брань. Во все это время много пролито русской крови; а изъ горцевъ, можетъ быть, изъ десяти одинъ найдется, у котораго не былъ бы убитъ русскими дѣдъ, отецъ, сынъ—какой-либо родственникъ. Поэтому, какъ же иначе, какъ не съ ненавистью долженъ былъ смотрѣть на меня азіатъ?

Пришедшаго черкеса я еще не видалъ у себя въ саклѣ, и думалъ: не пришолъ ли онъ сюда покупать меня или вести къ Шамилю? Сердце мое забилось. Я спросилъ о черкесѣ Мустафу, который отвѣчалъ, что это — здѣшняго аула житель, отважный храбрецъ, уважаемый всѣми, даже самимъ Шамилемъ; онъ только сегодня пріѣхалъ изъ горъ. Я успокоился. Пришедшій черкесъ не умѣлъ играть въ карты; онъ только смотрѣлъ на насъ. Потомъ вступилъ со мной въ разговоръ, выражаясь по кумыцки съ изломаннымъ русскимъ языкомъ.

— Сколько у вашего царя войска? спросилъ меня черкесъ.

— Много,—отвѣтилъ я. А у вашего Шамиля сколько?

— Годныхъ къ ружью выйдетъ тысячъ 60.

— У нашего царя въ 30 разъ больше.

Черкесъ подумалъ и потомъ сказалъ:

— Ваши четыре солдата не стоятъ нашего одного горца. У насъ каждый пріученъ стрѣлять съ малолѣтства. Съ малыхъ же лѣтъ каждому внушается, что русскіе много убили нашихъ и они наши враги. Потому, черкесъ модничаетъ убить русскаго и промаха не даетъ: дорожитъ пулей. Опять и то: мы хорошо знаемъ мѣстность. Русскій солдатъ всегда идетъ грудью: открытъ для нашихъ выстрѣловъ, и мы стрѣляемъ то съ дерева, то изъ-за камня. Въ насъ не легко попасть. Потомъ, помолчавъ, онъ спросилъ меня:

— Когда выгоняютъ скотъ для питья изъ Незапной крѣпости на р. Акташъ, и бываетъ ли при немъ конвой?

— Поитъ скотъ, — отвѣчалъ я, — когда взойдетъ солнце и туманъ совсѣмъ разсѣется; если же есть туманъ, то скотъ на Акташъ не гоняютъ: боятся черкесовъ. Да вамъ зачѣмъ это знать?

— Мнѣ давно хочется угнать скотъ изъ Незапной,—сказалъ черкесъ.

— Но вокругъ всей крѣпости расположены секреты,—возразилъ я. Сейчасъ дадутъ знать на обвахту; забьютъ тревогу и маіоръ Кишинскій въ самыхъ горахъ васъ будетъ преслѣдовать.

— Охъ, ужъ этотъ Кишинскій,—сказалъ черкесъ. Много вреда онъ намъ дѣлаетъ. Но когда нибудь онъ попадется же намъ. Тогда съ живаго кожу сдеремъ и вамъ пришлемъ чучело. Намъ много еще вредитъ вашъ толстый полковникъ [1]); и до него доберемся. Онъ прошлой весной много нашихъ черкесовъ перебилъ.

— Да, правда,—замѣтилъ я. Хоть меня въ то время и не было, но я слышалъ, что 23-го апрѣля приходилъ Шамиль къ Незапной крѣпости и полковникомъ Козловскимъ былъ прогнанъ съ большимъ урономъ.

Послѣ этого разговора черкесъ ушолъ. Затѣмъ, Мустафа разсказалъ мнѣ новость, что Шамиль издалъ повелѣніе по всей Чечнѣ, чтобы его подвластные горскіе народы не курили табаку и не пили водки. Какой смыслъ въ этомъ повелѣніи—мнѣ было неизвѣстно. Я спросилъ Мустафу:

— А что, исполняютъ это повелѣніе?

— Да,—отвѣчалъ онъ,—въ самой точности. Даже и я не могу курить здѣсь явно, а курю секретно; потому—какъ разъ наживешь себѣ худо.

Мустафа просидѣлъ у меня до поздней ночи, и потомъ ушолъ въ свою саклю. Мы остались вдвоемъ со старикомъ, который скоро заснулъ. А я началъ думать: нельзя ли бы мнѣ убѣжать какъ нибудь? Вотъ, еслибы можно было чѣмъ нибудь разбить желѣзы, или отпереть ихъ. До Незапной не болѣе 40 верстъ; дорогу я помню. Но если навстрѣчу попадутся хищники—что тогда? Положимъ, я могу взять со стѣны кой-какое оружіе, но вѣдь все-таки я буду одинъ въ дорогѣ..... Вдругъ собачій лай разнесся по всему аулу; люди начали громко кричать. Старикъ проснулся, выбѣжалъ изъ

[1]) Это Кабардинскаго полка командиръ Козловскій. Н. Ш.

сакли и чрезъ нѣсколько времени возвратился, сказавъ мнѣ: «касъ-кыръкельды» (къ скоту пришли волки). Шумъ въ аулѣ продолжался не болѣе полчаса и затѣмъ все смолкло. Старикъ уснулъ, а вмѣстѣ съ нимъ и я.

16-го февраля.

Утромъ пришелъ ко мнѣ хозяинъ и, послѣ привѣтствія «аманъ», разсказалъ мнѣ, что ночью приходили волки и утащили много овецъ. Хозяйка принесла мнѣ кашицы и чуреку. Потомъ пришелъ ко мнѣ Мустафа съ извѣстіемъ, что по утру тысячнаго зачѣмъ-то потребовали къ Шамилю. «Вотъ,— подумалъ я, — теперь, вѣрно, скоро и меня поведутъ къ нему». Между тѣмъ, пріѣхали четверо моихъ прежнихъ товарищей, которые ѣздили на грабежъ. Мустафа объяснилъ мнѣ, что имъ на воровствѣ удачи не было никакой, и что дня черезъ три они отправятся за добычей на самый Терекъ. Весь день играли въ дурачки. Вечеромъ хозяйка принесла мнѣ извѣстное кушанье, къ которому я сталъ привыкать. Товарищи мои, вѣрно, утрудившись въ дорогѣ, скоро легли спать, а за ними и старикъ.

На дворѣ былъ морозъ; въ саклѣ становилось холодно. Я прибавилъ въ огонь дровъ и безмолвно грѣлся. Старикъ позабылъ запереть дверь и завалить ее ваковальней. Я задумалъ бѣжать. Вышелъ тихонько изъ сакли и направился къ конюшнѣ: она оказалась незапертой. Я также тихо вернулся въ саклю и сталъ обдумывать сдѣдующее:—оружіе, развѣшенное по стѣнамъ, надобно вынести и спрятать; если черкесы мои и проснутся—не бѣда: у нихъ не будетъ оружія. Затѣмъ, возьму съ собой два ружья, пистолетъ и кинжалъ; осѣдлаю лошадь, отведу ее изъ аула сажень 40, разобью кинжаломъ свои желѣзы, сяду на лошадь и ускачу. Если попадется кто изъ хищниковъ—у меня все-таки три выстрѣла. Да,—думалъ я,—надо бѣжать! Благослови меня Господи! И началъ кандалы свои обвертывать тряпкой, чтобы они не брянчали. Только-что хотѣлъ достать сѣдло и оружіе, какъ одинъ изъ черкесовъ заворочался, приподнялъ голову и, взглянувъ на меня, спросилъ:

— «Не турассанъ» (что ты сидишь?)

— «Бекъ сувукъ» (очень холодно),—отвѣчалъ я, и затрясся, какъ въ лихорадкѣ.

Черкесъ всталъ и вышелъ изъ сакли, а чрезъ нѣсколько минутъ вернулся. Хотя онъ и легъ спать, во все что-то ворочался. Нѣтъ, — подумалъ я, — видно, не насталъ еще часъ моего побѣга, и началъ развертывать съ желѣзъ моихъ тряпку. Послѣ этого я легъ у самаго огня; во отъ сильнаго волненія и мыслей о дорогихъ родныхъ не могъ заснуть до самаго разсвѣта.

17-го февраля.

День начался обычнымъ движеніемъ въ аулѣ. Рано пришолъ ко мнѣ Мустафа и, вынувъ изъ кармана трубку и табакъ, сказалъ:

— Хотъ Шамиль и запретилъ курить въ горахъ табакъ, но — только своимъ подданнымъ; а вы не подданные—плѣнные: сегодня здѣсь, а завтра у русскихъ.

— Твоими бы устами да медъ пить,— промолвилъ я.

Потомъ пришолъ хозяинъ съ четырьмя моими прежними товарищами. Онъ спросилъ меня:

— «Аманъ-ма, салдатъ» (здоровъ ли солдатъ?).

— «Бекъ-аманъ» (очень здоровъ),—отвѣчалъ я. Хозяинъ улыбнулся.

Спустя немного, хозяйка принесла мнѣ обычное кушанье. Потомъ играли въ карты. Около полудня я вышелъ изъ сакли и, сѣвъ на толстое сухое дерево, предался своимъ печальнымъ думамъ.... Тутъ пришолъ ко мнѣ хозяинъ и сказалъ:

— «Юръ мень курсетемъ атъ-кансы урланда Андревъ аулъ у салдатъ» (пойдемъ, я покажу тебѣ лошадей, которыхъ украли въ Андреевскомъ аулѣ у солдатъ). Дѣйствительно, я увидѣлъ великолѣпныхъ четырехъ лошадей, принадлежавшихъ батальону Замойскаго полка, расположеннаго въ Андреевсвомъ аулѣ.

Вечеромъ опять сѣли за карты. Правда, это—пустое занятіе; но въ моемъ положеніи—и за то спасибо: безъ этого развлеченія обуяла бы меня скука смертная и дума горькая. Къ полуночи игра кончилась и я, завернувшись въ свою дырявую шубу, подложивъ подъ голову кулакъ, уснулъ. Мнѣ привидѣлся сонъ, будто меня привели къ Шамилю, который уже былъ не молодъ, съ подкрашенною бородой, худощавый, въ пестрой чалмѣ, въ бѣломъ шелковомъ бешметѣ, подпоясанный наборнымъ серебромъ ремнемъ, съ убраннымъ драгоцѣнными камнями кинжаломъ;—онъ сидѣлъ на прекрасномъ персидскомъ коврѣ, поджавъ подъ себя ноги. Я ему поклонился и онъ также, сказавъ: «аманъ, московъ». Я сказалъ: «аманъ», и проснулся. Да,—подумалъ я,—можетъ быть, сонъ мой осуществится сегодня же. И что со мною будетъ? Я слышалъ, что Шамиль круто обходится съ нашими офицерами, попавшими къ нему въ плѣнъ. А ужъ мнѣ и думать нечего о какой нибудь милости, или снисхожденіи. Впрочемъ и то: вѣдь я не сдѣлалъ никакого зла повелителю горскихъ народовъ; такъ за что же онъ меня будетъ тиранить? Но—чему быть, того не миновать.

18-го февраля.

Утромъ, по обыкновенію, пришолъ ко мнѣ хозяинъ и, послѣ обычнаго привѣтствія, сказалъ:

— «Монда турассанъ сигасъ кунъ» (ты здѣсь сидишь осьмой день).

Послѣ этого ушолъ. «Вѣрно, — подумалъ я, — хозяинъ высчитываетъ цѣну меня».

Явился Мустафа и передалъ мнѣ, что если не завтра, то послѣ завтра тысячный поведетъ меня къ Шамилю.

Я ничего не сказалъ, а только вспомнилъ прошедшій сонъ. — Хозяйка принесла мнѣ больше обыкновеннаго чурекъ и кашицы; она какъ будто знала, что мнѣ предлежитъ не легкій путь къ повелителю горскихъ народовъ. Когда я пообѣдалъ, Мустафа, подавая мнѣ трубку, сказалъ:

— Кури и накурившйся. У Шамиля курить не дозволятъ.

Мы вышли изъ сакли и сѣли на пригоркѣ.

— Ты очень измѣнился въ лицѣ,—промолвилъ Мустафа.

Я согласился, что это можетъ быть, — и снова началъ говорить ему о своей тоскѣ, по пословицѣ: «у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Потомъ Мустафа ушолъ.

Весь день и вечеръ провелъ я невыразимо скучно.

19-го февраля.

Когда я проснулся, въ саклѣ было уже свѣтло. Товарищи мои встали, надѣли на себя свои боевые доспѣхи, осѣдлали лошадей и уѣхали на грабительскій промыселъ. Скоро пришолъ ко мнѣ Мустафа, а за нимъ — хозяинъ, который сказалъ мнѣ черезъ Мустафу, что его тревожитъ тысячный относительно того, чтобы меня вести къ Шамилю, и затѣмъ съ огорченіемъ оставилъ саклю. Думать надобно, что это огорченіе происходило отъ того, что Фавишевичъ не присылалъ лазутчика съ выкупомъ за меня, а, при отправкѣ меня къ Шамилю, хозяинъ могъ и ничего не получить; значитъ— труды его и какое ни на есть содержаніе мое пропали для него даромъ.— Мустафа угостилъ меня трубкой, обѣщался придти ко мнѣ завтра по раньше проводить меня, какъ поведутъ къ Шамилю, и обо всемъ поговорить. Онъ удалился.

Скушавъ чурекъ и кашицу, я вышелъ изъ сакли и, поднявшись въ гору, сѣлъ на камнѣ. Знакомыя картины!.. Я сталъ смотрѣть въ ту сторону, куда меня поведутъ: тамъ синѣли высокія горы, на вершинахъ которыхъ бѣлѣлся снѣгъ и клубился густой туманъ, а тамъ—облака неслись по направленію полуденнаго вѣтра къ сѣверу. Выглянуло солнце, но прискорбное сердце мое не находило отрады.....

Ко мнѣ подошолъ какъ будто черкесъ, не высокаго роста; при немъ былъ одинъ кинжалъ. Подошолъ ко мнѣ и чисто по-русски сказалъ: «здравствуй, братъ». Это меня удивило, и я полюбопытствовалъ узнать: кто онъ?

— Я,—сказалъ онъ,—Кабардинскаго полка солдатъ, татаринъ. Изъ полка бѣжалъ, ужъ года три. Живу здѣсь, въ аулѣ. Вонъ моя сакля. (При этомъ онъ протянулъ правую руку къ краю аула). Я видѣлъ, когда тебя вели два брата—кумыки. Говорятъ, изъ Андреева аула. У меня знатная собака; первая въ здѣшнемъ аулѣ.

— Видѣлъ, братъ, твою собаку, какъ вели меня въ этотъ аулъ. Собака злая. Еслибы ее въ Россію—для гуртовщиковъ, то не пожалѣли бы и

ста рублей, потому—не подпуститъ къ скоту хищнаго волка. А какой ты губерніи и уѣзда?

— Оренбургской,—отвѣчалъ онъ; Каргалинской слободы житель.

— Я, любезный, очень хорошо знаю Оренбургъ и слободу Каргалу. Тамъ у меня есть знакомые купцы и татары. Я покупалъ у нихъ барановъ. Да и на мѣновномъ дворѣ, въ 1828 г., прикащикъ мой имѣлъ тамъ лавку и обмѣнивалъ барановъ на красный товаръ у киргизовъ.

Солдатъ спросилъ:

— А какъ звали прикащика?

— Иванъ Семисъ [1]),—отвѣтилъ я.

— Я служилъ у него 4 мѣсяца въ томъ году,—началъ татаринъ. Водилъ киргизовъ въ его лавку, именно мѣнять барановъ на товаръ. За это получалъ отъ него хорошее жалованье. Но васъ въ лавкѣ не видалъ. Къ вашему прикащику я поступилъ въ августѣ мѣсяцѣ.

— Въ это время меня ужъ не было въ Оренбургѣ. Уѣхалъ. Но вотъ что, любезный другъ: какой странный случай видѣть въ горахъ, у хищниковъ, своего работника! Какъ ты сюда попалъ?

— Въ солдаты я пошолъ за братьевъ; потому — у нихъ дѣти. Назначили въ этотъ самый Кабардинскій полкъ. Пригнали на Кавказъ. Но какъ я привыкъ дышать свободой, то не хотѣлъ служить, ушолъ сюда и живу ладно: развѣ только при большой тревогѣ потребуютъ къ Шамилю. Да и то отлыниваю. Что я за дуракъ такой—въ своихъ стрѣлять? Это противно и грѣшно. Живу себѣ здѣсь, коплю копѣйку; завелся саклей; хочу жениться. Можетъ быть, здѣсь и умру.

Тутъ онъ попросилъ меня разсказать ему мою исторію жизни. Разумѣется, я съ удовольствіемъ исполнилъ эту просьбу, и свою печальную повѣсть заключилъ такъ:

— Ты видишь — я теперь плѣнный человѣкъ у хищниковъ. У меня осталось милое, дорогое семейство. Мнѣ его душевно жаль. А какъ ты ѣлъ мой хлѣбъ и слышалъ обо мнѣ, кто я былъ таковъ, — то, добрый работникъ мой, помоги мнѣ въ моемъ несчастіи: помоги мнѣ отсюда бѣжать. Я могу, тамъ, дать тебѣ 200 рублей.

При этомъ я взялъ его за руки и самъ горько заплакалъ.

— Я слышалъ, почтенный мой хозяинъ,—сказалъ татаринъ,—что завтра васъ поведутъ къ Шамилю. Вырваться оттуда трудно. Я бы помогъ вамъ, только.... (Тутъ онъ задумался). Знайте: изъ этого проклятаго аула черкесы часто ѣздятъ на воровство, или къ роднымъ и знакомымъ въ Андреевскій аулъ. Вѣдь попадешься — смерти не минуешь. А дорога не близка. Положимъ, до Незапной добѣжать можно. Все-таки.....

---

[1]) Фамилія киргизская; по русски—значитъ: жирный. Н. Ш.

Тутъ татаринъ опять задумался и потомъ сказалъ:

— Мнѣ жалко васъ, хозяинъ, — и хочется сдѣлать вамъ добро. А денегъ вашихъ мнѣ не надо, да и трудно получить ихъ; опасно..... Когда бы вы вышли изъ плѣна, то, по крайней мѣрѣ, сказали бы, что татаринъ освободилъ васъ только изъ одного сердоболія.

Мой собесѣдникъ снова умолкъ. Затѣмъ онъ, оглянувшись кругомъ, началъ говорить мнѣ слѣдующее:

— Да, такъ: я хочу только помочь вамъ. И вотъ что я сдѣлаю: желѣзы на вашихъ ногахъ отопру; провожу два караула; дорогу разскажу, а самъ вернусь поспѣшно въ свою саклю. Бѣгите до Незапной, какъ знаете. Если же на дорогѣ вы попадетесь хищникамъ, и будете живыми возвращены въ этотъ аулъ, или въ другіе немирные аулы, то никакъ не открывайте: кто вамъ отперъ желѣзы и выпроводилъ отсюда. Въ дорогѣ не медлите.

Въ порывѣ радости я произнесъ:

— Ты—второй отецъ мой, покровитель и избавитель въ гоненіяхъ моихъ и всего рода моего во вѣки.

Татаринъ говорилъ мнѣ:

— Теперь ступайте въ свою саклю: насъ могутъ замѣтить. Я буду у васъ передъ вечеромъ, когда ваши хозяева будутъ въ мечети, и принесу вамъ—чѣмъ можно отпереть на вашихъ ногахъ желѣзы. Дайте, взгляну.

Онъ посмотрѣлъ на ногахъ моихъ желѣзы и, сказавъ «хорошо», молвилъ:

— Ужо, какъ выйдете изъ сакли, идите вонъ по той тропинкѣ (онъ указалъ рукой), и ждите меня. Я свистну.

У меня былъ точно чадъ въ головѣ. Неужели это правда? Вѣдь правда такъ не сбыточна!.... Я утеръ кулакомъ катившіяся по лицу моему слезы и пришолъ въ свою саклю. Растопилъ каминъ и сталъ смотрѣть на свои желѣзы. Будетъ ли мнѣ обѣщанный ключъ отпереть ихъ? Жду—не дождусь своего благодѣтеля-татарина. Но вотъ онъ торопливо вошолъ въ саклю и сказалъ:

— Давай отпирать ваши желѣзы: скоро изъ мечети придутъ хозяева.

Онъ вынулъ изъ кармана какія-то четыре желѣзки, изъ коихъ одной было очень ловко отпереть замокъ на моихъ кандалахъ. Эту желѣзку я взялъ.

— Иди тихо,—сказалъ татаринъ,—какъ бы собаки не услыхали.

И поспѣшно ушолъ.

Хозяйка принесла мнѣ чурекъ и кашицу. Я подумалъ: «можетъ быть, въ послѣдній разъ угощаюсь этимъ кушаньемъ».—Покушавши, осмотрѣлъ свои чевяки: онѣ были худыя. Ни чулокъ, ни портянокъ нѣтъ. Я разодралъ неприглядную хозяйскую рубашку, въ торопливости, дрожащими руками, обмоталъ свои ноги и надѣлъ худыя чевяки.—Пришолъ мой страж-

старикъ, сѣлъ возлѣ огня и сталъ со мною грѣться. Потомъ онъ осмотрѣлъ на мнѣ кандалы, завалилъ дверь наковальнею и легъ спать. «Господи! подумалъ я, можетъ быть, этотъ старичекъ въ послѣдній вечеръ исполняетъ свой дозоръ: осматриваетъ на мнѣ желѣзы и запираетъ дверь. Когда я уйду, онъ, вѣроятно, получитъ за меня жестокіе побои». Мнѣ стало его жаль (а себя— не скрою — больше). Я легъ возлѣ старика и притворился спящимъ. Черезъ нѣсколько времени, будто во снѣ, я толкнулъ старика ногой, но онъ лежалъ, какъ убитый. Тутъ я всталъ, перекрестился, отперъ замокъ на кандалахъ желѣзкой, которую мнѣ далъ татаринъ, взялъ небольшую палку и тихо, осторожно вышелъ изъ сакли. Собаки не почуяли меня. Выбрался я изъ аула и по указанной тропинкѣ пошолъ на гору. Тутъ остановился близь толстаго чанароваго дерева и сталъ прислушиваться. Прошло минутъ 10. Слышу — кто-то идетъ ко мнѣ по тропинкѣ и, остановившись на минуту, тихонько свистнулъ. Это былъ мой благодѣтель-татаринъ, вооруженный по черкесски. Мы пошли скорыми шагами. Я не чувствовалъ подъ собою ногъ—какъ перо на воздухѣ поднимался. Перешли въ бродъ Янанъ-су и поднялись на гору въ лѣсъ. Тутъ добрый спутникъ мой сказалъ, что одинъ караулъ надобно обойти лишняго версты на три, чтобы не попасться съ этого караула возвращающимся въ свои аулы хищникамъ.

— Ради Бога, веди, гдѣ знаешь,—сказалъ я. Я теперь пройду не только что три лишнія версты, а и 20.

Мы пошли далѣе въ лѣсъ, безъ дороги, снѣгомъ, который подъ нашими ногами проваливался. Мои худыя чевяки были полны снѣгомъ; но мои разгоряченныя ноги того не чувствовали. Вышли изъ большаго лѣса въ маленькій, на узенькую, чуть-видную тропинку. Потомъ спутникъ приказалъ мнѣ сѣсть въ сторонѣ подъ кустъ; а самъ пошолъ по тропинкѣ къ караулу развѣдать: спятъ ли часовые? Минутъ черезъ 15 благодѣтель мой пришолъ ко мнѣ съ поспѣшностію, говоря, что всѣ караульные спятъ. Мы пошли тихо, съ осторожностью. Вотъ—и тѣ ворота, черезъ которыя вели меня аульскіе хозяева въ плѣнъ. Я взглянулъ на караулку, въ которой горѣлъ небольшой огонь, и—сердце мое забилось. Пролезли въ ворота очень осторожно; отъ нихъ дорога пошла подъ гору, къ рѣчкѣ Эраксу. Отошли не много; добрый провожатый мой остановился и сказалъ:

— Я, хозяинъ, больше провожать тебя не могу. Вотъ тебѣ дорога. Вправо не сворачивай—попадешь въ немирный аулъ Аухи. Если влѣво попадешь, когда перейдешь Эраксу, то выйдешь въ мирный Акташъ-аулъ, или на большую дорогу, которая идетъ съ линіи Акташъ-аула, и тебѣ будетъ все равно бѣжать до Незапной ли крѣпости, или до Акташъ-аула. Если же не собьешься съ прямой дороги, то прибѣжишь въ Незапную прямо. Будь остороженъ, прислушивайся. Чуть что заслышишь впереди—бросайся въ сторону. Въ случаѣ, поймаютъ тебя хищники — не сопротивляйся; ста-

новись на колѣни и проси прощенія: они это любятъ. Не теряй времени; оно для тебя дорого. Прощай.—Онъ крѣпко пожалъ мою руку и примолвилъ:

— Если благополучно доберешься до Незапной, вспомни, что я сдѣлалъ это для тебя изъ сердоболія. Прощай.

Я поклонился ему въ ноги и поцѣловалъ его.

Какъ стрѣла пустился я подъ гору. Добѣжалъ до Эраксу, перебрелъ ее по колѣна и побѣжалъ далѣе, опять подъ гору. По обѣимъ сторонамъ былъ лѣсъ и небольшіе каменные утесы. Мнѣ мерещилось, какъ будто за мной бѣгутъ. Остановлюсь на минуту, прислушаюсь,—и снова бѣгу. Дорога стала съуживаться. Вотъ татарскія кладбища; скорѣе—мимо ихъ. Ноги мои начали путаться въ наполненныхъ снѣгомъ чевякахъ. Потъ съ меня лилъ градомъ; страшную жажду утолялъ снѣгомъ, который хваталъ пригоршнями. Такъ пробѣжалъ я, примѣрно, верстъ 20 и сѣлъ въ изнеможеніи на снѣгъ. Какъ отъ лошади, послѣ долгой ѣзды въ морозную зиму, шолъ отъ меня паръ. Я заслышалъ: кто-то по тропинкѣ идетъ. На головѣ мокрые волосы встали у меня дыбомъ. «Ну, теперь не миновать мнѣ своей погибели», мелькнуло у меня въ умѣ. Я началъ всматриваться впередъ, откуда явственно слышался какой-то шорохъ, и увидѣлъ огромную дикую свинью. Какъ быть? Когда свинья приблизилась ко мнѣ саженъ на двѣ, я крикнулъ, что было мочи. Свинья шарахнулась съ тропинки въ сторону и, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ, въ снѣгу завязла. Потомъ полезла далѣе. Я тихо пошолъ по тропинкѣ, не спуская глазъ съ дикаго животнаго. Отойдя саженъ десять, пустился бѣжать, что называется, во всѣ лопатки. Долго ли бѣжалъ, не помню. Тутъ и черкесовъ забылъ. Остановился, посмотрѣлъ назадъ: не бѣжитъ ли за мной свинья? Нѣтъ, и рысью побѣжалъ далѣе. Взмокшая на мнѣ шубенка стала тяжела; въ пору бы ее и сбросить. А снѣгъ безпрестанно бросалъ себѣ въ ротъ, какъ воду на каменку. Отъ свиньи отбѣжалъ приблизительно верстъ 10. Мои портянки и чевяки размочалились. Я пошолъ шагомъ. Начала заниматься заря. Дорога виднѣлась впереди шире и шире, и мнѣ было очень способно бѣжать. Вотъ и лѣсъ сталъ рѣже. Потомъ—дорога санная, мнѣ попутная: вѣрно, въ Незапную. Тутъ я, немного отдышавшись, тихо проговорилъ: «Господи! вынеси раба твоего грѣшнаго. Не попусти врагамъ или звѣрямъ растерзать мое нечистое тѣло на чужбинѣ. И приведи мнѣ быть у Твоего св. гроба въ Іерусалимѣ, чтобы пролить чистосердечныя мои слезы за толь щедрыя и богатыя Твои милости».— Свѣтало. Мнѣ подумалось, что откуда нибудь, издали, хищники могутъ меня завидѣть и мнѣ будетъ невозможно укрыться отъ нихъ. Я бѣжалъ, сколько оставалось силъ моихъ. Слезы лились отъ встрѣчнаго вѣтра; но мнѣ было не до нихъ... Вотъ вдали, по правую сторону, я увидѣлъ башню Незапной крѣпости, а тамъ—и Андреевскій аулъ. Скоро лѣсъ совершенно кончился.

Я выбѣжалъ на большую дорогу, которая шла съ линіи отъ Терека. Вонъ, часовой на крѣпостной стѣнѣ. Я прибѣжалъ къ форштадскимъ воротамъ и упалъ замертво....

Фавишевичъ ужаснулся, увидѣвъ меня въ такомъ поистинѣ плачевномъ видѣ, и былъ очень радъ моему возвращенію. Онъ, по прежнему, взялъ меня къ себѣ на службу. Хоть и искажена была моя голова, но въ ней, благодаря Бога, умъ не повредился. — Прошло близь мѣсяца, и я началъ хлопотать по дѣлу о моемъ плѣнѣ. Пришолъ къ полковому командиру Козловскому, разсказалъ ему все дѣло и просилъ выдать мнѣ свидѣтельство о томъ, что въ плѣну у хищниковъ я дѣйствительно былъ. Командиръ сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ за то, что я иногда поздно ходилъ въ Андреевскій аулъ; однако приказалъ отобрать отъ меня въ полковой канцеляріи подробное объясненіе, выдать мнѣ надлежащее свидѣтельство и отнестись къ начальнику лѣваго фланга генералу Гасверту.

Послѣ того Фавишевичъ далъ мнѣ порученіе ѣхать на линію до Ставрополя для разузнанія цѣнъ на скотъ. Это порученіе мнѣ теперь было какъ нельзя болѣе кстати. 21-го марта я отправился верхомъ, при «оказіи», до Терека, а потомъ одинъ, по большой дорогѣ, на старое свое пепелище— Пятигорскъ. Здѣсь съ старинными пріятелями провелъ первые три дня пасхи и двинулся въ Ставрополь. По пріѣздѣ сюда, на Ѳоминой недѣлѣ, въ понедѣльникъ, я подалъ прокурору, съ приложеніемъ свидѣтельства о плѣнѣ, прошеніе, коимъ ходатайствовалъ «объ освобожденіи меня отъ помѣщичьяго владѣнія». Послѣ того возвратился въ Незапную крѣпость.

Помнится, въ первыхъ числахъ мая мѣсяца у насъ разнесся слухъ, что Незапную посѣтитъ главнокомандующій графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Онъ осматривалъ въ горахъ всѣ укрѣпленія. Ѣхалъ, будто бы, изъ Тифлиса чрезъ Темиръ-Ханъ-Шуру и аулы: Казіюртъ и Кустяки, а затѣмъ и Андреевскій. Въ назначенный день мы всѣ вышли за крѣпостныя ворота встрѣчать высокаго гостя. Когда графъ, съ многочисленнымъ конвоемъ и свитою, показался изъ Андреева аула, началась стрѣльба изъ крѣпостныхъ орудій. Онъ, украшенный сѣдинами, ѣхалъ на бѣлой черкесской лошади. Съ лица его не сходила привѣтливая улыбка. Подъѣхавъ къ намъ, графъ спрашивалъ: вѣтъ-ли кому отъ кого обиды или притѣсненія? Тогда полковникъ Козловскій представилъ меня предъ лицомъ графа. Его сіятельство очень ласково со мной говорилъ и распрашивалъ о моемъ плѣнѣ. Въ заключеніе онъ съ улыбкою сказалъ:

— Молодецъ! Скоро ушолъ отъ нихъ. Вѣрно, тебѣ тамъ не понравилось.

И съ тѣмъ поѣхалъ отъ меня. Въ крѣпости былъ разводъ, которымъ графъ остался доволенъ и благодарилъ Козловскаго. На другой день графъ

оставилъ Незапную и чрезъ Баташъ-Юртъ отправился на линію въ Кастыченское укрѣпленіе.

По отъѣздѣ графа, войско изъ крѣпостей начало стекаться въ сборный пунктъ—укрѣпленіе Таскичи. Съ своими нагруженными разною провизіей арбами притащились и мы. Войска собралось тысячъ до 30. Скоро прибылъ графъ Воронцовъ, и выступилъ изъ Таскичей къ Незапной [1]). Въ одномъ мѣстѣ войско расположилось на отдыхъ. Зной былъ нестерпимый, и потому всѣми чувствовалась сильная жажда. Отъ меня потребовали для графа портеру. Я взялъ съ дюжину бутылокъ и съ ними явился къ графу. Онъ спросилъ: какого я полка маркитантъ? Козловскій отвѣчалъ, что ввѣреннаго ему полка.

— Да это горскій плѣнникъ,—сказалъ съ улыбкою графъ. Сколько стоитъ бутылка портеру?

— Два рубля,—отвѣчалъ я.

Графъ подивился, что такъ дорого. Я высчиталъ всѣ расходы, во что обходится каждая бутылка маркитанту. Графъ покачалъ головой и сказалъ.

— На тебѣ за 10 бутылокъ (20 руб.).

Я поклонился и пошолъ къ своему обозу.

29-го мая войско, подъ начальствомъ графа Воронцова, выступило изъ Незапной на Метлинскую переправу черезъ рѣку Сулакъ. Съ этимъ войскомъ пошолъ самъ Фавицевичъ, а я получилъ расчетъ, и 12-го іюня отправился въ Ставрополь.

Здѣсь, въ областномъ правленіи, извѣстное дѣло мое затянулось разными справками, перепиской, да проволочками. Между тѣмъ, я получилъ отъ жены письмо съ извѣстіемъ, что тамъ, на родинѣ, прошолъ слухъ о моемъ плѣнѣ и новый бурмистръ (Тархова уже не было на свѣтѣ) писалъ въ Незапную крѣпость, въ полкъ, чтобы я высланъ былъ по этапу на родину. Но изъ полка отвѣчали, что меня тамъ нѣтъ и потому всѣ находятся въ недоумѣніи относительно моего пребыванія. А я спокойно торговалъ въ лавкѣ знакомыхъ купцовъ и ждалъ рѣшенія своего дѣла.

Наступило 16-е число октября. Поутру пришелъ ко мнѣ знакомый чиновникъ, поздравилъ меня съ освобожденіемъ отъ помѣщичьяго ига и просилъ идти въ Областное Правленіе за полученіемъ свидѣтельства. Выслушалъ я это и ни слова не могъ вымолвить счастливому вѣстнику. Бывали

---

[1]) Передъ этимъ выступленіемъ графъ отправилъ одинъ баталіонъ кабардинскаго полка съ нѣсколькими сотнями донскихъ казаковъ, подъ командою храбраго полковника Домбровскаго, въ горы, въ Чечню, съ тѣмъ, чтобы въ назначенное время и на извѣстномъ урочищѣ соединиться съ главнымъ отрядомъ. Но въ одной стычкѣ съ хищниками Домбровскій былъ убитъ; а нашъ прикащикъ съ рабочими едва спаслись. Н. Ш.

въ жизни моей радости, но такой, какъ въ настоящую минуту, я не испытывалъ никогда... Господь праведный, какъ много я чувствую безконечное Твое милосердіе... Отселѣ начинается для меня новая жизнь...

Какъ на крыльяхъ прилетѣлъ я въ Областное Правленіе. Столоначальникъ, вынесъ мнѣ свидѣтельство, я росписался въ исходящей книгѣ въ его полученіи и поклонился столоначальнику въ ноги; больше мнѣ нечѣмъ было благодарить его. Потомъ этотъ чиновникъ сказалъ мнѣ, что на дняхъ будетъ дано звать по сему дѣлу Нижегородскому Губернскому Правленію для объявленія моему помѣщику и женѣ моей съ дѣтьми. Я еще разъ низко поклонился и вышелъ. Придя къ знакомымъ, началъ было читать свидѣтельство, но слезы радости застилали зрѣніе, и я ничего не могъ разобрать. Да, такія рѣдкія, столь счастливыя минуты не забываются во всю жизнь. Вотъ и теперь, я стою уже на краю гроба, а вспоминаю ихъ съ неописуемымъ удовольствіемъ.

Денегъ у меня въ это время оставалось 3 рубля, да незавидные серебряные часы, которые я розыгралъ въ лотерею за 15 руб., и я задумался надъ тѣмъ: куда мнѣ пуститься, гдѣ приписаться? Тутъ получилъ я отъ двоюроднаго брата изъ Херсона письмо, которымъ онъ приглашалъ меня ѣхать къ нему. (Онъ былъ извѣщенъ мною, что я хлопочу въ Ставрополѣ о своей вольности). Я такъ и сдѣлалъ. Приписался въ херсонскіе мѣщане и извѣстилъ жену, чтобы она пріѣзжала съ дѣтьми ко мнѣ. Ее старались задержать и притѣснить (какъ она мнѣ разсказывала); но противъ закона и права ничего не могли подѣлать мѣстныя власти, тѣмъ болѣе, что главные мои гонители—помѣщикъ и главноуправляющій Рагузинъ въ это время отдали Богу свои грѣшныя души. Жена съ дѣтьми пріѣхала ко мнѣ въ Херсонъ и мы начали жить по новому.

Н. Н. Шиповъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ИСТОРІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шипова.

1846—1852 гг.

Я занимался разными коммерческими оборотами. Купилъ себѣ въ Херсонѣ небольшой домикъ. Главная моя забота теперь состояла въ томъ: что дѣлать съ старшимъ сыномъ, который хоть и хорошо учился въ Арзамасскомъ уѣздномъ училищѣ, но взятъ былъ изъ 2-го класса. Отдать его въ ремесленную работу, но у насъ въ роду не бывало ремесленниковъ. Пристроить въ лавку къ какому нибудь купцу; но тутъ онъ могъ натерпѣться много горя не только отъ пьянаго и безалабернаго хозяина, а и отъ взбалмошныхъ прикащиковъ,—и при томъ горя безполезнаго. Имѣй капиталъ я самъ, другое дѣло. Да и то: онъ все-таки вышелъ бы неучемъ. А потому рѣшилъ: отдать сына своего въ Херсонскую гимназію, что, съ разными затрудненіями и лишеніями, я и исполнилъ.

Весь 1847-й годъ я почти безвыѣздно прожилъ въ Херсонѣ. Побывалъ только въ Таврической губерніи, гдѣ намѣревался купить тарпановъ (дикихъ лошадей), и въ Кишиневѣ по дѣлу о наслѣдствѣ послѣ покойнаго моего шурина Ланина; но эти поѣздки во всѣхъ отношеніяхъ оказались для меня тщетными.

1848-й годъ тоже провелъ въ Херсонѣ. Упомяну только о случаѣ, бывшемъ со мною на масляницѣ. Изъ г. Алешки я переправлялся черезъ Днѣпръ по столь рыхлому льду, что рѣка вотъ-вотъ вскроется... ну, и чуть было не погибъ въ водахъ этой рѣки.

Въ началѣ 1849 г. вздумалось мнѣ побывать въ Ростовѣ, съ тѣмъ, не пріищу ли себѣ какого мѣста, или нельзя-ли заняться торговлей, да кстати —не получу-ли съ одного давнишняго должника сколько-нибудь долгу. Вздумалъ—и отправился чрезъ Екатеринославъ. Въ Ростовѣ я нечаянно встрѣтился съ однимъ пріятелемъ изъ Пятигорска, который сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ къ Моздокскому армянину выгонять изъ черной нефти бѣлую.

---

[3]) См. „Русск. Ст.“ изд. 1881 г., т. XXXI, (май), стр. 133—148; (іюнь), стр. 221—240; (іюль) стр. 437—478.

Тутъ и во мнѣ явилось желаніе побывать на столь памятномъ для меня Кавказѣ, тѣмъ болѣе, что, по полученнымъ мною здѣсь слухамъ, еврей Фавишевичъ торговалъ въ Грозной крѣпости, и онъ могъ снова принять меня къ себѣ на службу. Денегъ у меня было очень мало, и потому, 1 марта, я отправился на Кавказъ по образу пѣшаго хожденія. Дорога хоть и дальная, но мнѣ знакомая. Добрался до Ставрополя, гдѣ получилъ долгу 15 рублей. Пошолъ въ Моздокъ, куда прибылъ ровно черезъ мѣсяцъ по выходѣ моемъ изъ Ростова. Въ Моздокѣ я узналъ, что Фавишевичъ живетъ въ Грозной крѣпости не въ прежнемъ положеніи, а гораздо хуже, чуть-ли не въ бѣдности. Потому, я не счелъ за благо идти къ нему и рѣшилъ возвратиться въ Ростовъ. Зашелъ въ Пятигорскъ. 8-го мая прибылъ въ Ростовъ и, здѣсь пожившъ малое время, отправился пѣшкомъ же въ Таганрогъ. Этотъ городъ мнѣ показался очень красивымъ. Въ немъ обратилъ я свое вниманіе на дворецъ императора Александра Благословеннаго, въ которомъ сей незабвенный монархъ кончалъ остатокъ дней своихъ, и на прекрасный садъ, гдѣ великій монархъ прогуливался и отдыхалъ. Верстахъ въ двухъ отъ города—дубовая роща, насаженная, по сказаніямъ, при Петрѣ I-мъ. Изъ Таганрога пошолъ я въ Маріуполь, Бердянскъ, Мелитополь и Бреславль. Въ послѣднихъ числахъ іюля я увидѣлъ Херсонъ. Къ концу года ѣздилъ, по нѣкоторымъ дѣламъ, въ Одессу и на Аккерманскія соляныя озера.

Въ 1850 г. ѣздилъ я въ Кишиневъ все по тому же злосчастному дѣлу о наслѣдствѣ шурина моего Ланина. Магистратъ рѣшилъ: выдать мнѣ 45 рублей 50 коп.—это изъ пяти-то тысячъ руб.! Но въ градской полиціи и этихъ присужденныхъ мнѣ денегъ не оказалось. Я поѣхалъ въ Одессу и подалъ прошеніе генералъ-губернатору. Прибывъ въ Херсонъ, нашолъ письмо изъ Бухареста отъ одного должника, чтобы я пріѣхалъ къ нему за полученіемъ денегъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1851 г. я поѣхалъ, взявъ съ собою на всякій случай кинжалъ, какъ это со мною случалось при моихъ скитаніяхъ и странствованіяхъ (Кавказъ научилъ). Въ дорогѣ, за Кишиневомъ, верстахъ въ 12-ти, около полудня, я зашелъ въ корчму. Въ ней сидѣли два рослые, молодые молдавана; они были пьяны. Замѣтивъ у меня за поясомъ кинжалъ, они набросились на меня, крича, что я разбойникъ. Одинъ изъ нихъ вырвалъ у меня кинжалъ, при чемъ обрѣзалъ себѣ руку. Я взывалъ о помощи къ корчмарю, но онъ ничего не могъ подѣлать противъ буйныхъ своихъ гостей. Молдаване посадили меня въ свою повозку, и повезли къ Кишиневу. Проѣхали версты двѣ. Я увидѣлъ какихъ-то людей — тоже молдаванъ — и сталъ кричать: «караулъ»! Тѣ прибѣжали къ нашей повозкѣ. Одинъ изъ моихъ спутниковъ показалъ имъ мой кинжалъ и окровавленную руку, и сталъ говорить, что я обоихъ ихъ хотѣлъ зарѣзать. Не смотря на мои оправданія, всѣ молдаване кричали въ одинъ голосъ: „талгарь батэ, ляга“ (вора бей, вяжи). И связали, и били меня жестоко, и потомъ прежніе два

молодые молдавана повезли меня къ Кишиневу. Отъѣхавъ нѣсколько, они вылѣзли изъ повозки, отошли въ сторону и, что-то поговоривъ между собою, возвратились ко мнѣ; взяли у меня всѣ деньги, около 30 рублей, и бумаги. Потомъ одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ (по молдавански):

— Мы лишимъ тебя жизни.

Я палъ на колѣни и просилъ о пощадѣ. Они вновь отошли и опять стали совѣщаться.

— Если пустимъ тебя, будешь жаловаться въ Кишиневѣ,—сказали они, подойдя ко мнѣ очень близко.

— Какъ я могу на васъ жаловаться? вскричалъ я. Вѣдь я бѣглый солдатъ и всѣ документы у меня фальшивые. Пустите меня, я уйду за-границу, и болѣе васъ не увижу.

Тогда у одного молдавана смягчилось сердце и онъ молвилъ своему товарищу: «ласса» (оставь). Послѣ этого они оставили меня въ одномъ бурнусѣ и поѣхали къ Кишиневу.

Мнѣ-бы и надо было этимъ остаться довольнымъ. Нѣтъ, я вздумалъ искать правды и суда. При этомъ исканіи правды меня переводили изъ тюрьмы въ острогъ, изъ одного мѣста заключенія въ другое. Я сидѣлъ въ арестантской при земскомъ судѣ, въ Кишиневѣ. Однажды призвали меня въ этотъ судъ и, возвращая мнѣ мои бумаги, сказали:

— Ступай, братъ, куда хочешь, потому, ты ничего не доказалъ.

Я пошолъ пѣшкомъ въ Херсонъ. Но недолго здѣсь пробылъ, и отправился въ Яссы. Отсюда, 18-го августа, прибылъ въ Бухарестъ. Знакомаго должника моего, который просилъ меня пріѣхать за полученіемъ денегъ, здѣсь не оказалось: онъ выбылъ въ Константинополь. Благодаря помощи и содѣйствію знакомыхъ скопцовъ, я добрался кое-какъ до Херсона. Старшій сынъ мой былъ уже въ 7-мъ классѣ.

Въ январѣ слѣдующаго (1852) года со мной приключился такой случай:—однажды, на базарѣ, встрѣтился со мной кумъ мой, отставной унтеръ-офицеръ, съ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ. Они пригласили меня въ винный погребъ и стали разспрашивать меня: какимъ манеромъ переѣзжалъ я границу? Потомъ кумъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что пришедшій съ нами человѣкъ проситъ какимъ-то людямъ написать билеты для проѣзда. Я смекнулъ, что дѣло не чисто и посовѣтовалъ куму:

— Смотри, это не для тѣхъ ли людей онъ хлопочетъ, что недавно бѣжали отъ какого-то полковника, обокравши его. Разузнай хорошенько, и въ случаѣ чего немедленно дай знать полиціи.

Послѣ этого я ушолъ домой. Кумъ же отправился съ неизвѣстнымъ человѣкомъ въ тѣмъ людямъ, которымъ нужны были подложные паспорты на выѣздъ заграницу,—будто для опредѣленія ихъ роста и снятія примѣтъ, а когда это было исполнено, то онъ пошолъ домой, будто, писать билеты; но вмѣсто того, оповѣстилъ полицію. Подозрительныхъ лицъ взяли и посадили

въ острогъ. Прошло четыре дня. Тутъ потребовали меня съ кумомъ въ полицію и въ свою очередь засадили въ тотъ же острогъ. Оказалось, что неизвѣстныя лица утверждали на допросѣ, будто я съ кумомъ хотѣлъ перевести ихъ за границу. Кума предали суду военно-судной комиссіи; онъ былъ оправданъ. А я безъ всякаго суда просидѣлъ въ острогѣ три недѣли и выпущенъ: идя, молъ, себѣ съ Богомъ; не поминай лихомъ. А какъ не помянуть?!

Сынъ мой окончилъ гимназическій курсъ и въ августѣ намѣревался ѣхать въ лицей, въ Одессу. Я же 29-го іюня отправился пѣшкомъ въ Москву, а можетъ быть и въ Петербургъ, съ тѣмъ намѣреніемъ—не продамъ ли кому-нибудь свои тяжебныя дѣла хоть за безцѣнокъ. Девять со мною было два рубля. Шолъ на Николаевъ до Кременчуга. Денегъ у меня осталось 20 коп. Но Богъ не безъ милости и солдатъ не безъ счастья. Въ Кременчугѣ нашлись попутчики — извощики съ обозомъ до самой Москвы. Такъ какъ мнѣ заплатить было нечѣмъ, чтобы сѣсть на возъ, то я шолъ при обозѣ. Въ дорогѣ одинъ изъ извощиковъ сильно заболѣлъ лихорадкою, почему онъ не могъ своихъ 4-хъ лошадей впрягать и выпрягать, поить ихъ, мазать колеса и проч. По просьбѣ больнаго извощика, я эту работу исполнялъ (мнѣ не привыкать стать), за что онъ позволилъ мнѣ сидѣть на одномъ возу, поилъ и кормилъ меня. Въ концѣ іюля добрались до Москвы бѣлокаменной. Здѣсь старые пріятели одарили меня кой-какими деньжонками и я за три рубля, на тяжолой машинѣ, черезъ 48 часовъ, прибылъ въ Петербургъ. Свои тяжебныя дѣла продать мнѣ тутъ не удалось. Чрезъ нѣсколько дней вернулся въ Москву; но и здѣсь я ничего не могъ подѣлать съ своими тяжебными дѣлами. Поэтому, скоро отправился въ Нижній-Новгородъ для свиданія со своей замужней дочерью, которую я давно не видалъ; да къ тому же было и время ярмарки. Прибылъ въ Вязники, денегъ у меня осталось 25 коп. Но тутъ неожиданно нашолъ на постояломъ дворѣ серебряную монету въ 3 рубля. Порадовался. Въ концѣ августа добрался до Нижняго. Свиданіе съ дочерью было для меня трогательно: вѣдь я не видѣлъ ее 9 лѣтъ! Проживъ здѣсь недѣлю, добрался до родины — Выѣздной слободы. Поклонился праху родительскому; повидался съ родными и знакомыми. Скоро я узналъ, что бурмистръ розыскиваетъ меня чрезъ полицію. Зачѣмъ такъ? «Но вѣдь за деньги все можно сдѣлать»,—подумалъ я, и сказалъ себѣ: удались отъ зла и сотворишь благо. Потому, я вернулся къ дочери въ Нижній, а черезъ три дня опять отправился въ Москву. Здѣсь получилъ изъ Одессы отъ сына письмо, съ извѣстіемъ, что онъ не выдержалъ экзамена для поступленія въ лицей. Это, конечно, было для меня грустно; но подумалъ и то: выдержитъ въ слѣдующемъ году; а между тѣмъ спознается съ нуждой— это лучшая наука. Въ Москвѣ я столкнулся съ однимъ знакомымъ, который пригласилъ меня быть участникомъ въ торговлѣ; только въ рукахъ у него денегъ не было; за ними слѣдовало съѣздить въ Петер-

бургъ. Отправились. Но здѣсь денегъ мой товарищъ не получилъ. Проживать мнѣ въ сѣверной столицѣ было не изъ-за чего да и не изъ-чего. Я вернулся въ бѣлокаменную. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ. Наступили морозы. Пришлось издержать послѣднія деньги на ватную шинель, которую я купилъ на толкучемъ рынкѣ за 5 руб. 50 коп. Собралъ кое-какъ отъ знакомыхъ доброхотныхъ дателей 14 руб. и договорился съ извощикомъ до Харькова за 10 руб. Вмѣстѣ со мной должны были ѣхать еще трое: офицеръ, проѣзжавшій изъ Швеціи въ Полтаву на службу, старуха-богомолка и дѣвица-нѣмка, ни слова неговорившая по-русски, до Харькова же. 12-го октября, въ просторной, обшитой рогожами, колымагѣ мы двинулись въ путь. Погода подула холодная съ большимъ снѣгомъ; а на насъ, пассажирахъ, шубнаго и лоскута не видно. Въ Серпуховѣ извощикъ посадилъ еще одного пассажира—какого-то булочника, тоже не хитро одѣтаго. Морозъ стоялъ градусовъ въ 20; снѣгъ на дорогѣ былъ глубокій. Ѣхали ужасно медленно, а зябли очень быстро. Въ Орлѣ отогрѣлись. Изъ Курска двинулись вечеромъ. Отъѣхали верстъ 10—стемнѣло. Поднялся снѣжный бурунъ. Вѣтеръ жестоко продувалъ насъ въ колымагѣ: рогожи и легкія одѣянія защищали плохо. Но вотъ колымага остановилась: извощикъ сбился съ дороги. Тутъ намъ пришлось изнѣдать знаменитый наполеоновскій маршъ изъ Москвы 1812 года. Долго розыскивали дорогу, а когда нашли и добрались до постоялаго двора въ деревнѣ, то насилу отогрѣлись. 25-го октября пріѣхали въ Харьковъ. Денегъ у меня не осталось ни гроша. Я пошолъ на толкучій рынокъ и продалъ свой суконный сюртукъ за 5 руб. Отправился въ Полтаву, а отсюда въ Херсонъ, куда прибылъ въ концѣ ноября мѣсяца.

Жена съ двоими дѣтьми жила не завидно; она порядочно задолжала. Я продалъ свой домъ, расплатился съ долгами, жену помѣстилъ у двоюроднаго брата, а самъ 15-го декабря выѣхалъ въ Одессу къ сыну, который былъ учителемъ въ частномъ пансіонѣ за 50 руб. въ годъ. Переправляясь черезъ Бугъ въ шаландѣ, чуть не утонулъ. У сына пробылъ не долго. Здѣсь, въ Одессѣ, прошолъ слухъ, что скоро должна быть у насъ съ Турціей война. Этотъ слухъ я на всякій случай принялъ къ свѣдѣнію и въ концѣ декабря пошолъ въ Кишиневъ.

1853—1856 гг.

Въ Кишиневѣ я встрѣтилъ большое движеніе,—говоръ и суету на улицахъ: ждали и приготовлялись къ войнѣ. 16-го марта, съ однимъ рублемъ въ карманѣ, я отправился пѣшкомъ въ Черновицъ, для того: не получу-ли отъ повѣреннаго моего Ламиковскаго за розовое масло деньги, въ которыхъ мнѣ предстояла теперь настоятельная надобность. Черезъ города Оргѣевъ и Бѣльцы, я пришолъ въ пограничное мѣстечко Новоселицу. Здѣсь отыскалъ одного коммисіонера, по обыкновенію еврея, къ которому у меня было рекомен-

дательное письмо изъ Кишинева. Еврей прочиталъ письмо, посмотрѣлъ мой паспортъ и сказалъ, что онъ можетъ препроводить меня за-границу; только я долженъ заплатить ему за это 10 руб.

— Хорошо,—согласился я. Но у меня теперь нѣтъ денегъ. Какъ возвращусь изъ Черновца—заплачу. Вотъ извольте посмотрѣть мои бумаги, зачѣмъ я иду въ Черновицъ.

Еврей не хуже меня читалъ поруссви, но понималъ, разумѣется, по жидовски. Онъ просмотрѣлъ бумаги и согласился исхлопотать мнѣ пропускъ за-границу. Въ таможнѣ меня держали не долго, и я пошолъ въ мѣстечко Буяны. Переправившись на легкой лодочкѣ черезъ р. Прутъ за 3 крейцера, я сталъ подниматься въ Черновицъ. День былъ прекрасный. Мнѣ повстрѣчался молодой человѣкъ, повидимому студентъ, который прогуливался по зеленому лугу. Какъ умѣлъ, я началъ спрашивать его о моемъ повѣренномъ Ламиковскомъ—по-польски, по-нѣмецки, наконецъ по-молдавански. Молодой человѣкъ на послѣднемъ нарѣчіи отвѣчалъ мнѣ, что повѣренный мой здѣсь, въ Черновцѣ, живетъ въ собственномъ домѣ, и показалъ мнѣ съ горы его домъ. Но дома я Ламиковскаго не засталъ; встрѣтился съ нимъ на улицѣ. Онъ совсѣмъ не узналъ меня. И то сказать: вѣдь не видались около 20-ти лѣтъ. Потомъ онъ сказалъ:

— Я бы радъ просить васъ къ себѣ въ домъ; но у меня большое семейство. Остановитесь въ трактирѣ подъ названіемъ: «Золотая грушка», я скоро приду къ вамъ.

Пошолъ я въ указанный трактиръ, нанялъ номеръ за 20 коп. въ сутки и спросилъ себѣ чаю да порцію супу. «Мнѣ можно теперь и пороскошествовать,—думалъ я. Скоро разбогатѣю».

Чрезъ нѣсколько времени пришолъ Ламиковскій. Побесѣдовали о прошедшемъ. Когда коснулись предмета настоящаго нашего свиданія, то повѣренный мой разсказалъ, что изъ таможни онъ розовое масло мое получилъ; но далеко не сполна, и продалъ дешево, а деньги давнымъ давно прожилъ; теперь онъ находится въ отставкѣ съ небольшой пенсіей, на которую долженъ содержать многочисленное семейство, и въ настоящее время никакихъ денегъ не имѣетъ. «Вотъ тебѣ и богатство»! подумалъ я; но все-таки объяснилъ ему свои крайніе недостатки въ средствахъ къ жизни и прибавилъ, что я пришолъ къ нему изъ Одессы пѣшкомъ, чуть ни Христовымъ именемъ, и теперь нѣтъ у меня ни гроша. Послѣ этого Ламиковскій, вздохнувъ, сказалъ, что онъ у кого-нибудь займетъ денегъ хоть на дорогу мнѣ, и, обѣщавшись придти на другой день, удалился.

Я вышелъ на базаръ. Побесѣдовалъ съ гостепріимными скопцами и встрѣтился съ однимъ знакомымъ австрійскимъ помѣщикомъ. Отъ этихъ лицъ я узналъ, что Ламиковскій дѣйствительно находится нынѣ въ бѣдственномъ положеніи. Какъ тутъ быть?

На слѣдующій день пришолъ Ламиковскій, и, отдавая мнѣ 14 рублей,

приполнилъ, что больше дать не можетъ. Какъ ни прискорбно мнѣ это было, но—дѣлать нечего. Послѣ этого онъ удалился прописать мой паспортъ для выѣзда въ Россію, а я расчитался съ хозяиномъ гостинницы, отдавъ за все 1 руб. 20 коп. Потомъ я пошолъ къ Ламиковскому въ его домъ, куда чрезъ нѣсколько времени явился и самъ хозяинъ съ моимъ прописаннымъ паспортомъ. Когда Ламиковскій разсказалъ домашнимъ наше дѣло и что я не имѣю къ нему никакихъ болѣе претензій, то все семейство очень радовалось, и благодарили меня. Послѣ скромнаго угощенія, мы разстались. «Гдѣ мое не пропадало,—думалъ я. А тутъ—видимо—на пользу. За это Богъ не оставитъ меня»,—и пошолъ къ перевозу черезъ Прутъ.

Въ Новоселицѣ отыскалъ извѣстнаго коммисіонера - еврея и объяснилъ ему свои обстоятельства. Еврей взялъ съ меня, вмѣсто 10-ти руб., только половину. Такому снисхожденію со стороны жида я не мало подивился: это въ первый разъ случилось въ моей жизни.

Въ половинѣ апрѣля пришолъ въ Одессу, куда скоро прибыла и моя жена, и поступила смотрительницею въ пансіонъ, гдѣ мой сынъ былъ учителемъ. Съ одного должника случайно получилъ небольшую сумму денегъ.

Проведя съ родными праздникъ пасху, 23-го мая, я снова пошолъ въ Кишиневъ. Дорогою попадалось множество войска, направлявшагося въ Бессарабію. Придя въ Кишиневъ, а думалъ поступить маркитантомъ въ какой-нибудь полкъ; но безъ денегъ это устроить было трудно, да жиды уже и успѣли захватить почти всѣ мѣста. Я призадумался. Полки наши стягивались къ молдавской границѣ, въ мѣстечко Лѣвы, на р. Прутѣ, въ 100 верстахъ отъ Кишинева. Я сходилъ въ это мѣстечко, но и здѣсь мѣста не нашолъ. Возвратился опять въ Кишиневъ. Тутъ я повстрѣчался съ однимъ кишиневскимъ мѣщаниномъ, моимъ давнимъ пріятелемъ, который ѣхалъ въ Яссы для продажи нѣсколькихъ лошадей. А такъ какъ дорога въ молдавскую столицу мнѣ была хорошо знакома, то онъ пригласилъ меня сопровождать его. Я охотно согласился, и 21-го іюня мы съ работникомъ въ троемъ выѣхали изъ Кишинева. Переночевавъ въ мѣстечкѣ Каралашъ, поднялись на отроги Карпатскихъ горъ. Надобно было верстъ 6 спускаться подъ гору, довольно круто, въ большой оврагъ, на днѣ котораго находился колодезь, называемый по-молдавански: «фонтанъ толгарь» (воровской колодезь) [1]). Я совѣтовалъ затормозить колеса; но спутникъ мой понадѣялся на лошадей. Я убѣдилъ его, по крайней мѣрѣ, слѣзть съ повозки. И не даромъ: на половинѣ спуска лошади съ повозкой полетѣли въ оврагъ къ воровскому колодцу. Хлопотъ намъ было не мало; управились лишь къ вечеру, и успѣли доѣхать до ближайшей корчмы, стоящей близь небольшой рѣчки, вытекающей изъ Карпатскихъ горъ. Эта корчма носитъ названіе

[1]) По разсказамъ мѣстныхъ жителей, колодезь этотъ вырытъ разбойниками, нѣкогда бушевавшими въ этомъ дикомъ мѣстѣ. Впрочемъ и нынче, поздней порой, здѣсь ѣздить небезопасно. Н. Ш.

«свѣтлѣйшій»,—потому, вѣроятно, что невдалекѣ отъ нея, на горѣ, по дорогѣ къ Скулянамъ, проѣздомъ взъ Яссъ, померъ князь Потемкинъ-Таврическій. На томъ мѣстѣ и до днесь стоитъ памятникъ — высокій каменный столбъ, обнесенный желѣзной рѣшеткой. При памятникѣ жилъ солдатъ въ небольшой будкѣ.—Переночевавъ въ корчмѣ «свѣтлѣйшій», направили путь въ Скуляны. Здѣсь все было дешево: водка, вино, ромъ и проч. Спутники мои загуляли. Я, видя дѣло плохо, ушолъ отъ нихъ въ Яссы. Здѣсь одинъ изъ знакомыхъ мнѣ скопцовъ подыскалъ изъ своихъ человѣка съ деньгами, чтобы торговать при нашемъ войскѣ, и просилъ меня быть участникомъ въ этомъ дѣлѣ: прибыль и убытки пополамъ. Я, разумѣется, согласился съ удовольствіемъ,—и вотъ я снова маркитантъ!

Запасшись товаромъ и всѣми маркитантскими принадлежностями, мы съ двумя работниками, 5-го іюля, выѣхали изъ Яссъ, вмѣстѣ съ войскомъ, по дорогѣ въ Бухарестъ. Сюда прибыли 16-го іюля. Но тутъ останались только три дня и выѣхали къ Журжѣ. Недалеко отъ Галтеницы, на р. Аржисѣ, собралось много разнаго войска—пѣхоты, артиллеріи, казаковъ и Нассаусскій уланскій полкъ. Расположились лагеремъ. Я ходилъ являться къ командиру этого послѣдняго полка, полковнику Радину; онъ принялъ меня ласково и просилъ быть при его полку. Я согласился охотно. Стали торговать. На той сторонѣ Дуная при Туртукаѣ, находился турецкій лагерь, откуда доносилась до насъ музыка, бой утренней и вечерней зари, а передъ зарями—выстрѣлы изъ орудій по одному разу. Непріязненныхъ дѣйствій не происходило. Впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ мы и оставались недолго; да къ тому же былъ слухъ, что войны вовсе не будетъ. Въ августѣ и сентябрѣ (1853 г.) наши войска имѣли постоянныя передвиженія. Чуть ли не все войско собралось лагеремъ близъ селенія Питешты. Здѣсь князь Горчаковъ дѣлалъ смотръ войскамъ и затѣмъ всѣ онѣ разошлись по разнымъ мѣстамъ на теплыя квартиры. Нассаусскій полкъ былъ расквартированъ въ 20-ти верстахъ отъ Бухареста. Наступилъ октябрь мѣсяцъ. Тутъ товарищъ мой по торговлѣ отъ меня отдѣлился; я остался полнымъ хозяиномъ. Въ концѣ этого октября полученъ былъ приказъ о выступленіи нашему полку на сборный пунктъ со всѣмъ полковымъ обозомъ. На сборномъ пунктѣ товаръ былъ весь распроданъ, и я поѣхалъ въ Бухарестъ для покупки новаго. Возвращаясь отсюда, узналъ, что Нассаусскій полкъ направился къ Галтеницѣ, гдѣ на третій день я нашолъ его расположеннымъ на бивуакахъ. Въ одинъ день у меня все было раскуплено. И не мудрено: люди голодали, такъ какъ подвоза съѣстныхъ припасовъ по нестерпимо грязной дорогѣ (отъ проливныхъ дождей) ни откуда не было. Скоро полкъ ушолъ на зимовку въ селенія Кривцахъ; а я опять—въ Бухарестъ за товаромъ, и такъ ѣздилъ сюда довольно часто.

Торговать было можно, да только осторожно. Труда, хлопотъ, безпокой-

ства и заботъ было очень много. Главное, приходилось продавать больше въ долгъ, на книжки. Нельзя сказать, чтобы у офицеровъ денегъ было мало; нѣтъ, они получали хорошее жалованье. Но какъ-то такъ случалось, что имъ никакъ не доставало этого жалованья. Лагерная или поквартирная жизнь весьма однообразна и скучна. Надо же чѣмъ-нибудь развлечься. Вотъ и являются на столѣ карты да вино. Карточная денежная игра была очень въ употребленіи. Красивыя волошки тоже обходились не дешево. Частыя поѣздки въ Бухарестъ опять таки требовали довольно русскаго золота. Да отъ скуки-то мало ли какихъ расходовъ представлялось!.... Ну, и приходилось бѣдному горемыкѣ-маркитанту отпускать товаръ въ долгъ. Но съ офицерами еще можно было ладить: при полученіи третнаго жалованья рѣдко кто изъ нихъ не платилъ долгу. А вотъ юнкера—другое дѣло. За свою службу они получали очень мало, какіе-то гроши,—и потому разсчитывали на деньги изъ дому, отъ родныхъ. Придутъ, бывало, въ мою палатку и начнутъ мнѣ разсказывать о своихъ отцахъ, объ ихъ доходахъ и богатствахъ; у одного отецъ былъ какой-то генералъ, у другаго—богатый помѣщикъ, у третьяго—купецъ именитый и т. д. А сами все пьютъ и ѣдятъ безъ денегъ. Подожди. Но вотъ наступило время расплаты; тутъ ужъ пошли другіе разговоры: то изъ дому не прислали, то пропали на почтѣ, то хранятся въ полковомъ ящикѣ, то вчера въ карты проигралъ, то выигралъ да не получилъ, и такъ безъ конца. А не далъ въ долгъ—и не только ничего не получишь, но ожидай себѣ еще какого-нибудь посрамленія.—А то войдетъ въ палатку партія солдатъ: одинъ кричитъ—давай, другой—давай, а третій—сзади даромъ взялъ. Случалось: у солдата брюхо болитъ, коли гдѣ плохо лежитъ. Иной выпьетъ, закуситъ, скажетъ: «завтра отдамъ» да и пошолъ. Догонять его не будешь: пропадетъ еще больше. Вечеромъ пожалуетъ вахмистръ; надо съ нимъ заняться, угостить, какъ слѣдуетъ (онъ подъ-часъ человѣкъ необходимый). А тутъ идетъ взводный, и его надобно почестить; за нимъ привалитъ обходъ, человѣкъ 12, скажутъ: «гаси огонь», и ихъ необходимо чѣмъ-нибудь задобрить. Да всего и не пересчитаешь, сколько расходу для маркитанта. Какой же прибытокъ могъ быть отъ такой торговли?..

Но какъ-бы-то ни было, только я торговалъ при Нассаусскомъ полку до 1-го марта 1854 г. Наканунѣ этого числа полученъ былъ приказъ: полку повелѣвалось выступить на Дунай, въ Турно. Ночью собрались, а рано утромъ двинулись въ походъ. Сдѣлалось тепло, снѣгъ разстаялъ, грязь увеличилась. 3-го марта пришли въ Журжу, а отсюда черезъ три дня прибыли въ небольшой городокъ Александрію. Тутъ полкъ нашъ раздѣлился: два эскадрона пошли на Дунай, къ г. Зимницѣ, а 4 эскадрона слѣдовали въ Турно. Съ этими послѣдними былъ и я. Въ Турно войска собралось довольно; изъ нашихъ три эскадрона остались здѣсь же, а одинъ эскадронъ, къ которому и я примкнулъ, пошолъ за р. Голту, въ мѣстечко Излазы, разстояніемъ отъ Турно верстъ 12. Это селеніе стояло на лѣвомъ берегу Ду-

ная, по которому у насъ устроены были шанцы съ небольшимъ бастіономъ и двумя амбразурами; въ укрѣпленіяхъ постоянно находились солдаты. Противъ самаго селенія былъ островъ, съ большимъ лѣсомъ, по берегу коего тянулись небольшія турецкія укрѣпленія, а за островомъ, по ту сторону Дуная, на горѣ, близъ молдавскихъ селеній, находился турецкій лагерь. Черезъ Дунай ежедневно происходила перестрѣлка; но отъ турецкихъ пуль намъ не происходило никакого вреда. Впрочемъ было не безъ опасности. 10-го марта мнѣ вздумалось пройти по нашимъ шанцамъ. Я пригласилъ съ собою нахмистра. Остановились на одномъ мѣстѣ близъ шанца и передъ нами открылся прелестный видъ на Дунай. Мы стали любоваться. Вдругъ, откуда ни возьмись, унтеръ-офицеръ, толкнулъ насъ за какой-то молдаванской постройки плетневый чуланъ, гдѣ и самъ остановился. Не прошло минуты, какъ мимо насъ со свистомъ пролетѣла пуля, потомъ—другая, третья. Мы укрылись въ шанцѣ. Послѣдовали выстрѣлы и съ нашей стороны. Черезъ четверть часа перестрѣлка прекратилась. «Вотъ тутъ и любуйся веселымъ Дунаемъ», — раздумывалъ я, возвращаясь въ свою палатку. «А унтеръ-офицеръ, вѣрно, смекаетъ свое дѣло. Спасибо ему». — Жители въ Излазахъ очень боялись турокъ; они зарывали свое имущество въ землю, или вывозили его въ другія деревни.

Великимъ постомъ я поѣхалъ въ Турно для покупки разной провизіи. Этотъ городокъ новый; заведенъ онъ, какъ я слышалъ, въ 1830-мъ году нашимъ генераломъ Киселевымъ, который находился тогда въ Валахіи главнымъ представителемъ отъ русскаго правительства. Турно стоитъ на небольшой возвышенности, въ полуверстѣ отъ Дуная; а на противуположномъ берегу была незначительная крѣпость Никополь. Разсказывали мѣстные жители, будто въ этомъ маленькомъ городкѣ была древняя молдаванская церковь и въ ней чудотворный образъ св. Николая; отсюда и названіе городка— Никополь. Здѣсь, — по разсказамъ, ходившимъ въ Турно, — находилось довольно много турецкаго войска; но это было не регулярное войско, а какой-то сбродъ, съ баши-бузуками во главѣ. Въ справедливости такихъ разсказовъ намъ скоро пришлось убѣдиться во-очію.

Запасшись товаромъ, я возвратился въ Излазы, гдѣ поторговавъ не долго, поѣхалъ въ городъ Каракуль, разстояніемъ отъ Излазъ около 45-ти верстъ. Тутъ торговля моя пошла хорошо, потому что нашего войска и стояло здѣсь довольно, и много проходило его въ Калафатъ, что на Дунаѣ. На возвратномъ пути изъ Каракуля, я увидѣлъ Балканскія горы; послѣ видѣнныхъ мною разныхъ горъ прежде, онѣ меня мало удивляли.

11-го апрѣля наступила пасха. Послѣ заутрени и обѣдни, отслуженной молдаванскимъ священникомъ въ мѣстномъ маленькомъ деревянномъ храмѣ, я пошолъ по начальству христосоваться. Къ полудню началось въ селеніи гулянье, а у меня въ палаткѣ—торговля. Всѣ въ этотъ день радовались и веселились; повидимому, и забыли о туркахъ, что они близко.—На другой

день пришолъ къ намъ Подольскій полкъ, бывшій въ Четати на Дунаѣ и участвовавшій въ сраженіи при Калафатѣ. Побывъ въ Излазахъ не много, полкъ отправился въ Турно.—На 3-й день пасхи мы увидѣли на турецкой сторонѣ спускавшихся съ горы къ Молдавской деревнѣ нѣсколько орудій большаго калибра. Скоро раздались изъ этихъ орудій выстрѣлы. Къ счастію, ядра перелетали и наши шанцы, и селеніе, почему и не дѣлали намъ никакого вреда. Но страху всѣ натерпѣлись вдоволь. Сдѣлавъ выстрѣловъ 50, орудія двинулись по дорогѣ къ Никополю.—На 4-й день убитъ былъ одинъ артиллеристъ: это единственная жертва турецкой пули. — Въ ночь на 15-е апрѣля вся, находящаяся въ Излазахъ, пѣхота выступила въ Турно; остался только нашъ уланскій эскадронъ, а днемъ, этого 15-го числа, послѣдовало распоряженіе, чтобы и этотъ эскадронъ былъ на готовѣ къ походу опять-таки въ Турно. Уланы засуетились, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась суматоха и во всемъ селеніи. Жители догадывались, что дѣло, должно быть, не ладно и съ плачемъ собирались съ нами, или идти—куда глаза глядятъ.

Ночь на 16-е апрѣля мы не спали; чего-то ждали. Мой фургонъ былъ совсѣмъ готовъ въ дорогу. Наступило утро. Уланы начали приготовлять себѣ завтракъ. У меня въ палаткѣ сидѣлъ вахмистръ, мы пили чай. Было около 8-ми часовъ. Вдругъ, по направленію къ Турно, послышалась пальба изъ орудій. Минутъ черезъ пять прискакалъ донской казакъ съ приказомъ, чтобы эскадронъ сейчасъ же отправлялся въ Турно. Мой вахмистръ опрометью бросился къ ротмистру; уланы торопливо садились на коней и съѣзжались въ одно мѣсто на улицѣ. Ротмистръ прибѣжалъ ко мнѣ, какъ угорѣлый, прося меня посадить къ себѣ въ фургонъ одну прекрасную особу. Я взялъ эту спутницу и поспѣшно выѣхалъ. Мы перебрались черезъ р. Голту; эскадронъ насъ не догонялъ. «Что бы это значило? Вѣрно, онъ поскакалъ ближайшей дорогою»,— подумалъ я. Между тѣмъ, въ Турно, на Дунаѣ, происходила страшная пальба; лѣсъ и окрестности наполнились пороховымъ дымомъ. Моя спутница отъ страха не переставала плакать, и просто не знала, что съ собой подѣлать. Я погонялъ лошадей: хотѣлось быть на мѣстѣ битвы. Когда фургонъ мой поднимался на гору къ Турно, пальба прекратилась. Оставивъ на квартирѣ фургонъ и спутницу, самъ поспѣшилъ на базарную площадь. Нашъ эскадронъ изъ Излазъ только-что пришелъ. На площадь шли войска съ музыкой и пѣснями. За ними вели плѣнныхъ турокъ, которыхъ было 130 человѣкъ. Потомъ везли нашихъ раненыхъ и убитыхъ, въ числѣ всего 58-ми человѣкъ. У турокъ же,—говорили,—убито и потоплено въ Дунаѣ болѣе 1000 человѣкъ. Послѣ всего солдаты угощаемы были по кружкѣ водки.

Въ этотъ же день съ частью войскъ, а въ томъ числѣ и съ уланскимъ эскадрономъ, мы возвратились въ Излазы. У всѣхъ только и разсказовъ, и разговоровъ было, что про сегоднишнюю битву. Мнѣ хотѣлось узнать: съ чего произошла эта самая битва? И узналъ, за достовѣрное, слѣдующее: по ра-

споряженію отряднаго командира, генерала Липранди, въ Никополь къ туркамъ подосланъ былъ фальшивый переметчикъ, съ извѣстіемъ, что русскіе оставили Турно; турки, какъ любители грабить и жечь беззащитные города и селенія, и рѣзать мирныхъ жителей, обрадовались этому извѣстію и рѣшили напасть на Турно, именно 16-го апрѣля, о чемъ переметчикъ извѣстилъ генерала Липранди. Ночью на помянутое число пѣхота и артиллерія были дѣйствительно выведены изъ Турно и размѣщены въ засадахъ, главнымъ образомъ, въ лѣсу, который тянется отъ Турно до берега Дуная, къ которому турки должны были пристать при своей переправѣ. Турки утромъ переправились и, какъ упомянуто, были наказаны жестоко.

Въ концѣ апрѣля войску, расположенному въ Излазахъ, приказано было перейти въ селеніе Одай, въ 5-ти верстахъ отъ Турно. 8-го мая я отправился въ полковой штабъ, который стоялъ въ городѣ Зимницѣ на Дунаѣ, противъ турецкаго городка Систова; отправился для полученія съ офицеровъ долговъ, такъ какъ въ это время имъ выдавалось жалованье. Надобно было услѣдить тотъ именно день, въ который раздавалось жалованье; а то случалось такъ, что на другой день у иного уже ничего не оставалось. Пріѣхалъ я въ Зимницу вечеромъ и узналъ, что жалованье еще роздано не было по случаю завтрашняго (Николая Чудотворца) полковаго праздника, а будетъ раздаваться 10-го числа. Въ праздникъ, по утру, былъ разводъ за городомъ; а вечеромъ—балъ у полковаго командира. На другой день роздали жалованье, и мнѣ въ этотъ разъ такъ посчастливилось, что почти со всѣхъ получилъ свои долги.

Полагая, что Нассаусскій полкъ постоитъ еще въ здѣшнихъ мѣстахъ, я, 23-го мая, поѣхалъ въ Бухарестъ за товаромъ. На возвратномъ пути, въ г. Александріи, узналъ, что полкъ мой изъ Одай вышелъ и расположился лагеремъ въ селеніи Чуланештахъ (верстъ 60 отъ Александріи). Я пріѣхалъ сюда. Черезъ недѣлю, именно 12-го іюня, Нассаусскаго полка два дивизіона, легкая баттарея и нѣсколько донскихъ казаковъ, подъ командою полковника Рейсиха, выступили въ городъ Гаешты, который былъ верстахъ въ 40-ка отъ австрійской границы. Я потащился съ этимъ небольшимъ отрядомъ. Расположились лагеремъ. При разъѣздахъ, казаки достигали иногда до границы и сказывали, что тамъ стояло въ лагеряхъ очень много австрійскаго войска. Нашъ отрядъ былъ остороженъ. 17-го іюля мы оставили Гаешты, и шли близь австрійской границы до города Бузеева. Здѣсь собралась тогда, кажется, вся русская армія въ присутствіи князя Горчакова. Изъ Бузеева двинулись на Рымникъ. Когда армія пришла сюда, то во всѣхъ фонтанахъ города не оказалось воды. Это было очень странно, и скоро развѣдали, что жители завалили всѣ водопроводы. Разумѣется, эти завалы были розысканы и уничтожены. Воды стало въ изобиліи. Отъ Рымника, съ незначительными остановками, двигались на Фокшаны, черезъ рѣку Серетъ, потомъ на г. Текучи и верстахъ въ 15-ти отъ Галацъ, въ Волконештахъ, переправились

черезъ р. Прутъ 26-го августа (1854 г.). Тутъ послѣдовало раздѣленіе арміи; часть ея, именно Нассаусскій полкъ расположился на квартирахъ около Сатунова; Бугскій уланскій полкъ, подъ командою генералъ-маіора Гасферта, направленъ былъ къ югу. Я рѣшился торговать при Бугскомъ полку. 29-го августа полкъ этотъ переправился черезъ Дунай и двинулся къ городу Исакчѣ, а отсюда—въ Бабадахъ. Не доходя до послѣдняго 15 верстъ, расположились лагеремъ въ большой деревнѣ Желани. Я нанялъ двухъ работниковъ, и начали торговать. Мнѣ приходилось быть больше въ разъѣздахъ, по случаю покупки товаровъ, то въ Бабадагѣ, то въ Тульчи. Торговля шла у меня не обидно. Однажды—это было въ половинѣ сентября—я возвращался изъ Тульчи съ провіантомъ въ свой лагерь. При мнѣ былъ уланъ, данный отъ полка, чтобы сопровождать меня. Приближался вечеръ. Хотя на дорогѣ намъ и встрѣтилась небольшая болгарская деревня, но мы не рѣшились ночевать въ ней, боясь, какъ бы насъ не обокрали. Солнце уже закатилось. Дорога пролегала лѣсомъ. Пошолъ сильный холодный дождь. Темнота—ужасная. По едва проходимой грязи я шолъ впереди лошадей и розыскивалъ дорогу. Дождь не переставалъ; лошади едва двигались. Къ довершенію несчастія, мы какъ будто сбились съ дороги. Остановили лошадей и стали съ уланомъ думать: что теперь дѣлать? На насъ могли наткнуться турки при своихъ ночныхъ набѣгахъ. При всемъ томъ, мы ничего не могли придумать кромѣ того, что надобно въ лѣсу ночевать. О пищѣ намъ нечего было заботиться; былъ и спиртъ, да въ бочкѣ, и достать его мы не находили способа. А надо бы,—не ради себя, но мнѣ жаль было улана, въ одной шинели жестоко промокшаго и прозябшаго. Мы уже хотѣли выпрягать лошадей, какъ вдругъ впереди заслышали конскій топотъ, который прямо приближался къ намъ. Мы съ уланомъ такъ и замерли,—думали, что это турки. Черезъ нѣсколько минутъ въ темнотѣ раздался окрикъ: «кто здѣсь?» Мы обрадовались, и я отвѣчалъ, что полковой маркитантъ. Оказалось, что это были разъѣздные казаки съ офицеромъ. Послѣдній справился, нѣтъ-ли у меня водки? Я сказалъ, что въ бочкѣ есть спиртъ, да достать нечѣмъ. Офицеръ послалъ казака сыскать въ лѣсу бурьянную дудочку. Затѣмъ, я узналъ отъ него, что мы находимся близь самой дороги, въ 5-ти верстахъ отъ лагеря, и что намъ стоило бы немного подняться на гору, какъ показались бы лагерные огни. Скоро казакъ вернулся съ бурьянной дудочкой, посредствомъ которой я довольно легко натянулъ изъ бочки спирту и угостилъ офицера съ казаками. Не забылъ и моего бѣднаго улана. Казаки поскакали далѣе, а мы потащились въ гору. Дождь пересталъ; но дулъ холодный вѣтеръ. Не прошло и часу, какъ мы были въ лагерѣ.

18-го сентября полученъ былъ приказъ о выступленіи нашего лагеря въ Бессарабію. Мы двинулись на Бѣлградъ и въ 15-ти верстахъ за нимъ остановились въ мѣстечкѣ Татаръ-Кипчакъ. 1-го октября я ѣздилъ въ Измаилъ для покупки товару. Здѣсь, по письму моему, дожидалась меня жена

съ 8-ми лѣтнимъ сыномъ. Втроемъ возвратились въ полкъ. Торговля моя становилась хуже. Офицеры стали меньше, противъ прежняго, выпивать, потому что имъ выдавалось жалованье уже не заграничное; да и водка въ Россіи, сравнительно съ заграничной, была дороже и притомъ качествомъ хуже. Въ концѣ этого (1854) года я отправился съ сыномъ въ Одессу, оставивъ торговать жену съ работникомъ.

Въ Татаръ-Кипчакъ возвратился 5-го января и узналъ, что, во время моего отсутствія, одинъ дивизіонъ нашего полка, вмѣстѣ съ другими, ходилъ за Дунай, участвовалъ въ битвѣ близь Бабадага и отличился. По этому случаю я написалъ стихи и поднесъ ихъ генералу Гасферту, за что получилъ благодарность.

Зима стояла необыкновенно теплая; весна наступила ранняя, такъ что 9-го марта уже разцвѣли всѣ плодовыя деревья. 30-го марта полкъ двинулся изъ Татаръ-Кипчака къ Днѣстру и остановился въ нѣмецкихъ колоніяхъ—Парижъ и Розенкрейцъ. Тогда въ этихъ колоніяхъ свирѣпствовала холера. Но въ нашемъ полку умерли немногіе. Торговля моя пошла уже очень неудовлетворительно. Однако, все ждали похода въ Молдавію или въ Севастополь; этого и я ждалъ, почему и не оставлялъ торговлю при полку. Но вотъ прошли четыре мѣсяца, а походу нѣтъ. Наконецъ, въ августѣ, полкъ передвинулся въ колонію Кульмы, 80 верстъ отъ Кишинева, а черезъ мѣсяцъ—на Днѣстръ, въ селеніе Аланешты, разстояніемъ отъ Одессы 70 верстъ.—Въ первыхъ числахъ ноября полкъ выступилъ къ Кишиневу на зимнія квартиры. Дѣла мои совершенно стали; торговля прекратилась. Я снялъ въ Кишиневѣ квартиру и ждалъ—не будетъ ли похода.

Тутъ нашъ полковой командиръ, добрый генералъ Гасфертъ, назначенъ былъ начальникомъ бригады въ одну изъ тѣхъ частей войскъ, которыя находились въ Крыму. На прощанье офицеры дали въ честь любимаго начальника балъ. На этомъ балѣ я былъ и, обращаясь къ Гасферту, прочелъ слѣдующіе моего сочиненія стихи:

Насталъ намъ часъ съ тобой разстаться,
Добрѣйшій Гасфертъ, навсегда.
Мы сошлись съ тобой прощаться—
Вспомянуть твои дѣла.

***

На полѣ битвы воинъ славный,
Ты съ нами стужу, жаръ терпѣлъ.
Въ огнѣ, въ сраженіяхъ—отважный—
Ты насъ, какъ дѣточекъ, жалѣлъ и т. д.

Эти стихи, повидимому, понравились всѣмъ, даже и самому Гасферту.

Проводы были шумные, задушевные, искренніе. Это было 20-го марта 1856 года.

Вскорѣ послѣ этого разнеслась вѣсть о мирѣ.

ИСТОРІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шипова.

[Окончаніе].

1856—1860 гг. [1]).

Во время моей торговли при Бугскомъ полкѣ, корнетъ этого полка Павелъ Мухинъ задолжалъ мнѣ 635 руб. серебромъ—сумма для меня не маловажная. Мухинъ былъ сынъ богатаго помѣщика Курской губерніи и имѣлъ брата, который служилъ въ Петербургѣ, въ морскомъ министерствѣ. Этотъ братъ моему должнику, будто бы, былъ долженъ значительную сумму денегъ. Поэтому Мухинъ далъ мнѣ письмо къ своему брату, чтобы я получилъ съ него свои 635 руб. и просилъ меня зайти въ имѣніе его отца, въ деревню Пахомку, Тимскаго уѣзда. Изъ Кишинева я прибылъ съ семействомъ въ Одессу. Сынъ мой окончилъ въ здѣшнемъ лицеѣ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента. При немъ я оставилъ жену младшаго сына и дочь, а самъ, взявъ съ собою 15 руб. на дорогу, 7-го іюня пошолъ въ Курскъ. Но предварительно вздумалъ зайти, по дорогѣ, въ Кіевъ поклониться св. угодникамъ Божіимъ. Пришолъ сюда 18-го числа, а черезъ два дня пустился въ путь къ Курску. Имѣніе отца Мухина находилось въ 45-ти верстахъ отъ этого города. Я пришолъ въ Пахомку 3-го іюля и отъ жителей узналъ, что старшій братъ Мухина недавно пріѣхалъ сюда изъ Петербурга погостить. Разумѣется, я этому былъ радъ, потому что мнѣ не предстояло надобности пробираться въ Питеръ. Дѣйствительно, я увидѣлся съ братомъ моего должника и подалъ ему отъ послѣдняго письмо. Онъ, прочитавъ его, сказалъ мнѣ, что денегъ въ настоящее время не имѣетъ, а пришлетъ ихъ мнѣ въ Кишиневъ къ половинѣ октября. Я убѣдительно просилъ его дать денегъ на дорогу въ Одессу. Онъ далъ мнѣ 5 рублей. Въ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г. томъ XXXI, (май), стр. 133—148; (іюнь), стр. 221—240; (іюль), стр. 437—478; (августъ), стр. 665—678.

Одесссу пришолъ я 23-го іюля, а черезъ мѣсяцъ отправился пѣшкомъ въ Новый Бугъ за полученіемъ съ нѣкоторыхъ офицеровъ прежнихъ долговъ. Получилъ съ одного 110 рублей и опять возвратился въ Одессу. Здѣсь нанялъ квартиру съ лавкой, купилъ бакалейнаго товару и началъ торговать. Въ половинѣ октября я ѣздилъ въ Кишиневъ; но деньги отъ брата моего должника, Мухина, высланы мнѣ не были. Эту зиму я перебивался съ грѣхомъ пополамъ, тѣмъ болѣе, что старшій сынъ мой, будучи въ это время смотрителемъ въ лицеѣ, уѣхалъ къ одному заводчику для обученія его дѣтей. Между тѣмъ, я узналъ, что должникъ мой, корнетъ Мухинъ, уѣхалъ изъ полка къ своимъ родителямъ въ имѣніе Пахомку.

Въ послѣднихъ числахъ марта 1857 года я отправился пѣшкомъ къ моему должнику. Денегъ у него не было; онъ вновь далъ мнѣ письмо къ своему брату въ Петербургъ. 18-го мая я пришолъ въ Москву, а черезъ день пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Братъ Мухина принялъ меня очень не дружелюбно, чуть не выгналъ изъ дому. Вышелъ я отъ Мухина и задумался: что мнѣ теперь дѣлать? Денегъ у меня было только 6 коп. Тутъ я вспомнилъ, что одинъ полковникъ Бугскаго полка, по случаю отпуска, проживаетъ здѣсь. Я розыскалъ квартиру этого полковника, гдѣ-то на Литейной улицѣ, и пришолъ къ нему. Онъ принялъ меня радушно; угостилъ кофеемъ. Я разсказалъ о своемъ дѣлѣ. Полковникъ посовѣтовалъ мнѣ подать прошеніе великому князю, который былъ, впрочемъ, въ это время за границей, а завѣдывалъ дѣлами морскаго министерства адмиралъ Метлинъ. Такъ слѣдовало обратиться съ прошеніемъ къ этому адмиралу. Затѣмъ, полковникъ пригласилъ меня къ себѣ ночевать. Это было очень пріятно для меня. На другой день, утромъ, я шолъ по Невскому проспекту и встрѣтился съ камердинеромъ Мухина, который мнѣ сказалъ, что онъ меня розыскиваетъ, чтобы я пришолъ къ его барину. На этотъ разъ Мухинъ принялъ меня вѣжливо и извинился за прошлый грубый поступокъ со мною. Я началъ слезно просить его о деньгахъ, говоря, что у меня всего только 6 коп.—мнѣ не на что и здѣсь жить и не съ чѣмъ выѣхать изъ Петербурга. Должно быть, Мухинъ сжалился надо мною и далъ мнѣ 60 руб. съ тѣмъ, чтобы я ѣхалъ изъ Питера, куда знаю. Этимъ деньгамъ я чрезвычайно обрадовался и рѣшилъ вовсе не подавать жалобы на Мухина, потому—народная пословица гласитъ—съ слабымъ не борись, съ богатымъ не тягайся. Денегъ у меня было довольно, чтобы выбраться изъ Петербурга, гдѣ становилось для меня скучно. И вотъ 7-го іюня я оставилъ сѣверную столицу.

На тяжеломъ поѣздѣ прикатилъ въ Москву. Здѣсь, у Серпуховскихъ воротъ, нанялъ извощика до Курска, за 5 рублей, ѣхать съ нимъ при обозѣ. Дорога съ этими извощиками мнѣ такъ надоѣла, что я неоднократно раскаивался, что съ нимъ поѣхалъ; наконецъ въ Орлѣ вышелъ изъ терпѣнія

и пошолъ пѣшкомъ. Шагая по направленію къ Курску, я размышлялъ о желѣзной дорогѣ: сколь она благодѣтельна для людей. Первое: скоро и дешево; второе: харчей надо мало. Еслибы было побольше этихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, народъ сталъ бы гораздо развязнѣе и коммерческія дѣла пошли бы несравненно лучше. Дай Богъ, чтобы сѣть желѣзныхъ дорогъ покрыла всю широкую раздольную Русь-матушку. Это великое благо!

21-го іюня явился я къ должнику своему въ Пахомку; но отъ него не добился никакого толку, и пошолъ въ Харьковъ. Тутъ я вспомнилъ, что мой сынъ учитъ дѣтей у зятя сахаро-заводчика Яхненки. Я отправился къ сыну, въ той надеждѣ—не найдется ли мнѣ какого-нибудь мѣстечка на заводѣ! Здѣсь я узналъ, что сынъ мой, покончивъ занятія съ дѣтьми, еще передъ пасхой отправился въ Одессу. При этомъ мнѣ было предложено мѣсто прикащика на заводѣ. Я согласился. Должность моя состояла въ томъ, чтобы наблюдать за казармами, въ коихъ помѣщалось до 2,000 человѣкъ рабочихъ, и при этомъ радѣть о хозяйскомъ интересѣ. Жалованья мнѣ было назначено 300 руб. въ годъ; квартира и столъ отъ хозяина. Я началъ служить и наблюдать хозяйскіе интересы. Прошло два мѣсяца. Двое управляющихъ остались не довольны мной за то, что я обнаружилъ слѣдующее злоупотребленіе: положимъ, рабочихъ было 2,000 человѣкъ, а обѣденныхъ порцій отпускалось 2,200, т. е. на 200 человѣкъ болѣе. Куда эти лишнія порціи шли—не извѣстно. Все-таки я прожилъ на заводѣ Яхненки до мая мѣсяца 1858 года.

Тутъ я получилъ отъ должника моего Мухина, изъ Харькова, письмо, съ извѣстіемъ что онъ теперь разбогатѣлъ. Оставивъ службу на заводѣ, я пошелъ къ Мухину. Онъ далъ мнѣ 100 рублей, обѣщавшись отдать остальныя деньги не позже сентября мѣсяца. Спасибо и на томъ. Изъ Харькова я пошелъ въ Воронежъ поклониться св. Митрофанію, а потомъ въ Саратовскій монастырь. 14-го іюля я прибылъ на родину въ Выѣздную слободу. Здѣсь, вмѣстѣ съ родными и знакомыми, мнѣ довелось встрѣтиться съ извѣстнымъ въ исторіи моей жизни крестьяниномъ Павельевымъ. Ему за поимку меня отъ главноуправляющаго Рагузина и отъ помѣщика обѣщаны были великія милости и награжденія. Но этихъ милостей онъ не дождался. Напротивъ того, несчастіе за несчастіемъ слѣдовало съ нимъ и съ семействомъ его: самаго его разбилъ параличъ, а сынъ — мой крестникъ — отданъ былъ въ солдаты. Павельевъ приглашалъ меня къ себѣ въ гости, но я отъ этого приглашенія отказался.

Черезъ недѣлю я оставилъ родную слободу и направилъ путь свой къ замужней дочери въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь скоро пронесся слухъ, что на ярмарку пріѣдетъ государь императоръ съ своею августѣйшею супругою. Столь рѣдкихъ высокихъ гостей нельзя было не дождаться. 16-го августа на фонарныхъ столбахъ и на углахъ появились афиши о прибытіи въ городъ,

по Волгѣ, государя съ государыней, 18-го числа въ 12 часовъ дня. Наканунѣ этого числа я вышелъ на ярмарку. Народу было несмѣтное количество. Прислушиваясь къ толкамъ и разговорамъ мужичковъ, я видѣлъ, что эти простые люди пламенно желали хоть однимъ глазкомъ взглянуть на обожаемаго монарха, отъ котораго, по слухамъ, дана будетъ скоро свобода крестьянамъ отъ крѣпостнаго рабства. Этимъ обстоятельствомъ и объяснялось, по моему мнѣнію, столь небывалое стеченіе народа въ Нижнемъ и на ярмаркѣ. Въ самый день пріѣзда высокихъ посѣтителей, т. е. 18-го числа, съ ранняго утра несмѣтныя толпы народа заняли кремль, набережную, покрыли всю гору по направленію къ Волгѣ. Въ 4 часа пополудни пароходъ прибылъ съ державными путешественниками; въ городѣ раздался торжественный звонъ и неумолкаемое «ура»! огласило воздухъ. Признаюсь, на своемъ вѣку мнѣ не однажды приводилось присутствовать при встрѣчахъ нашихъ русскихъ помазанниковъ Божіихъ, но такой встрѣчи я не видалъ. Радость на всѣхъ лицахъ и воодушевленіе были, поистинѣ, трогательны и умилительны. Когда государь съ своею супругою вышелъ съ пристани на берегъ и сѣлъ въ карету, то оказалось, что отъ тѣсноты народной не было никакой возможности ѣхать: народъ на рукахъ везъ экипажъ съ государемъ и государыней до самаго собора, что въ кремлѣ. Вечеромъ была великолѣпная иллюминація: зрѣлище необыкновенное и нигдѣ мною не виданное! — На четвертый день, т. е. 22-го августа, въ 11½ часовъ, державные гости оставили Нижній-Новгородъ. Какъ я замѣтилъ, многіе и многіе проливали искреннія слезы.....

Изъ Нижняго я отправился въ Херсонъ, гдѣ старшій сынъ мой хлопоталъ занять мѣсто учителя въ здѣшней гимназіи. Въ январѣ мѣсяцѣ 1859 года сынъ мой опредѣленъ былъ на это мѣсто, гдѣ находится и по настоящее время.

Въ первыхъ числахъ іюня я вздумалъ навѣстить должника моего Мухина, проживающаго въ Харьковѣ, а по дорогѣ зайти къ помѣщику Полтавской губерніи, у котораго сынъ мой училъ дѣтей и который остался ему долженъ около 200 рублей сереб. Пробирался я на Николаевъ, Бобринецъ и Елисаветградъ — гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на подводахъ съ попутчиками. Изъ Елисаветграда пришолъ къ помянутымъ помѣщикамъ, получилъ съ одного деньги и отправился въ Кременчугъ. По дорогѣ отсюда я догналъ двухъ молодыхъ людей, съ котомочками за плечами, которые оказались окончившими курсъ въ Могилевской гимназіи и пробирались въ Харьковскій университетъ. Не доходя версты двѣ до Полтавы, мы расположились ночевать на обширномъ полѣ, гдѣ нѣкогда великій преобразователь Россіи императоръ Петръ I-й одержалъ блистательную побѣду надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII-мъ. Въ Полтавѣ я разстался съ своими молодыми спутниками и направился къ Харькову, куда прибылъ 17-го іюня. Явился къ должнику

моему Мухину. Денегъ у него не оказалось. Я убѣдилъ его выдать мнѣ формальное заемное письмо на 530 руб. Въ это время въ Харьковѣ показывалась и давала представленія извѣстная Юлія Пастрана. Я пошолъ посмотрѣть на эту чудо-женщину: невысокаго роста, безобразная; она пѣла пѣсни на двухъ иностранныхъ языкахъ и одну русскую пѣсню. 25-го іюня, съ оставшимися у меня 5-ю рублями сереб., я пошолъ обратно въ Херсонъ. Въ концѣ 1859 года я вздумалъ открыть торговлю съ однимъ знакомымъ; но изъ этого ничего не вышло.

Въ началѣ 1860 года я отправилъ одному богатому человѣку письмо съ такимъ предложеніемъ: я предприму путешествіе на рѣку Амуръ, отсюда въ Камчатку и по краю Сѣвернаго Ледовитаго океана до Архангельска и Петербурга; подробно опишу это путешествіе въ видахъ какого-нибудь коммерческаго предпріятія, а средства на путешествіе долженъ дать мнѣ онъ, богатый человѣкъ. Послѣдній письменно отвѣчалъ мнѣ, что на мое предложеніе согласенъ и обѣщался прибыть въ Херсонъ для личныхъ со мною объясненій. Я дожидался.

Въ день отданія пасхи у насъ совершался великолѣпный крестный ходъ при перенесеніи въ Херсонъ чудотворной Касперовской иконы Божіей Матери, учрежденный преосвященнымъ херсонскимъ и таврическимъ Иннокентіемъ [1]). Въ 25-ти верстахъ отъ г. Херсона, на правомъ берегу Днѣпра, находится село Касперовка, принадлежавшее помѣщицѣ Касперовой. Эта помѣщица, по преданію, имѣла у себя древнюю икону Божіей Матери, на которой изображеніе совершенно стерлось. Однажды, въ 1846-мъ году, помѣщица замѣтила, что икона совсѣмъ перемѣнилась; изображеніе на ней оказалось какъ бы сдѣланнымъ за-ново. Немедленно донесли объ этомъ мѣстной духовной власти. Надлежащимъ обслѣдованіемъ было обнаружено, что изображеніе на иконѣ дѣйствительно обновилось. Потомъ эту икону назвали «Корсунскою», по сходству ея съ древними греческими иконами Богоматери Корсунской, отличительная черта которой, какъ извѣстно, такая: свитокъ въ рукѣ Божественнаго Младенца. По сказанію лѣтописи, нѣсколько такихъ иконъ было вывезено изъ Корсуня равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, послѣ принятія имъ здѣсь крещенія, и одна, какъ говоритъ мѣстное преданіе, была принесена въ наши края какимъ-то корсунскимъ выходцомъ. Помянутую обновившуюся икону изъ дома помѣщицы Касперовой взяли и поставили въ церкви близъ лѣваго клироса. Народъ очень чтилъ эту икону, и вотъ, по просьбѣ жителей г. Херсона, преосвященнымъ Иннокентіемъ

---

[1]) О значеніи, какое придавалъ преосвященный Иннокентій крестнымъ ходамъ въ религіозной жизни народа, см. нашу статью: „Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій“, „Русск. Старина“, изд. 1878 г., томъ XXIII, стр 374 и слѣд., изд. 1879 г., т. XXV, стр. 686—688. Н. В

учрежденъ былъ ежегодный крестный ходъ съ перенесеніемъ ея изъ Касперовки въ Херсонъ. Первый такой ходъ состоялся въ 1852-мъ году.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ я послалъ Мухину письмо, напомнивъ ему объ его мнѣ долгѣ. Въ концѣ сентября онъ выслалъ мнѣ всѣ деньги, т. е. 530 рублей, и я немедленно отправился въ Кишиневъ купить посходнѣе кой-какого товару, съ тѣмъ, чтобы заняться въ Херсонѣ торговлею. Вѣдь не сидѣть же, сложа руки; да и кормиться чѣмъ-нибудь надо же было. Накупивши въ Кишиневѣ разныхъ фруктовъ, виноградныхъ винъ и проч., я 20-го октября возвратился въ Херсонъ и сталъ торговать. Зима въ этомъ году была снѣжная и необыкновенно для того края холодная: морозы доходили до 30-ти градусовъ. По словамъ старожиловъ, такая зима была только въ достопамятномъ 1812-мъ году.

1861—1862 гг.

Съ 1-го марта 1861 года я началъ собираться въ св. градъ Іерусалимъ для поклоненія гробу Господню, горя нетерпѣніемъ исполнить это давнишнее мое обѣщаніе. Сдѣлалъ нѣкоторыя необходимыя распоряженія по торговлѣ, заготовилъ себѣ фунтовъ 15 сухарей и 12-го марта, на пароходѣ, отправился въ Одессу. Здѣсь, въ канцеляріи генералъ-губернатора, куда я пришелъ за заграничнымъ паспортомъ, мнѣ сказали, что нужно свидѣтельство обо мнѣ отъ херсонскаго губернатора. Я послалъ депешу сыну, чтобы онъ выхлопоталъ это свидѣтельство и выслалъ мнѣ. 19-го числа въ соборѣ прочитанъ былъ всемилостивѣйшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія. Радость народа была неописанна. Благодарность его къ своему добрѣйшему царю-батюшкѣ Александру II Николаевичу была велика и безпредѣльна. Народъ загулялъ, да и было отъ чего.

Лишь только сынъ прислалъ мнѣ губернаторское свидѣтельство, я немедленно получилъ заграничный паспортъ и за 1 рубль сереб. прописалъ его у турецкаго консула. Потомъ скорыми шагами пошолъ къ конторѣ пароходства, находившуюся на карантинной пограничной гавани; взялъ билетъ для проѣзда на палубѣ винтоваго парохода «Эльборусъ», до Константинополя; заплатилъ 5 руб. сереб. Затѣмъ, въ городѣ размѣнялъ ассигнаціи на золото; прописалъ свой паспортъ въ карантинѣ и таможнѣ. Наступило 25 марта—день Благовѣщенія, когда, въ 4 часа по полудни, «Эльборусъ» долженъ былъ отправиться изъ Одессы. Я отстоялъ въ соборѣ утреню и обѣдню, пообѣдалъ у одного своего пріятеля, взялъ свой мѣшечекъ съ провизіей и около 3-хъ часовъ пришолъ на пароходъ. Черезъ часъ пароходъ вышелъ изъ бухты въ открытое море.

На палубѣ пассажировъ было довольно—русскіе, армяне и татары. Одни

изъ нихъ ѣхали по своимъ торговымъ дѣламъ въ Константинополь, другіе—въ Іерусалимъ, а третьи—изъ татаръ—въ городъ Мекку для поклоненія гробу Магомета. Я присоединился къ компаніи двухъ спутниковъ—мущины и женщины изъ русскихъ, ѣдущихъ въ Іерусалимъ. Вѣтеръ дулъ противный, и при томъ холодный. Мы надумали чай пить. Какъ старшій изъ двухъ монхъ спутниковъ, я пошолъ съ двумя чайниками въ кухню къ повару за водой; договорился съ нимъ за воду на чай по 10-ти коп. въ сутки; если что вздумаемъ варить, то — плата особенная. Поваръ налилъ мнѣ въ чайники изъ кострюли воды, и при томъ скоромной ложкой. Я замѣтилъ ему, что это мнѣ не нравится, такъ какъ теперь великій постъ. Поваръ отвѣчалъ: — Если будешь разговарить, да брезговать, такъ и этой воды не получишь. Что за грѣхъ, что ложка скоромная? Богъ за такимъ грѣхомъ не погонится.

Я увидѣлъ, что разговаривать тутъ нечего, и удалился съ водой, налитой поваромъ. Наступила ночь. Я, наряду съ нѣкоторыми, спать расположился близь пароходнаго куба на желѣзномъ помостьѣ: хоть жестко и неудобно было спать, зато тепло.

На третій день, рано утромъ, «Эльборусъ» нашъ вошолъ въ Константинопольскій проливъ, и передъ нами открылись прелестныя предмѣстья Царь-Града, тянувшіяся на пространствѣ болѣе 30-ти верстъ, по обѣимъ берегамъ пролива. Тутъ, за рощами, среди садовъ виднѣлись дома самой причудливой архитектуры, раскрашенные разноцвѣтными красками и покрытые черепицею. Нѣкоторые сады уже покрыты были зеленью; цвѣты расцвѣтали. Словомъ—красота мѣстоположенія приковывала къ себѣ взоры путника. Въ 8 часовъ утра мы увидѣли Скутари, Галату, Перу и самый Царь-Градъ. Видъ былъ очаровательный. Множество минаретовъ, мечетей съ золотыми полумѣсяцами возвышались надъ зданіями и блестѣли отъ лучей солнца. А выше всѣхъ красовалась своимъ величіемъ мечеть «Ая Софи»—бывшая нѣкогда православнымъ храмомъ св. Софіи — Премудрости Божіей. Противъ этого историческаго, достославнаго зданія пароходъ нашъ остановился и бросилъ якорь. Невольная грусть овладѣла моимъ сердцемъ, при мысли—какъ этотъ христіанскій храмъ, выстроенный мудрымъ царемъ Іустиніаномъ, подвергся власти нечестивыхъ агарянъ; больно видѣть христіанину полумѣсяцъ тамъ, гдѣ красовался св. крестъ. — Мнѣ вспомнилось сказаніе, что, нѣсколько столѣтій тому назадъ, предъ самымъ вторженіемъ турокъ въ Царь-Градъ, для жителей его были разныя дивныя знаменія, будто бы, предвѣщавшія паденіе ихъ великаго города. Поэтому, патріархъ и знатные вельможи совѣтовали благовѣрному царю Константину прекратить кровопролитіе съ турками и добровольно оставить свою столицу. Но благовѣрный не внялъ этому совѣту и въ кровавой битвѣ положилъ свою голову у самыхъ воротъ Царь-Града. Султанъ съ своимъ войскомъ въѣхалъ въ городъ и прямо на-

правился къ Софіи, гдѣ патріархъ молился съ народомъ. Султанъ приказалъ не нарушать богослуженія. Въ тотъ же день, одинъ христіанинъ-булгаринъ нашолъ между трупами голову царя Константина и принесъ ее султану. Этотъ взялъ голову, будто, въ руки, поцѣловалъ ее и тѣло Константина повелѣлъ предать землѣ съ приличными почестями. Съ тѣхъ поръ турки начали владѣть Царь-Градомъ и назвали его, по своему, Стамбуломъ.

Лишь только пароходъ остановился на мѣстѣ, какъ со всѣхъ сторонъ бросились къ намъ наперерывъ множество баркасовъ, или каиковъ (особый родъ лодокъ) съ турками, которые, какъ кошки, хватались крючьями за бортъ парохода, вскакивали на него, насильно брали мѣшки пассажировъ, зазывали и тащили пассажировъ каждый на свой каикъ. Когда суматоха на пароходѣ поутихла, русскіе богомольцы отдали свои паспорты явившемуся къ намъ русскому фактору (маклеру) для прописки ихъ у русскаго консула, за что онъ взялъ, на наши деньги, по 10-ти коп. аа паспортъ. Потомъ я, вмѣстѣ съ другими, переправился на баркасѣ въ городъ. Въ домѣ россійскаго агентства, находящемся са самомъ берегу Босфора, я взялъ билетъ до Яфоры за 10 руб. сереб. Послѣ этого купилъ на дорогу—чаю, сахару, рому и греческаго вина. Эти продукты въ Константинополѣ были не дороги: ромъ—30 коп. сереб. кварта, лучшій цвѣточный чай—1 руб. 70 коп. за фунтъ, сахаръ—14 коп. фунтъ, вино „тенедосъ“—20 коп. кварта. Оставивъ всѣ эти припасы у русскаго фактора, я съ однимъ богомольцемъ пошолъ осматривать городъ [1]). Улицы—до безобразія узки, кривы и такъ были запружены народомъ разныхъ націй, что не представлялось никакой возможности идти прямо, а нужно было пробираться бокомъ. Тутъ встрѣчались турки, греки, евреи, французы, нѣмцы, итальянцы, испанцы, англичане, арабы, поляки, молдаване, волохи, болгаре, персіяне, черкесы, караимы и др. Мнѣ, при своихъ многолѣтнихъ странствованіяхъ, приводилось видѣть улицы городовъ неприглядныя и грязныя; но такихъ, какъ въ столицѣ Турціи, признаюсь, я не видалъ: здѣсь на улицы, безъ зазрѣнія совѣсти, выбрасываются изъ оконъ всякіе остатки отъ завтрака и обѣда, выносятся изъ домовъ и льется какая-бы-то ни было жидкость и валяется безъ запрету всевозможная падаль. Словомъ — нечистота отвратительная. Смѣшанный же крикъ и визгъ торговцевъ просто выводили изъ терпѣнія. Дрова и разную кладь возили на ослахъ. Дома—двухъ, трехъ и четырехъ-этажные—очень красивы; примыкаютъ одинъ къ другому плотно. На ряду съ богатымъ, роскошнымъ магазиномъ находилась или грязная лавочка торговца старыми сапогами и башмаками, или же какая-то собачья конура мясника, пропитан-

---

[1]) Въ такъ называемой европейской части Константинополя мнѣ не привелось быть. Н. Ш.

ная промозглымъ запахомъ отъ недоброкачественной говядины или баранины. Я съ своимъ спутникомъ зашолъ въ греческую харчевню закусить: взяли только 60 коп. за обѣдъ съ двоихъ. И то ладно. Въ 4-мъ часу по полудни мы, захвативъ съ собою припасы отъ русскаго фактора, пришли на пароходъ.

Вечеромъ, при захожденіи солнца, погода стала великолѣпною; море — тихо и спокойно; на поверхности его ныряли морскія свинки, отыскивая себѣ пищу. Взошла луна. Видъ на Константинополь и его, на далекое разстояніе замѣтныя, окрестности казался чрезвычайно пріятнымъ. Вотъ по всему городу загорѣлась иллюминація; это—какъ по разспросу оказалось—было провожаніе турками «байрама»—большаго праздника мусульманъ. Раздалась пушечная пальба; на турецкихъ пароходахъ заиграла военная музыка. Все кончилось далеко за полночь.

На другой день въ 7½ часовъ мы оставили Царь-Градъ и, спустя немного, «Эльборусъ» пустился въ Мраморное море. Скоро перѣхавъ черезъ него, остановились близъ г. Галлиполи. Миновавъ Дарданельскій проливъ, пустились въ Архипелагъ. Мы плыли темносинними его водами, придерживаясь лѣваго азіатскаго берега. Вотъ вдали показались разныя суда: это близъ острова Тенедоса. Пароходъ пробѣжалъ мимо этого острова. Я могъ замѣтить только полуразрушенныя древнія укрѣпленія и бойницы, да на пригоркѣ нѣсколько вѣтряныхъ мѣльницъ. По горѣ виднѣлись зеленѣющія поля. Жителей было не видно. Чрезъ нѣсколько времени показался большой гористый островъ Метеленъ съ городомъ того же названія. Нашъ пароходъ вошолъ въ гавань и сталъ на якорѣ. Видъ города очень красивый; онъ расположенъ по холмамъ между двухъ высокихъ горъ, и на одной изъ нихъ, по свѣсившейся надъ моремъ скалѣ, расположена была старая крѣпость, на которой развѣвался турецкій флагъ. На нашъ пароходъ нагружались нѣкоторые товары, преимущественно деревянное масло, и садились новые путники. На другой день, утромъ, «Эльборусъ» вошолъ въ Смирнскую гавань. Здѣсь нашъ пароходъ долженъ былъ простоять болѣе полутора сутокъ. Воспользовавшись свободнымъ временемъ, я съ однимъ богомольцемъ отправился на баркасѣ осматривать городъ Смирну. Этотъ городъ стоитъ въ котловинѣ, окруженный съ трехъ сторонъ (кромѣ западной—къ морю) значительной высоты горами. Домовъ очень много каменныхъ, разной постройки, т. е. и европейской, и азіатской; улицы хоть и тѣсныя, но чистыя. Въ окрестностяхъ города и въ немъ самомъ много садовъ — кипарисовыхъ, финиковыхъ и виноградныхъ; нѣкоторые изъ этихъ садовъ уже распустили свою пріятную зелень. (Мы осматривали городъ 31-го марта). По улицамъ, за отсутствіемъ многолюдства, ходить было удобно. Такихъ уродливыхъ экипажей, какіе я встрѣчалъ въ Стамбулѣ, здѣсь почти не видно, да и ѣздятъ болѣе на мулахъ, верблюдахъ и отчасти на лошадяхъ верхами. Въ магази-

нахъ разныхъ европейскихъ товаровъ, а на рынкахъ всякихъ припасовъ, особенно рыбы [1]), было въ избыткѣ. Торговали преимущественно греки или армяне; просили за каждый предметъ въ три-дорога, и при этомъ всячески старались обсчитать, или обмануть покупателя. По улицамъ намъ попадались турчанки, съ лицомъ, покрытымъ бѣлой кисеей; гречанки, совершенно наоборотъ, съ открытымъ лицомъ и очень свободнымъ обнаженіемъ полугруди; наконецъ, черныя арабки, съ покрытымъ на половину лицомъ; въ ноздряхъ у нихъ, какъ у индѣйскаго пѣтуха, висѣли цѣпочки изъ небольшихъ серебряныхъ монетъ. Всѣ женщины въ шаравахъ; вообще костюмы ихъ—разнораспестренные. Непривычному глазу смотрѣть на эти костюмы какъ-то странно, и даже непріятно. Мы сходили въ греческую православную церковь св. Николая Чудотворца къ преждеосвященной обѣднѣ. Храмъ обширный; иконостасъ и вся внутренность изъ разноцвѣтнаго мрамора; иконы—стариннаго писанія; вездѣ чистота. Вообще храмъ прекрасный. Молящихся было много. Одна странность бросилась въ глаза: мужчины, всѣ безъ изъятія, стояли въ фескахъ, чалмахъ и нѣкоторые въ шляпахъ.

Въ $4^1/_2$ часа по-полудни «Эльборусъ» снялся съ якоря и мы оставили берега Смирны. На другой день (1-го апрѣля) пароходъ быстро шолъ между разными скалистыми островами. День былъ тихій, ясный, теплый, солнечный—первый прекрасный день со времени отправленія нашего изъ Одессы. Морскія волны тихо колебались, съ брызгами ударяясь объ утесы острововъ и о бортъ нашего парохода. Часа въ 4 пополудни мы прибыли къ острову Родосу, который называется турецкой Сибирью. Городъ, расположенный на мысѣ отлогой горы, довольно краснваго вида. Садовъ, который уже зеленѣлись, было много. Съ моря городъ обнесенъ каменной стѣной, надъ которой, въ городѣ, возвышались турецкія мечети. По берегу моря стояли круглыя, на подобіе ульевъ, каменныя вѣтряныя мельницы. Улицы въ городѣ—узкія, вымощены камнемъ. Лавокъ съ разными товарами довольно; кофейныя—довольно сносны; въ нихъ сидѣли турки и греки, куря нальянъ и попивая кофе. Вино (красное) «тенедосъ» — дешево и очень пріятно вкусомъ. На улицѣ повстрѣчался мнѣ грекъ, который сдѣлалъ мнѣ привѣтствіе по-русски и спросилъ: изъ какой я губерніи? Оказалось, что онъ бывалъ въ Херсонской губерніи и даже въ Таганрогѣ. Потомъ онъ предложилъ мнѣ купить у него канареекъ.

— Дороги-ли? спросилъ я.

— Старыя пѣвчія—10 руб., а молодыя—$2^1/_2$ руб. за десятокъ.

---

[1]) На ряду съ прочими продавались: камболы, лакерды, пилы, летучія рыбы и одна въ родѣ собачьей морды; устрицы и какія-то въ полъ-аршинъ раковины, въ которыхъ находилось что-то въ родѣ нашей жидкой лягушечной части. Н. Ш.

Зная, что греки всегда запрашиваютъ ужасно дорого, мнѣ все-таки этакая цѣна показалась подходящей: купить слѣдовало бы; но что мнѣ было бы съ ними дѣлать при еще дальнемъ путешествіи въ Іерусалимъ, и потомъ обратно—въ Россію? Вотъ если-бы я ѣхалъ домой—другое дѣло. Такъ и не пришлось мнѣ купить прекрасныхъ пѣвчихъ птичекъ. Въ 8 часовъ вечера пароходъ снялся съ якоря и скоро вступилъ въ Средиземное море. Ночь была тихая и спокойная.

Черезъ день—3-го апрѣля, въ 8 часовъ утра, мы пристали къ довольно живописному острову Мерсинѣ. Городъ на отлогой скалѣ; весь окруженъ садами. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города высокія горы, на которыхъ клубились облака. Въ г. Мерсинѣ я встрѣтился съ татарами, которые, по разспросамъ, были кавказскіе, Пятигорскаго уѣзда, съ рѣки Кумы; приняли турецкое подданство, и ихъ поселили сюда. Они были очень не довольны здѣшнимъ мѣстопребываніемъ и желали бы снова возвратиться на родину; но не знали какъ, боясь турецкаго правительства. Татары были очень любезны; водили меня по садамъ, гдѣ росли лимоны, апельсины, померанцы; угощали въ лункандѣ закуской и виномъ. Разстались мы по пріятельски. Когда я вернулся на пароходъ, то пассажировъ на палубѣ набралось всѣхъ болѣе 300 человѣкъ; тѣснота была чувствительна.

Рано утромъ, 4-го апрѣля, изъ за тучи взошло красное солнышко; небо было ясно; вдали виднѣлись Сирійскія снѣговыя горы. Въ 9 часовъ утра «Эльборусъ» снялся съ якоря и пустился въ открытое море, которое скоро отъ разыгравшагося вѣтра заволновалось и запѣнилось. Поднялась качка. Многіе пассажиры застонали: это привязалась съ ними морская болѣзнь. Но вотъ послѣ полудня качка прекратилась. Пароходъ быстро мчался по тихимъ волнамъ мимо какихъ-то острововъ — слѣва, а за ними опять показались высокія Сирійскія горы. Вдали виднѣлся городокъ Александретта. Не доѣзжая до него верстъ 14, капитанъ сказалъ всѣмъ христіанамъ, что на этомъ берегу находится то мѣсто, гдѣ, будто бы, китъ, по повелѣнію Божію, выбросилъ изъ своего чрева пророка Іону. Городокъ Александретта состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, въ которыхъ живутъ арабы магометане. Вокругъ городка зеленѣлись травы и лѣсъ, а далѣе возвышались горы, гдѣ клубились разноцвѣтныя облака. Видъ былъ пріятный. Пассажировъ прибавилось. Тутъ мы простояли болѣе сутокъ.

6-го апрѣля, въ 5 часовъ, пароходъ нашъ пошолъ далѣе и около 2-хъ часовъ по полудни бросилъ якорь въ бухтѣ у города Латокіи. Городъ расположенъ между красивыми масленичными и фиговыми садами; въ немъ много разрушенныхъ древнихъ замковъ. Здѣсь пассажировъ еще прибыло, такъ что на палубѣ всѣхъ находилось до 400 человѣкъ.

На другой день, 7-го апрѣля, въ 8 часовъ утра пароходъ нашъ остановился у города Триполи. По случаю сильнаго вѣтра и дождя я не разсу-

дилъ побывать въ этомъ городѣ. Съ парохода видъ города довольно красивый, хотя онъ построенъ чисто по-азіатски. Мечетей и минаретовъ въ немъ очень мало, почему можно полагать, что здѣсь живетъ много христіанъ. Тутъ къ намъ прибыло пассажировъ еще человѣкъ сто. На палубѣ сдѣлалась ужасная тѣснота и давка. Крикъ, шумъ, брань и говоръ на разныхъ языкахъ раздавались на палубѣ. Ровно въ полдень пароходъ снялся съ якоря и пустился по буйному морю. Вѣтеръ дулъ противный; пароходъ нашъ сильно качало. Пассажиры пріумолкли. Въ 5 часовъ по полудни мы бросили якорь въ бейрутской бухтѣ. Видъ города Бейрута съ моря казался очень живописнымъ. Строеніе красивое; много домовъ, построенныхъ по-европейски. Мечетей съ минаретами виднѣлось въ немъ довольно, а христіанскихъ церквей было не видно. Многіе пассажиры отправились въ городъ, а я остался на пароходѣ. Настала ночь. Пароходъ качало неугомонными морскими волнами. Русскіе поклонники пѣли псалмы и разныя другія божественныя пѣсни. Въ ясномъ небѣ мерцали звѣзды и двурогій мѣсяцъ свѣтилъ блѣднымъ свѣтомъ. На пароходѣ и въ городѣ блестѣли разноцвѣтные огни. Я долго любовался этою прекрасною картиною. Потомъ крѣпко заснулъ на своемъ непригляднонъ ложѣ близь куба. — Слѣдующій день я провелъ частію на пароходѣ, частію въ городѣ, въ которомъ примѣчательнаго ничего не замѣтилъ, кромѣ того, что французы проводили отсюда шоссе къ г. Дамаску; вообще, какъ видно, они здѣсь хозяйничали и распоряжались по своему. Пассажиры на нашъ пароходъ прибывали; и безъ того ужасная тѣснота увеличилась. Нечего дѣлать: богомольцы утѣшали себя только тѣмъ, что скоро конецъ плаванію по морскимъ пучинамъ.

Утромъ 9-го апрѣля пароходъ снялся съ якоря и мы простились съ Бейрутомъ, а на другой день, въ 5 часовъ утра, увидѣли Яффу. Этотъ небольшой городъ расположенъ на довольно возвышенномъ холмѣ, близь самаго моря; издали очень красивъ; окруженъ садами съ лимонными, апельсинными и другими плодовыми деревьями южныхъ странъ. Лишь только пароходъ нашъ сталъ на якорѣ, какъ тотчасъ же пристало къ нему множество яликовъ, баркасовъ, съ которыхъ турки, греки и арабы, съ удивительной быстротой и ловкостью, вскарабкались на пароходъ; наперерывъ другъ передъ другомъ старались зазвать къ себѣ пассажировъ; насильно брали багажъ, дѣтей и самихъ пассажировъ, при чемъ багажъ попадалъ къ одному лодочнику, а хозяинъ его—къ другому. Произошло такое смятеніе, гамъ, крикъ, особенно женщинъ и дѣтей, что трудно и описать. Русскіе богомольцы устранились отъ этой суматохи и дали волю азіатамъ. Послѣ всѣхъ перебрались въ Яффу и мы, русскіе, гдѣ, на берегу, встрѣтилъ насъ консульскій чиновникъ и показалъ, гдѣ намъ остановиться. Мы пошли въ патріаршую гостинницу при греческомъ монастырѣ; тутъ отвели намъ комнаты и мы размѣстились. Потомъ я и нѣсколько человѣкъ изъ

новыхъ спутниковъ пошли осматривать городъ. Улицы—чисто азіатскія: кривыя, узкія, неудобныя; между ними есть такія, что въ нихъ и солнца Божьяго не видно. На гавани замѣтно было оживленіе и суета; нагружали и выгружали суда, навьючивали мѣшки съ хлѣбомъ на верблюдовъ, лошаковъ и муловъ. Тутъ бросались въ глаза полунагіе и совсѣмъ нагіе арабы. Пройдя городъ, мы вышли за іерусалимскія ворота, гдѣ находился базаръ. Продавалось здѣсь особенно много лимоновъ и апельсиновъ изъ мѣстныхъ садовъ, а также рыбы, называемой «ликерда». Потомъ, мы зашли въ луканду—къ греку пообѣдать, гдѣ насъ угощали этой самой рыбой. Возвратясь въ гостинницу, напились чаю, а вечеромъ съ террасы любовались волнами шумящаго моря [1]). На другой день всѣ мы, богомольцы, были въ монастырской церкви у заутрени и обѣдни. Потомъ пошли къ консулу и отдали ему свои паспорты. Консулъ сказалъ, что, по недостатку подводъ, намъ нельзя сегодня отправиться въ Іерусалимъ и чтобы лишнія деньги мы оставили у него на храненіе, до обратнаго путешествія. Богомольцы это исполнили. Онъ выдалъ намъ билеты для безпрепятственнаго слѣдованія въ Іерусалимъ, съ обозначеніемъ, кто сколько оставилъ у него денегъ; а наши паспорты должны были отослаться къ іерусалимскому консулу. Послѣ этого насъ позвали къ архимандриту монастыря, для того, чтобы, по существующему здѣсь обыкновенію, мы записали въ особую книгу имена своихъ родственниковъ для поминовенія. По исполненіи этого въ кельѣ архимандрита, каждый изъ богомольцевъ, по усердію и состоянію своему, оставлялъ на столѣ нѣсколько денегъ. За пріютъ въ гостинницѣ съ насъ не требовали ничего. Остальное время этого дня я съ двумя товарищами ходилъ по городу и по прекраснымъ благоуханнымъ садамъ, гдѣ плоды рдѣлись на солнцѣ, цвѣли розы и другіе ароматные цвѣты.

12-го апрѣля, послѣ заутрени, пришолъ къ намъ консульскій секретарь и объявилъ, что для нашей поѣздки въ Іерусалимъ лошаки готовы, съ платою за каждаго животнаго по 1 руб. 60 коп. сереб. Путешественники немедленно собрались, вышли на улицу, выбирали лошаковъ, укладывали на нихъ свой багажъ и усаживались сами. Нѣкоторые нанимали одно животное вдвоемъ, чтобы ѣхать на немъ поперемѣнно; иные же, по неимѣнію денегъ или просто изъ желанія потрудиться, рѣшились идти пѣшкомъ. При каждомъ лошакѣ находился арабъ или турокъ съ пикою, которою понукалось животное. Въ 10 часовъ утра нашъ караванъ тронулся другъ за дружкою. Выѣхавъ изъ города, мы пустились по узенькой дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой цвѣли и благоухали роскошные сады. Эти сады не были огорожены, а, взамѣнъ того, окопаны рвомъ, въ коемъ

---

[1]) Мнѣ передавали, что у Яффы море всегда, даже въ тихую погоду, бываетъ бурливо и шумно. Я. Ш.

рось толстый столѣтникъ; по немъ бѣгали зеленыя ящерицы. Когда миновались сады, предъ нами открылась обширная равнина, гдѣ созрѣвалъ ячмень и пшеница, колыхавшаяся отъ вѣтра какъ море. По мѣстамъ, арабы воздѣлывали землю на верблюдахъ и быкахъ. Вдали виднѣлись Іудейскія горы; раздавалось пѣніе жаворонковъ. Дорога пошла между садами масличными и мы скоро прибыли въ селеніе Рашли [1]). Хотя времени было не болѣе 3-хъ часовъ по полудни, но намъ слѣдовало здѣсь переночевать. Мы помѣстились въ пріемномъ домѣ, находившемся въ зависимости отъ патріарха. Вчетверомъ, въ томъ числѣ съ однимъ грузинскимъ богомольцемъ изъ Тифлиса, человѣкомъ здѣсь бывалымъ, мы пошли по селенію въ монастырь св. Георгія. Церковь была заперта, но благодаря услугѣ учителя греческихъ дѣтей при монастырѣ — дьякона, мы получили возможность побывать въ церкви: она оказалась очень бѣдною. Дьяконъ подвелъ насъ къ каменному столбу, огороженному рѣшеткою, и объяснилъ, что на этомъ столбѣ былъ мученъ св. Георгій Побѣдоносецъ. Изъ церкви возвратились въ свой пріютъ. Въ два часа по полуночи ковасъ (проводникъ) разбудилъ насъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ св. городу. При свѣтѣ полной луны караванъ нашъ тронулся въ путь. Сначала мы ѣхали равниною; потомъ стали подниматься на каменистыя, утесистыя горы, гдѣ дорога, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, поднималась выше и выше, извиваясь между скалами, ущельями и пропастями. Всѣ поклонники шли пѣшкомъ, слѣдуя близь своихъ лошаковъ, которые, прежде чѣмъ ступить, пробовали ногами мѣсто или камень. Скажу безъ преувеличенія: мнѣ приводилось видѣть разныя горныя дороги, но такого поистинѣ труднаго пути я не встрѣчалъ; это просто мученье для путешественника.

Въ 12-мъ часу дня, на одномъ плоскомъ мѣстѣ, ковасъ остановилъ караванъ для отдыха, который продолжался не долѣе часа. Богомольцы подкрѣпили себя пищею, у кого что имѣлось изъ съѣстнаго, и утолили жажду родниковой водою. Впрочемъ я воды не пилъ, боясь заболѣть. Не вдалекѣ отъ насъ турокъ продавалъ въ лачужкѣ кофе; я выпилъ этого напитка три чашки, заплативъ за каждую на наши деньги по 3 коп. сереб. Отсюда дорога пошла шире, удобнѣе. Черезъ два часа ѣзды, ковасъ сказалъ богомольцамъ, что Іерусалимъ близко. Мужчины слѣзли съ лошаковъ и пошли впередъ каравана, горя нетерпѣніемъ поскорѣе увидѣть св. городъ. Я послѣдовалъ за ними; но мнѣ желательно было взглянуть на Іерусалимъ одному, безъ другихъ лицъ, какъ будто бы эти лица могли отнять что нибудь отъ моей радости при видѣ св. города. Я быстрыми шагами удалился отъ своихъ

---

[1]) Говорили, будто, въ этомъ селеніи родился Іосифъ Аримаѳейскій, который совершилъ погребеніе Іисуса Христа. Н. Ш.

спутниковъ. Дорога пошла вправо на небольшой пригорокъ, съ котораго открылся предо мною Іерусалимъ. Я палъ на колѣни, залился слезами радости и мысленно проговорилъ: «неужели я, грѣшный, удостоиваюсь быть у тебя, Господи, въ гостяхъ, гдѣ Ты, многомилостивый, пролилъ за грѣхи наши неповинную кровь Свою». Когда караванъ нашъ ко мнѣ приблизился и я всталъ на ноги, то вся усталость моя отъ утомительной дороги миновалась: мнѣ стало легко, пріятно и весело. Передъ самымъ Іерусалимомъ я сѣлъ на своего лошака и мысленно сказалъ: „Господи, благослови меня въѣхать въ городъ Твой, по примѣру Твоему на ослятѣ". Мы въѣхали черезъ Виѳлеемскія ворота и, минуя нѣсколько улицъ, на одной изъ коихъ стоялъ домъ царя Давида, остановились у патріаршаго двора. Въ пріемномъ покоѣ монастырской гостинницы насъ встрѣтилъ пожилыхъ лѣтъ монахъ и привелъ въ обширную комнату, сказавъ намъ порусски съ страннымъ выговоромъ: „пожалуйте сюда". Въ комнатѣ, возлѣ стѣнъ, находились низенькія нары, устланныя потертыми коврами, съ подушками къ стѣнѣ. Богомольцы размѣстились на этихъ нарахъ, повѣсивъ каждый кладь свою на гвоздь, надъ изголовьемъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ прихода, намъ предложили по рюмкѣ фруктовой водки и по горсти изюму. Напившись чаю, приготовленіе котораго обошлось не безъ хлопотъ, я съ нѣкоторыми изъ товарищей пошолъ посмотрѣть дорогóй для каждаго христіанина городъ и запастись какою-нибудь пищею. На улицахъ намъ встрѣтилось много русскихъ поклонниковъ, ранѣе насъ прибывшихъ сюда, съ которыми я и не преминулъ разговориться. Прежде всего, они посовѣтовали мнѣ не заботиться о пищѣ, такъ какъ богомольцы продовольствуются отъ монастыря. Затѣмъ разспрашивали о Россіи, и въ особенности любопытствовали относительно освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Узнавъ, что въ Одессѣ былъ уже прочитанъ высочайшій манифѐстъ, они очень обрадовались, благодаря Господа и столь милостиваго своего государя. Такъ какъ день началъ склоняться къ вечеру, то я поспѣшилъ возвратиться въ монастырь. Всѣ богомольцы сидѣли уже на своихъ мѣстахъ. Въ 7 часовъ пригласили насъ къ ужину въ столовую, находящуюся внизу отъ нашего помѣщенія, предъ входомъ въ которую предлагалось выпить по рюмкѣ водки. Столовая— обширная, чистая; по срединѣ ея стоялъ мраморный столъ съ приборами, изъ коихъ у каждаго лежали небольшіе полубѣлые хлѣбы. Мы сѣли за столъ. Чрезъ нѣсколько минутъ іеромонахъ, стоящій впереди стола, передъ иконами, позвонилъ въ колокольчикъ; мы встали. Онъ прочелъ краткую молитву и благословилъ хлѣбъ, послѣ чего мы сѣли ужинать. Кушанья были: чечевица съ масломъ, маслины и еще какая-то вареная зелень. Съ непривычки, кушанья эти не нравятся. Послѣ кушаньевъ каждому подносили по металлической чаркѣ кислаго кипрскаго вина. За столомъ не слышно было никакихъ разговоровъ, даже шопотомъ. Ужинъ закончился краткою благо-

дарственною молитвою. Придя въ свой пріютъ, богомольцы расположились спать, а въ томъ числѣ и я. Это былъ первый день моего пребыванія во св. градѣ, 13-го апрѣля, среда на вербной недѣлѣ.

14-го апрѣля.

Утромъ въ 3 часа насъ разбудили колокольчикомъ къ заутрени. Мы пошли въ крестовую патріаршую церковь, находящуюся въ томъ же зданіи, гдѣ былъ нашъ пріютъ. Церковь небольшая, но украшенная со вкусомъ. На клиросѣ пѣли высшія монашествующія лица изъ грековъ. Во время службы всѣхъ богомольцевъ вывели изъ церкви въ особый покой, мущинъ—въ одну комнату, а женщинъ—въ другую, и пригласили сѣсть на диваны, стоящіе у стѣнъ. Началось чтеніе св. писанія на греческомъ языкѣ. Чрезъ нѣсколько времени вошолъ архимандридъ въ сопровожденіи двухъ иноковъ, изъ коихъ одинъ держалъ въ рукахъ мѣдный тазъ, а другой умывальникъ съ теплой водою и полотенце. Эти лица по очередно подходили къ каждому богомольцу; архимандритъ умывалъ у нихъ ноги и вытиралъ полотенцемъ, послѣ чего ногу цѣловалъ; у женщинъ умывались руки. Послѣ этого руки всѣхъ окроплялись розовою водою. Затѣмъ, архимандритъ всталъ посреди комнаты и неправильнымъ русскимъ языкомъ произнесъ: «Исполняя обрядъ омовенія, іерусалимскіе иноки стараются подражать древнимъ и показать любовь свою къ странникамъ, пришедшимъ съ чистымъ сердцемъ въ Іерусалимъ поклониться святымъ мѣстамъ и гробу Господню,—и вотъ мы умыли ноги ваши». Послѣ того, поклонники возвратились въ церковь. Скоро утреня кончилась и тотчасъ же началась литургія. Было еще рано, когда мы пришли изъ церкви въ свой покой. Чрезъ нѣсколько времени, всѣмъ намъ принесли по небольшой чашкѣ кофею, по рюмкѣ водки и по горсти изюму. Затѣмъ, повели насъ къ намѣстнику патріарха митрополиту Петру, котораго всѣ поклонники называли: «святой Петръ» [1]). Мы остановились въ большой комнатѣ, откуда, по одному, насъ вызывали въ другую. Когда я вошелъ въ эту комнату, то увидѣлъ, что тутъ присутствовали: митрополитъ Петръ, два архіерея, одинъ архимандритъ и за письменнымъ столомъ чиновникъ. Я низко поклонился этому духовному собранію, внесъ свое имя и имена родныхъ въ книгу, для поминовенія, и положилъ на столъ нѣсколько сребренниковъ. Митрополитъ благословилъ меня и вручилъ мнѣ грамоту, писанную по славянски, съ изображеніемъ по краямъ ея, кругомъ, евангельскихъ событій. Принявъ грамоту, я поцѣловалъ руку, меня благословившую, и вышелъ изъ комнаты. Ровно въ полдень насъ пригласили обѣдать, послѣ чего объявили, что въ 4 часа мы пойдемъ ко гробу Господню, въ храмъ Воскресенія.

---

[1]) Патріархъ Кириллъ рѣдко жилъ въ Іерусалимѣ, имѣя свое мѣстопребываніе въ Константинополѣ; его замѣнялъ митрополитъ Петръ. Н. Ш.

По приходѣ въ нашу комнату, поклонники говорили о томъ, что ко гробу Спасителя обувшись не входятъ, и для этого надобно купить новые чулки или носки, которые слѣдуетъ сохранять до смерти, съ тѣмъ, чтобы они были надѣты на умершаго. Я побѣжалъ на базаръ и купилъ себѣ бумажные носки.

Въ 4 часа явился іеромонахъ и повелъ насъ по святымъ мѣстамъ. Сначала мы пришли въ крестовую церковь, примыкающую къ патріаршей; здѣсь приложились къ камню отъ горы Голгоѳы, на которой отпечатлѣлся слѣдъ божественной стопы Спасителя. Потомъ, сойдя по довольно длинной и крутой лѣстницѣ, мы приблизились къ церкви св. женъ Мироносицъ; эта церковь находится на томъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель, по воскресеніи Своемъ, явился имъ и—какъ говоритъ преданіе—своей Божественной Матери, бывшей вмѣстѣ съ ними. Тутъ мы помолились и пошли далѣе, мимо церкви св. Іакова, брата Господня, и церкви 40-ка мучениковъ. Вышли мы на четырехъ угольную, мощеную камнемъ, площадь, гдѣ арабы продавали кресты, четки, образа, ливанъ и смирну. Но вотъ огромныя желѣзныя ворота, обращенныя къ югу; это входъ во храмъ Воскресенія. Войдя въ него, мы увидѣли близь самыхъ дверей, на нарахъ сидящаго турка, въ чалмѣ, съ длинною трубкою. У этого турки хранились ключи отъ храма. При видѣ сего мусульманина въ столь священномъ для насъ мѣстѣ, мнѣ было прискорбно и непріятно; впрочемъ, скоро мысли и чувства мои успокоились. Сѣняхъ въ трехъ, противъ входа, лежала мраморная плита, надъ которой, подъ балдахиномъ, горѣло болѣе десятка разноцвѣтныхъ лампъ. Эта плита есть тотъ камень, на которомъ тѣло Іисуса Христа, по снятіи со креста Іосифомъ и Никодимомъ, было приготовляемо къ погребенію натираніемъ благовонными мастями. Этотъ камень названъ камнемъ мѵропомазанія, или камнемъ разгвожденія Христа, такъ какъ на немъ же руки и ноги Спасителя были освобождены отъ вбитыхъ гвоздей. Приложившись къ этому камню, мы подошли къ мѣсту, покрытому тонкою желѣзною рѣшеткою, съ висящею въ серединѣ ея горящею лампадою. Это—мѣсто, съ котораго Божія Матерь смотрѣла на своего Божественнаго Сына, когда его приготовляли къ погребенію. Помолившись на этомъ мѣстѣ, мы повернули направо и намъ открылся огромный храмъ съ великолѣпнымъ куполомъ, который поддерживали необыкновенной величины колонны изъ цѣльнаго мрамора. Посрединѣ храма, подъ куполомъ, стояла часовня, устроенная въ видѣ маленькой церквицы: въ ней-то и находится гробъ Господень. Вокругъ всей часовни висѣло множество разной величины красивыхъ лампадъ; противъ дверей часовни стояли 4 огромныя свѣчи въ подсвѣчникахъ; онѣ зажигаются только во время большихъ праздниковъ. Я приблизился къ часовнѣ и сердце мое затрепетало... Богомольцы начали разуваться и надѣвать новые чулки или носки. Я далъ имъ всѣмъ впередъ идти въ часовню, а самъ опустился на колѣна и сталъ

усердно молиться. Когда вышли изъ часовни послѣдніе богомольцы, я, скинувъ сапоги, надѣлъ новые носки и дрожащими руками снялъ съ своей шеи образокъ, который дѣдъ мой и отецъ брали съ собой во время путешествія. Войдя въ часовню, я увидѣлъ четырехъугольную небольшую храмину, въ которой лежалъ камень, отваленный ангеломъ отъ погребальной пещеры Господа во время Его воскресенія. Я помолился и приложился къ этому камню. Потомъ, съ замираніемъ сердца, на колѣнахъ я проползъ маленькую дверку или отверстіе и, при свѣтѣ горящихъ лампадъ, увидѣлъ гробъ Господень. Я положилъ на св. гробъ свой образокъ, припалъ ко гробу своими устами и залился горючими слезами.....

Исполнилось давнишнее сердечное мое желаніе. На душѣ стало легко и радостно. Отъ гроба Спасителя всѣ мы, богомольцы, пошли на сѣверъ и пришли къ мѣсту, обозначенному мраморнымъ кругомъ, надъ коимъ висятъ горящія лампады. На этомъ мѣстѣ Іисусъ Христосъ, по воскресеніи Своемъ, явился Маріи Магдалинѣ въ видѣ Вертоградаря. Далѣе мы вошли въ церковь, построенную на мѣстѣ бывшаго вертограда Іосифа и завѣдываемую римскими католиками. Здѣсь, за крѣпкою рѣшеткою, хранится часть позорнаго столба, къ которому были привязаны руки Іисуса Христа въ преторіи Пилата. Сопровождавшій насъ іеромонахъ, сквозь рѣшетку, прикоснулся къ этому столбу однимъ концемъ тутъ же лежащей трости и давалъ прикладываться къ ней поклонникамъ. Въ этой же церкви, близь престола, за рѣшеткою находятся каменныя узы, въ которыя, какъ полагаютъ, были забиты ноги Спасителя. Узы эти есть ничто иное, какъ камень, въ длину и ширину около аршина, съ двумя круглыми дырами, въ которыя продѣвались ноги узника, изъ опасенія, чтобы онъ не ушолъ. Недалеко отъ этихъ узъ находится, по преданію, то мѣсто, гдѣ была пещера, въ которую заключили Іисуса Христа, пока на Голгоѳѣ дѣлались приготовленія къ Его распятію и, будто бы, здѣсь скорбящая Божія Матерь, поддерживаемая благочестивыми женами, проливала слезы въ то самое время, когда распинали ея Божественнаго Сына. Это мѣсто называется придѣломъ Богоматери. Отсюда мы вошли въ придѣлъ, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Лонгинъ сотникъ во время смерти Богочеловѣка и увѣровалъ въ него. Затѣмъ, помолившись престолу, построенному, гдѣ воины дѣлили ризы Спасителя и метали жребій, мы спустились по большой каменной лѣстницѣ въ глубокое подземелье, гдѣ найденъ былъ животворящій крестъ Господень; и въ самомъ углубленіи поклонились этому св. мѣсту. На обратномъ пути отсюда, зашли мы въ церковь съ нѣсколькими престолами въ память обрѣтенія честнаго креста св. Еленою и раскаявшагося разбойника. Отсюда мы вышли на одно изъ самыхъ трогательныхъ для христіанина мѣстъ — на гору Голгоѳу. Сердце мое содрогнулось; я палъ ницъ и залился слезами. Помолясь кресту, въ вышину подлиннаго креста Христова, съ прекраснымъ распятіемъ на немъ

Господа, и изображеніями по бокамъ его, во весь ростъ, Божіей матери и Іоанна Богослова, мы приложились, потомъ, къ пробоинѣ или углубленію, гдѣ водруженъ былъ крестъ Спасителя, и къ разсѣлинѣ, которая образовалась отъ землетрясенія при кончинѣ Іисуса Христа. Съ Голгоѳы мы снова вошли въ храмъ Воскресенія, гдѣ скоро кончилась вечерня, и народъ расходился а мы, вновь прибывшіе богомольцы, должны были ночевать въ храмѣ.

Когда турки заперли двери храма, насъ позвали въ третій этажъ, въ келью, гдѣ архимандритъ записалъ наши и сродниковъ имена для поминовенія у гроба Господня, при чемъ каждый клалъ на блюдо нѣсколько денегъ. Затѣмъ архимандритъ предложилъ намъ ужинъ, который состоялъ изъ маслинъ, чечевицы и пилафа. За столомъ подносили водку и вино. Послѣ ужина насъ отвели въ особую келью, въ которой на полу были разостланы ковры съ подушками. Нѣкоторые изъ богомольцевъ расположились спать, а другіе пошли въ храмъ, куда и я, отдохнувъ немного, послѣдовалъ. Въ храмѣ царствовала тишина; кой-гдѣ молились на колѣняхъ поклонники; по мѣстамъ лампады тускло горѣли. Въ полночь я приблизился ко гробу Господню и горячо молился, съ пролитіемъ слезъ, до того времени, когда въ 2 часа, ударили въ доску къ заутрени. Я вышелъ отъ гроба Господня, сходилъ помолиться на Голгоѳу и, возвратясь въ храмъ, всталъ близь архіерейскаго мѣста. Молящихся было довольно много разныхъ націй и вѣроисповѣданій. По окончаніи утрени, тотчасъ же началась у гроба Господня православная литургія, за которой поминались наши имена и сродниковъ; вслѣдъ за православной стали служить армянскую обѣдню, а послѣ этой началось служеніе католическое, при звукахъ органа.

15-го апрѣля.

По окончаніи богослуженія, мы, русскіе могомольцы, возвратились въ патріаршую въ свой пріютъ; насъ угостили кофеемъ. Послѣ обѣда съ насъ потребовали по 30-ти коп. сереб. и объявили, что долѣе мы оставаться здѣсь не можемъ. Поклонники начали хлопотать на счетъ квартиры. Благодаря услужливости одного отставнаго солдата, я нашолъ себѣ помѣщеніе въ квартирѣ, нанятой нашимъ консуломъ собственно для русскихъ поклонниковъ. Помѣщеніе не особенно завидное: въ числѣ 8-ми товарищей я долженъ былъ расположиться на худенькихъ рогожахъ, разостланныхъ на землѣ. Конечно, лучше бы поселиться, какъ я узналъ, въ Михайловскомъ монастырѣ; но тамъ оказалось дорого: требовали 2 руб. сереб. съ человѣка. Да и не мѣсто, чтобы заботиться здѣсь о житейскихъ удобствахъ,

16-го апрѣля.

По утру—это была Лазарева суббота—я и товарищи мои рѣшили идти на Елеонскую гору, къ могилѣ св. Лазаря и прочимъ св. мѣстамъ. Съ проводникомъ мы пошли изъ своего подворья по тѣмъ улицамъ, гдѣ Христа Спа-

сителя вели на распятіе. Подошли къ судебнымъ воротамъ, которыя немного сохранились; тутъ прочитанъ былъ Іисусу Христу смертельный приговоръ. Я прослезился. Потомъ увидѣли то мѣсто, гдѣ Спаситель остановился и сказалъ плачущимъ іерусалимскимъ женамъ: „не плачьте обо Мнѣ; лучше о себѣ плачьте и о дѣтяхъ вашихъ“. Здѣсь, по преданію, изъ своего дома вышла св. Вероника и отерла окровавленное лицо Іисуса Христа. Потомъ дошли до мѣста, откуда Симонъ Киринейскій понесъ крестъ Спасителя. Поворотивъ на другую улицу, мы подошли ко дворцу Пилата; не вдалекѣ отъ него указываютъ развалины дома Иродова. Нѣсколько въ сторонѣ отсюда находится францискансній монастырь, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ воины Пилата наносили Іисусу Христу биченія, заушенія и заплеванія. Потомъ, пройдя Антоновскую башню, мы увидѣли на большой площади храмъ Соломоновъ и хотѣли было пойти къ нему; но турокъ насъ не допустилъ. Послѣ я узналъ, что христіане могутъ ходить къ этому храму только по особенному разрѣшенію. Не подалеку отъ Соломонова храма находилась овчая купель. Далѣе мы прошли Геѳсиманскія ворота, при которыхъ находилась турецкая стража, и передъ нами открылась гора Елеонская. Перейдя по мостику черезъ потокъ Кедронъ, въ которомъ не было и признаковъ воды, мы подошли къ Геѳсиманскому саду; онъ былъ огороженъ стѣною и охранялся однимъ французомъ. Здѣсь намъ указано было то мѣсто, на камнѣ, гдѣ Іисусъ Христосъ совершилъ моленіе о чашѣ; приложившись къ этому мѣсту, мы сошли къ тѣмъ камнямъ, на которыхъ уснули апостолы, пока молился Спаситель. Изъ Геѳсиманскаго сада мы пошли на Елеонскую гору, къ тому мѣсту, съ котораго Іисусъ Христосъ вознесся на небо. Здѣсь, по случаю ежегодно бываемаго въ этотъ день церковнаго торжества, народу собралось множество, такъ что не было никакой возможности пробраться къ мѣсту вознесенія Господня. Обѣщаясь придти сюда въ другой разъ, я съ нѣкоторыми изъ богомольцевъ пошолъ въ Виѳанію, которая отстоитъ отъ Іерусалима не болѣе 4-хъ верстъ. Пройдя немного, передъ нами открылся весь св. городъ и мы долго любовались его прекраснымъ видомъ. Могила праведнаго Лазаря находится въ концѣ Виѳаніи. Мы спустились со свѣчами въ погребальную пещеру, гдѣ покоился св. Лазарь. Помолившись и выйдя изъ пещеры, мы пришли туда, гдѣ сестра Лазарева встрѣтила Іисуса Христа, шедшаго съ Іордана. Помолившись здѣсь, другимъ путемъ возвратились на Елеонскую гору, а отсюда къ Геѳсиманской церкви; но она оказалась запертою. Придя въ Іерусалимъ на квартиру, я не много отдохнулъ; потомъ пошолъ къ вечернѣ въ Михайловскій монастырь, гдѣ было очень много русскихъ поклонниковъ. Возвратясь отсюда на свое подворье, я увидѣлъ финиковыя вѣтви, присланныя нашимъ мелитопольскимъ архіереемъ, въ то время бывшимъ въ Іерусалимѣ, всѣмъ русскимъ богомольцамъ, для стоянія завтра въ храмѣ во время заутрени. Взявъ съ собою нѣсколько изъ этихъ

вѣтвей, я пошолъ въ храмъ Воскресенія, гдѣ и остался провести ночь. Разумѣется, мнѣ было не до сна. Ровно въ полночь зазвонили въ колокола, начали бить въ металлическія и деревянныя доски; это къ заутрени. Служеніе было торжественное: множество греческаго духовенства, съ митрополитомъ Петромъ во главѣ; неимовѣрное стеченіе народа со свѣчами и ваіями; полное освѣщеніе храма. За тишиной и спокойствіемъ наблюдала турецкая стража. Ходъ духовенства вокругъ гроба Господня, съ хоругвями, образами, зажженными свѣчами и ваіями, мнѣ особенно понравился. Послѣ этого хода началась литургія, окончившаяся въ 6 часовъ утра.

17-го апрѣля.

Придя отъ обѣдни на квартиру и подкрѣпивъ себя немного пищею, я и товарищи мои пошли за городъ тѣмъ же путемъ, что и вчера проходили. Недалеко отъ потока Кедрскаго, въ скалѣ находится силоамская купель. Во время нашего прихода, въ ней купались турки. Мы умылись водою изъ нея. Поклонившись, далѣе, гробницамъ св. Захаріи и Іосафата, оттуда виднѣлся памятникъ Авессалома, мы направились къ Геѳсиманской церкви. Эта церковь стоитъ въ углубленіи скалы и входить въ нее надобно по большой лѣстницѣ внизъ. Мы спустились на нѣсколько ступеней: тутъ, съ правой стороны, въ стѣнѣ, лежали гроба родителей Божіей Матери, а съ лѣвой, напротивъ ихъ, гробъ обручника Ея Іосифа. Поклонившись этимъ приснопамятнымъ мѣстамъ, мы сошли по лѣстницѣ въ церковь, въ которой была служба. Посреди церкви стояла часовня на подобіе той, какъ надъ гробомъ Господнимъ; въ ней стоялъ гробъ Пресвятыя Богородицы. Вокругъ часовни горѣло множество лампадъ. Вошедъ въ эту часовню, я исполнился радостнаго трепета, съ умиленною душою молился передъ гробомъ Богоматери и приложился къ нему. Народу въ церкви было очень мало. Мы возвратились на квартиру къ вечеру и узнали, что завтра, утромъ, поклонники отправятся на Іорданъ.

18-го апрѣля.

Съ ранняго утра на улицѣ собралось множество богомольцевъ и каждый нанималъ себѣ подводу у извощиковъ. Цѣна лошади на Іорданъ и обратно была 3 руб., мула и верблюда—2—2½ руб., а лошака—1 руб. 60 коп. Я предпочелъ идти пѣшкомъ. Въ 8 часовъ караванъ тронулся изъ Іерусалима черезъ Геѳсиманскія ворота. Поклонниковъ было болѣе 400. При караванѣ, для его охраненія, находилось нѣсколько десятковъ турокъ и бедуиновъ. Поѣхали по Виѳанской дорогѣ. Скоро потянулись крутыя каменистыя горы; тропинки узенькія, обрывистыя. По такому пути чрезвычайно было трудно не только ѣхать, но и идти: того и гляди угодишь къ пропасть, или сломаешь ноги объ острые камни. Черезъ 10 верстъ караванъ отды-

халъ около часу. Солнечный жаръ, особенно въ скалахъ, становился не выносимымъ. Я ужасно утомился и не одинъ разъ пожалѣлъ, что не нанялъ себѣ лошака. Чрезъ нѣсколько времени мнѣ удалось уговорить одного турка подвезти меня за 50 коп. сереб. на его верблюдѣ. Скоро открылась глазамъ моимъ высочайшая гора, съ бѣлѣющею вершиною, на которой Іисусъ Христосъ постился 40 дней и 40 ночей и былъ искушаемъ отъ дьявола. Потомъ, караванъ спустился съ горы и мимо Іерихона двинулся по равнинѣ. Здѣсь много росло дикаго терну, съ котораго бедуины срывали ягоды и ѣли ихъ [1]). Недалеко отъ такой-то арабской деревни, близь источника, караванъ остановился на отдыхъ. Богомольцы принялись чай пить и закусывать. Съ закатомъ солнца сдѣлалось прохладно. Богомольцы расположились спать подъ терновыми кустами. По причинѣ усталости я долго не могъ заснуть и, при свѣтѣ двурогаго мѣсяца, смотрѣлъ на окрестности съ высокими палестинскими горами.

19-го апрѣля.

Въ 5 часовъ караванъ тронулся въ путь. Скоро въ сторонѣ отъ насъ завиднѣлось Мертвое море, а черезъ 2 часа мы были у водъ Іордана. Отдохнувъ на берегу и выбравъ мѣсто поудобнѣе, я раздѣлся и трижды погрузился въ воду. Потомъ одѣвшись въ чистое новое бѣлье, набралъ камешковъ и налилъ въ мѣдную посуду воды. Теченіе воды въ Іорданѣ необыкновенно быстрое. Вода очень холодная, на вкусъ пріятная. Кажется она бѣловатою, мутною; но когда отстоится, то дѣлается прозрачною, какъ кристаллъ. Когда всѣ богомольцы выкупались въ Іорданѣ, караванъ тѣмъ же путемъ пошолъ обратно и близь Іерихона остановился, гдѣ простоялъ до слѣдующаго утра. Нѣкоторые поклонники, въ томъ числѣ и я, просили начальника каравана, чтобы онъ позволилъ сходить намъ на гору, гдѣ Іисусъ Христосъ искушаемъ былъ отъ дьявола; но на это мы разрѣшенія не получили, потому что ходить туда, по причинѣ недоступности, слишкомъ опасно.

20 апрѣля.

Въ 4 часа утра богомольцы поднялись на ноги. Караванъ двинулся. Я сѣлъ на осленка, котораго нанялъ пополамъ вчера съ однимъ товарищемъ въ одной арабской деревушкѣ. Въ Іерусалимъ прибылъ усталый, измученный.

---

[1]) Изъ породы этого терна, какъ говорятъ, сдѣланъ былъ вѣнецъ Спасителя. Ягоды на терніе свѣтло-коричневаго цвѣта, величиною въ наши калиновыя, на вкусъ кисловатыя, и называются акридами. Н. Ш.

21 апрѣля.

Былъ у заутрени въ Михайловскомъ монастырѣ; исповѣдался и за обѣдней пріобщился св. Таинъ. Къ вечернѣ ходилъ въ храмъ Воскресенія, гдѣ совершался обрядъ омовенія ногъ; но за множествомъ народа не могъ ничего видѣть.

22 апрѣля.

Утромъ и днемъ ходилъ по святымъ мѣстамъ Іерусалима. Вечерню стоялъ въ храмѣ Воскресенія, гдѣ и остался провести ночь. При мнѣ бывшую икону Касперовской Божіей Матери я поставилъ на гробъ Господень и потомъ отослалъ ее въ свою родную Выѣздную Слободу въ церковь Смоленской Божіей Матери Одигитріи, гдѣ она находится позади лѣваго клироса и по сіе время.

23 апрѣля.

Въ 12 часовъ начали звонить въ колокола и бить въ доски къ заутрени. Лампады, числомъ до 2000, были зажжены всѣ. Народу собралось великое множество. Когда митрополитъ Петръ пришолъ съ многочисленнымъ духовенствомъ, началась утреня, послѣ которой совершонъ былъ торжественный ходъ съ плащаницею вокругъ гроба Господня и кругомъ всего храма. Потомъ началась литургія. По окончаніи богослуженія я пошолъ на квартиру и немного отдохнулъ. Около полудня опять пошолъ въ храмъ Воскресенія. Народъ наполнялъ храмъ, въ которомъ не горѣла ни одна лампада. Тѣснота была чрезвычайная, особенно вокругъ гроба Господня, гдѣ стояли греки, арабы, армяне и другіе поклонники, кромѣ русскихъ. По стѣнамъ храма были устроены въ 4 этажа, особыя мѣста, которыя занимали богатые греки, армяне и др. Въ часъ по полудни пришолъ митрополитъ съ духовенствомъ, въ числѣ болѣе 200 особъ. Минутъ черезъ 20 раздались въ храмѣ возгласы и крики на разныхъ языкахъ: это народъ просилъ о ниспосланіи съ небесъ благодатнаго огня. Скоро въ храмѣ сдѣлался великій шумъ и смятеніе: люди переходили съ мѣста на мѣсто, кричали, топали ногами, били въ ладоши, влѣзали на карнизы, откуда сталкивали другъ друга; словомъ сказать—въ храмѣ происходило нѣчто странное и удивительное. Я пролѣзъ кое-какъ къ алтарю и съ сѣверной стороны остановился, потомъ взлѣзъ на карнизъ колонны. Въ 2 часа духовная процессія вышла изъ алтаря и тихо двигалась къ гробу Господню. Во время обхода ея вокругъ

часовни крики и шумъ въ храмѣ увеличились. Послѣ двукратнаго обхожденія, процессія остановилась передъ дверями часовни; тутъ съ митрополита сняты были церковныя облаченія и онъ, войдя въ часовню, затворился тамъ; а процессія обошла вокругъ часовни еще разъ. Прошло съ полчаса. Вдругъ въ часовнѣ блеснулъ огонь и митрополитъ выдалъ сначала въ окошечко съ южной стороны, а потомъ—съ сѣверной, по 33 зажженыхъ свѣчей. Арабы, какъ ближе всѣхъ стояли въ окнамъ, приняли эти свѣчки и побѣжали; народъ за ними. Суматоха поднялась невообразимая. Когда я, удалившись въ уголъ храма, гдѣ почти не было народу, началъ обжигать свои свѣчки благодатнымъ огнемъ, ко мнѣ подбѣжалъ турецкій солдатъ закурить сигару. Какъ ни тяжело для меня было, но я не могъ этому воспрепятствовать. Богомольцы выходили изъ храма съ зажженными свѣчами. Собравшись на квартирѣ, богомольцы разсказывали другъ другу, кто гдѣ стоялъ въ храмѣ и что видѣлъ. По захожденіи солнца, я пришелъ въ храмъ встрѣтить свѣтлый, сугубо-радостный, день воскресенія Христова. Народъ, въ разнообразныхъ праздничныхъ, преимущественно въ азіатскихъ, костюмахъ толпился по храму во множествѣ. Я уединился къ тому мѣсту, гдѣ сняли со креста Спасителя, и предался размышленіямъ, а болѣе — молитвѣ.

24 апрѣля.

Въ 12 часовъ ночи началась высоко-торжественная служба, шествіемъ изъ алтаря духовной процессіи, съ пѣніемъ на греческомъ языкѣ, къ часовнѣ гроба Господня, которую обошла три раза. Потомъ митрополитъ вошолъ въ часовню и, побывъ тамъ нѣсколько минутъ, вышелъ, произнося на разныхъ языкахъ: «Христосъ воскресе!». При видѣ этого умилительнаго зрѣлища, радостныя слезы катились изъ глазъ моихъ. Затѣмъ, процессія обошла вокругъ храма и, какъ только возвратилась въ алтарь, началась утреня; а потомъ литургія. Евангеліе читалось на разныхъ языкахъ. По окончаніи богослуженія, я пошолъ на квартиру и отдохнулъ. Затѣмъ, я съ товарищами пообѣдалъ въ греческой харчевнѣ; послѣ того ходили по св. городу. За Яффскими воротами греки, армяне и др. гуляли и веселились въ кофейняхъ; но это веселье ихъ мнѣ было не по душѣ. Послѣ вечерни, съ закатомъ солнца, мы возвратились на квартиру.

25 апрѣля.

Утромъ я съ товарищами отправился въ Виѳлеемъ — мѣсто рожденія Іисуса Христа. День былъ прекрасный. По дорогѣ, верстахъ въ двухъ отъ Іерусалима, зашли въ монастырь св. великомученика Георгія. Затѣмъ, пройдя еще версты 3, завидѣли памятникъ на мѣстѣ погребенія Рахили и покло-

нились ему. Черезъ нѣсколько времени показался Виѳлеемъ. Это—небольшое селеніе съ садами; жители его занимаются выдѣлываніемъ перламутровыхъ крестиковъ и каменныхъ небольшихъ образовъ. Мы вошли въ обширную церковь, построенную надъ вертепомъ, въ который, помолясь, и спустились по мраморной лѣстницѣ. Вертепъ небольшой, освѣщенъ былъ лампадами. Я палъ со слезами ницъ въ этомъ святомъ мѣстѣ и долго молился; потомъ приложился къ престолу со звѣздою, означающею мѣсто рождества Христова; затѣмъ, приблизился къ тому углубленію, гдѣ стояли ясли, въ которыхъ возлежалъ Божественный Младенецъ. Я поцѣловалъ край этого углубленія. Одна часть вертепа была обложена мраморомъ, а другая — завѣшена золотою парчею. Изъ вертепа мы опять вошли въ большой храмъ, и записали здѣсь у одного монаха въ книгу имена свои и родныхъ для поминовенія. Послѣ того возвратились тѣмъ же путемъ въ Іерусалимъ.

Послѣдніе, затѣмъ, три дня и три ночи моего пребыванія въ Іерусалимѣ я всецѣло посвятилъ хожденію по святымъ мѣстамъ. Потомъ взялъ у консула, подписанный имъ, паспортъ для возвращенія въ Россію и нанялъ до Яффы лошака за 1 руб. сереб. 29-го апрѣля 1861 г., по утру, съ шестью путниками, изъ коихъ было четверо русскихъ, я выѣхалъ изъ Іерусалима. Тяжело и грустно мнѣ было при отъѣздѣ изъ св. города. Выѣхавъ за Іерусалимскія ворота, я со слезами на глазахъ мысленно произнесъ: «Благодарю Тебя, Господи, что удостоилъ меня быть у Твоего св. гроба и поклониться священнымъ мѣстамъ, и тѣмъ исполнить давнишнее мое желаніе». Скоро Іерусалимъ скрылся изъ глазъ моихъ.

Въ Яффѣ я сѣлъ на англійскій пароходъ, заплативъ 5 руб. сер. до Константинополя. Это было вдвое дешевле противъ русскихъ пароходовъ, но за то оказалось въ пять разъ неудобнѣе ѣхать: при невообразимой тѣснотѣ и при незнаніи англійскаго языка, на которомъ надобно было объясняться съ пароходной прислугой, нельзя было безъ особеннаго труда ничего достать, даже воды. Изъ Константинополя я ѣхалъ на русскомъ пароходѣ за 5 же руб. сереб. до Одессы, куда прибылъ 11-го мая, а на другой день былъ уже въ Херсонѣ, гдѣ почти безвыѣздно до конца года занимался рыбною торговлею.

Въ январѣ слѣдующаго 1862 г. я заказалъ въ Одессѣ сдѣлать мѣдный кубъ, съ которымъ и отправился въ Кишиневъ. Здѣсь купилъ черной нефти и изъ нея выгналъ бѣлую; изъ этой нефти мнѣ хотѣлось приготовить газъ для освѣщенія г. Херсона; но для этого я не могъ найти свѣдущаго человѣка или мастера, и такимъ образомъ эта затѣя моя не удалась. Нефть я продалъ въ аптеку и снова сталъ торговать рыбою въ Херсонѣ. Потомъ, лѣтомъ, ѣздилъ въ Кишиневъ, Москву и Нижній-Новгородъ. Здѣсь, во время обѣдни, въ ярмарочномъ соборѣ у меня вынули изъ кармана 148 руб. Это были мои послѣднія деньги, и я нашолся вынужденнымъ просить старшаго

моего сына о присылѣ мнѣ 25 руб. Потомъ, побывавъ на своей родинѣ—въ слободѣ Выѣздной, я отправился къ двоюродному брату моему въ Бузулукъ, гдѣ прожилъ до половины 1863 г. и снова возвратился въ Нижній-Новгородъ, отнуда вскорѣ началъ собираться въ Петербургъ съ цѣлію—не возьмется ли кто напечатать настоящую исторію моей жизни.

Николай Шиповъ.

Примѣчаніе. 1-го декабря 1877 г. бывшій крѣпостной крестьянинъ, нынѣ Херсонскій мѣщанинъ, Н. Н. Шиповъ представилъ, чрезъ посредство А. Н. Труворова, въ редакцію „Русской Старины" автобіографію, въ рукописи, подъ заглавіемъ: „Исторія моей жизни и моихъ странствій", которая выше и напечатана. Рукопись Шипова, убористаго, писарскаго почерка, состоитъ изъ 175-ти листовъ обыкновенной писчей бумаги и заключаетъ въ себѣ разсказъ о жизни автобіографа, со дня его рожденія, по 1862-й годъ включительно. Событія своей жизни авторъ излагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ, годъ за годомъ, мѣстами—день за днемъ, такъ что разсказъ его представляется въ видѣ хроники или дневника.

Въ концѣ 1863-го года Шиповъ представилъ свою рукопись въ императорское русское географическое общество, которое присудило за нее автору серебряную медаль. Членъ-сотрудникъ этого общества А. Н. Труворовъ, въ отзывѣ своемъ объ автобіографіи Шипова, указавъ на главныя ея достоинства, въ заключеніе говоритъ, что „рукопись Шипова заслуживаетъ вниманія и сама по себѣ, какъ произведеніе крестьянина-самоучки, передающаго все видѣнное и испытанное имъ, безъ малѣйшихъ прикрасъ, со всѣми достоинствами и недостатками, свойственными умному и наблюдательному простолюдину" (Отчетъ Импер. Русск. Геогр. Общ. за 1864 г., прил. III, стр. 101—103).

Въ громадной рукописи Шипова, на ряду съ разсказами не лишенными интереса и значенія для знакомства съ тяжкими условіями быта русскаго крестьянства пережитаго времени, содержится довольно много подробностей, не имѣющихъ значенія ни въ историческомъ, ни въ народно-бытовомъ отношеніи или по ихъ общеизвѣстности, или по сомнительной достовѣрности, или же потому, что касаются фактовъ частной обыденной жизни автора; при этомъ изложеніе событій страдаетъ растянутостью, излишними подробностями, повтореніями и т. под. Въ виду этого редакція „Русской Старины" сочла необходимымъ значительно сократить рукопись Шипова, каковой трудъ, съ согласія автора, и порученъ былъ — Н. М. Востокову. Въ такомъ сокращенно-исправленномъ видѣ автобіографія Шипова и напечатана.

Какъ видно выше, разсказъ Шипова оканчивается 1862-мъ годомъ. Изъ послѣдующей, затѣмъ, жизни его слѣдуетъ упомянуть о томъ, что онъ, будучи уже преклонныхъ лѣтъ, совершилъ, въ 1866-мъ году, вторичное путешествіе въ Іерусалимъ; въ 1868-мъ году отправился въ Ташкентъ, гдѣ прожилъ до 1876-го года, когда возвратился къ роднымъ своимъ въ Нижегородскую губернію. Во время печатанія автобіографіи, въ 1881 году, Николай Николаевичъ Шиповъ находился въ С.-Петербургѣ.

Ред.